

Анатолий Подольский

*Павловский
платок*

*Рассказы, очерки,
путевые заметки*

Йошкар-Ола
Издательский дом «Марийское книжное издательство»
2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)6-44
П 44

*Книга издана по государственной программе
Республики Марий Эл
«Культура Марий Эл на 2013 – 2020 годы»*

Подольский, Анатолий Анатольевич.

П 44 Павловский платок: рассказы, очерки, путевые заметки. – Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2017. – 256 с.: ил.

ISBN978-5-7590-1164-4

А. А. Подольского читатель знает по его предыдущим книгам – сборникам стихов. Выход в свет этого издания позволит автору показать широкий спектр его прозы: рассказы с захватывающими сюжетами, очерки с художественным изложением и путевые заметки, позволяющие увидеть особый, бескомпромиссный взгляд автора на охваченные темы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN978-5-7590-1164-4

© Подольский А. А., 2017
© Бакулевский А. А., рисунки, 2017

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

Большое видится на расстоянии. На расстоянии прожитых лет, пройденных вёрст, виденных стран и земель... Всего этого у Анатолия Подольского много. И не случайно поэт, уже состоявшийся, начал писать рассказы и очерки, воспоминания и путевые заметки, основанные на прожитом и пережитом, как самим автором, так и людьми, с которыми жил, дружил или был знаком давно и недавно, долго и коротко...

Родители, большая родня, односельчане, друзья, одноклассники и учителя... Их столько у Анатолия было и есть, что невольно позавидуешь. Но это не однородная масса каких-то слоёв общества, а Человеки. Каждый со своей изюминкой. И заслуга автора в том, что каждому характеру, каждому облику найдены слова, за которыми встаёт этот Человек. Иногда с драматической, а то и вовсе с трагической судьбой.

Иногда улыбаешься сплетениям любовных нитей, как в рассказе «Нечистый виноват», представишь даже себя на месте Николая и считаешь с грустью своих уже слившихся с прошлым «Наташ»...

Я мог бы и дальше разбираться в тонкостях жизни «параллельно» автору и делиться своими мыслями и домыслами о каждом рассказе, но это не поиск пресловутой соринки, а всего лишь от доброго завистничества: это ж угораздило Анатолия столько наследить на белом свете, чтоб писать, писать и писать. О жизни, о людях... Почти документально, но с неповторимым художественным изложением в каждом произведении...

Не просто оценивать произведения коллег, выискивать в них изъяны или подчёркивать удачные фрагменты рассказа или очерка. Однако всегда могу сказать: нравится или нет. Относительно рассказов Анатолия Подольского ответ однозначный – нравится.

Начинаешь читать какой-либо рассказ или очерк А. Подольского и уже представляешь и школу в Аргуново, и ярмарку Ильинскую. Описания жизненно правдивы, просты, читаются легко, и нет осадка, что автор что-то надумал. Здесь всё по-настоящему: то работа школьников в поле на другой день после первого сентября; то встреча с первой любовью через много лет, которые не унесли нежности далёких встреч.

С определённой долей уверенности могу утверждать: книга понравится и массовому читателю, соскучившемуся по правдивому живому слову, понятному и искреннему.

*Сергей Шелепов,
член Союза писателей России*

ПАВЛОВСКИЙ ПЛАТОК

До родной деревни оставалось совсем ничего, и в машине все смолкли. Так было всегда: после продолжительной поездки все члены семьи осознавали, что отец, подъезжая к отчому дому, волнуется, и как-то само собой прекращались все разговоры, шутки, никто не предлагал уже закончить решение кроссворда или дать правильный ответ на хитроумную загадку.

Я и в самом деле испытывал щемящее чувство радости и грусти одновременно, когда ехал по знакомым с детства местам. Всё здесь казалось милым и родным. Много лет назад после окончания школы я уехал из этих мест, но старался по возможности бывать на родине. Здесь жила мама, Мария Васильевна, жила одна, так как муж её, мой отец, Анатолий Александрович, с которым они прожили вместе 55 лет, скончался и был похоронен на местном кладбище «У Старого Егория». Мы с женой Лидой неоднократно предлагали маме переехать к нам, в город, в другую область, но она под разными предлогами всё не соглашалась.

На этот раз я был настроен решительно и, заручившись поддержкой Лиды, дочери Кати и даже маленького внука Алёши, решил во что бы то ни стало уговорить мать переехать к нам в городскую квартиру. Машина мягко остановилась на лужайке около дома. Трава вокруг построек была выкошена. Мария Васильевна знала, что семья наша вот-вот придет и, несмотря на свой возраст, а ей было уже за восемьдесят, сама загодя навела порядок в доме и во дворе.

Она, как всегда, была рада нашему приезду. Вынимала из русской печи «шти», сваренные из мяса и овсяной крупы, собирала на стол деревенские яства и, как водится, по особому случаю ставила самовар. Раньше в доме было три самовара: один, полученный по наследству от бабушки и дедушки по отцовской линии, был отдан младшему брату Саше, который жил в Ленинградской области, другим самоваром Мария Васильевна пользовалась сама, а третий был приготовлен для нас, чтобы на даче пользовались.

Пока Лида с Катей раскладывали из многочисленных пакетов привезённые продукты, я достал из дорожной сумки свой подарок – большой белый головной платок из тонкой паутинки.

Несмотря на свои размеры, он был настолько невесомым, что я в который раз удивился мастерству рук, которые его создали.

Мама приняла подарок с улыбкой и, как водится, стала говорить: «Зачем возишь? Куда мне их?» Но по всему было заметно: ей приятно получить этот шикарный головной платок. Платков у мамы было всегда много, точнее целая коллекция. С детства мы знали, что у мамы особое отношение к платкам. Хранились они в отдельном сундуке, старинном, сделанном ещё предками матери. По каждому отдельному поводу надевался свой головной убор, соответствовавший времени и месту: летом на сенокос – лёгкие белые платочки; в гости или на женские посиделки – расписные цветами платки; зимой сначала надевался простой ситцевый платок, а сверху – тёплый шерстяной. Нарядные, в цветных рисунках полушалки надевались, когда мама шла в другую деревню или ехала к родственникам. Для особых случаев, например, для свадеб, которые в деревнях в те годы отмечали шумно и весело, были припасены в отдельной стопке праздничные шали.

Об этом увлечении мамы знали все родственники, и когда приезжали к ней в гости, то непременно старались привезти свой, особый, с неповторимым рисунком платок или полушалок. Мама оставляла себе немногие, наиболее дорогие её сердцу, остальные раздавала дочерям, племянницам, просто знакомым молодым женщинам, а потом и внукам.

Когда в очередной раз мы везли ей, например, настоящий оренбургский платок хорошего качества, то знали, конечно, что ей не нужно такое количество тёплых платков, и она передаст его в свою очередь родственницам или ещё кому-то, но традиция уже устоялась, и изменить её было невозможно.

Мама могла долго и любовно показывать свою коллекцию из раритетного сундука и о каждой вещи рассказывала целые истории. Она помнила: где купила, кто подарил, почему она так бережно хранит тот или иной экземпляр.

– В этом полушалке меня увидел Толя (так она называла своего мужа) зимой 45-го года, когда он бравым моряком вернулся с войны. Родители Толи хоть и были раскулачены в начале 30-х годов, но всё равно считались состоятельными людьми, и хотели, чтобы невеста сына была из такой же обеспеченной семьи. Но всех девушек, которых привозили Анатолию на смотрины, он отверг и стал ухаживать за мной. Скажу по секрету: когда я была ещё маленькой – мне, наверное, лет восемь исполнилось, а ему шестнадцать – и он уже дружил со своими ровесниками,

я часто видела, как девушки приходят к нему в дом, а сама думала: «Ходите, ходите, а я вот вырасту и замуж за него выйду».

Сразу после Нового года, в 46-м, мы сыграли свадьбу. Жить стали в погребе, приспособив его под временное жильё, и заготавливали лес для строительства своего дома. На этой тяжёлой работе я и надорвалась. Когда родился наш первенец, то прожил всего несколько дней. Муж сколотил маленький гробик, я вернула мальчика в белый платок и сама положила его в первое и последнее пристанище. Слава богу, другие дети родились все здоровыми.

В этом платке я ходила с Толей расписываться в сельсовет. Это было, когда я в положении со второй дочкой была. Шли пешком – десять километров туда, десять километров обратно, но для нас, сельских жителей, это было обычным явлением.

А в этом я ездила в Мурманск, повидаться с сестрой и братьями. Спустя несколько лет после войны умерла наша мама Ульяна; она очень любила своего мужа Василия, так и не смогла пережить гибель его на фронте; все мои братья и сестра уехали в Заполярье. С той поры в родительском пятистенке никто не живёт, хотя сам видишь, он и сейчас выглядит статно и добротно. А место какое – на самом берегу реки. Загляденье просто!..

Мария Васильевна рассказывала не торопясь, бережно перекладывая шерстяные, ситцевые, шёлковые платки и полушалки.

– Мама, да у тебя каких только нет! Это же настоящий мужей, – воскликнул как-то раз я.

– Не согласна с тобой. Хочется мне увидеть ещё, хотя бы раз, один платок. Уж очень мне приглянулся.

– Почему увидеть? Ты скажи, какой, мы купим тебе.

– Ой, не знаю. Больно уж он красивый, не встречала я такого никогда.

– Ну, ты опиши его. Рисунок-то какой?

– Не рассказать мне. Знаю только, что цветы – краше нет, плывут в облаках. А небо чистое-чистое.

– Мама, не могут цветы вместе с облаками плыть.

– Не знаю, могут или нет, но только видела я.

– А где ты видела?

– Видела во сне. Приснился мне этот платок. Будто ты мне его подарил. Забыть не могу красоту эту.

Мне хотелось разговор превратить в шутку, но видя, что мать говорит серьёзно, не стал иронизировать.

Сундук с ценным для матери содержимым стоял на закрытой веранде. Старушка регулярно просушивала содержимое,

поэтому за десятки лет женские головные уборы, столь незамеченные в деревенской жизни, не истлели и не потеряли красок.

Она уже давно и не раз объяснила нам, кому и какой платок отдать после её смерти, но я всерьёз не принимал её слова, как бы считая, что мама у нас была всегда, так будет и дальше.

В детстве у меня с мамой были очень трогательные отношения. В деревнях русских не принято быть откровенно ласковыми и нежными к своим детям. А тогда и вовсе время было простое, ребята и девочки с самого раннего возраста работали: в колхозе – летом и дома – в любое время года, поэтому было не до сантиментов.

Но маленьким я был так привязан к матери, что ей было трудно казаться со мной строгой.

Мама рассказывала, что уже в начальной школе я отличался от сверстников начитанностью и эрудицией. Иногда говорил матери фразы из художественных книг, смысл которых она не всегда понимала, но чувствовала гордость, что сын её растёт не деревенским парнем, а тянется к другой, далёкой и непознанной ещё жизни.

Иногда, жалея, она уберегала меня от физической работы. Заходя зная, что предстоит делать днём (распорядок работ устанавливал отец), она заворачивала в простенький головной платок небольшой гостинец, например, свежее испечённый пирог, и наказывала мне, чтобы я отнёс его родственникам из другой деревни. Там меня встречали, поили чаем, расспрашивали о родителях.

Особенно мне нравилось посещать дома, где были книги, патефон или хотя бы велосипед. Всё это поступало в моё распоряжение, и день незаметно пролетал. К вечеру я бегом бежал домой и сразу спрашивал:

– А где мама?

Старшие сёстры Рая и Валя, целый день работавшие наравне со взрослыми, иногда язвили по поводу «книжного мальчика», но родители не позволяли меня обижать, да и сами сёстры в общем-то доброжелательно относились к младшему брату, смирившись с его статусом любимчика.

Ещё раньше, когда я только научился ходить, каждый раз, когда мама шла доить корову, я брал алюминиевую кружку (отец привёз её с морской службы), шёл на крыльцо, садился на ступеньки и терпеливо ждал, когда мама подоит корову и нальёт мне в кружку парного молока. Так с тех пор я и остался привязанным к молочным продуктам на всю жизнь.

Когда наступала самая горячая в деревне пора – сенокос, никаких поблажек уже быть не могло. В это время и стар и млад были на поже. Для детей самое долгожданное время – обед. Перед обедом нас отпускали искупаться в речке. А когда мы приходили обратно, освежившись в быстрой холодной воде, матери наши уже расстилали в тени на скошенной траве специально взятые для этой цели платки и расставляли на них посуду: блюда и кружки. Обед готовили на костре по очереди или это делал избранный обществом повар. Чай заваривали только из трав и листьев кустарников.

Вечером, после работы, когда все собирались домой, женщины для самых маленьких детей, оставленных дома, опять же в платки или в корзины собирали лесные ягоды.

Головные платки выполняли разные функции. Ими женщины не только вытирали слёзы свои и своих детей, использовали не только в качестве импровизированной скатерти, делали из них маленькие узелки, чтобы нести продукты, и большие узлы для переноса вещей, но могли использовать и как средство первой помощи.

Однажды сосед наш топором поранил ногу. Такое случалось крайне редко и было удивительно, так как все деревенские мужчины с детских лет умеют обращаться с топорами и другими инструментами. Но сосед во время работы случайно задел ветку дерева (дело было в лесу), она изменила движение руки, и топор попал в ногу. Пока одна из женщин отрывала нижний край юбки, чтобы перевязать ногу мужчине, другая быстрым движением сорвала с головы платок и зажала рану.

Другой случай, который произошёл уже со мной, я помню смутно, но мне подробно рассказывали, как и меня самого чудом спасла мама с помощью шерстяного платка. Когда мне не исполнилось ещё и трёх годиков, я крутился около топящейся печки-голландки. Сёстры тоже были в доме, играли в свои девичьи игры. В какой-то момент я, видимо, подошёл слишком близко к печке, в которой не была закрыта дверца, и на мне тотчас вспыхнула рубашка. Сёстры закричали и в испуге бросились на большую печь. А я, объятый пламенем, добежал-таки до входной двери, открыл её и успел позвать маму. Мать была в хлеву, ухаживала за скотиной. Ещё несколько секунд ушло, пока мама, услышав крик сына, забежала в дом. Вбежав в комнату, она моментально сняла шерстяной платок, который был на её голове, охватила меня и сбила пламя. В сельской больнице, куда меня доставили с обгоревшей спиной, работа-

ла фельдшером только что окончившая медицинское училище Светлана Васильевна. Благо, был телефон, и она постоянно консультировалась со специалистами областной больницы. Впоследствии Светлана Васильевна сама рассказывала, что когда она убирала остатки сгоревшей кожи на моей спине, а потом ежедневно делала перевязки, вместе со мной плакали почти все женщины-пациентки больницы. Обезболивающих препаратов тогда в сельских больницах и в помине не было. Трудно представить, какие мучения пришлось перенести, но меня с тяжёлыми ожогами спины и ягодиц сумели спасти. Мне ещё долго пришлось лежать в больнице, а после выписки, уже дома, я каждый раз плакал, даже если отец просто зажигал спичку, чтобы прикурить самокрутку.

Этот случай скорее психологически закалил меня, чем надломил. А детская привязанность к маме с каждым годом только укреплялась. Причём я был способен по-своему отстаивать свои права.

Когда мне было чуть больше трёх лет, и на свет появился Саша – наш младший брат – произошёл такой случай. Я любил играть детской корзинкой. Корзинку эту сделал и подарил мне известный в округе Шурка-мельник, который был на все руки мастер, также хорошо играл на гармошках и сам их изготавливал на заказ для любителей этого русского народного инструмента.

Мастер сделал для детей немало игрушек, в том числе деревянную люшадку на колёсиках, на которой я с удовольствием ездил верхом. Обещал сделать для меня и маленькую настоящую гармошку, но всё откладывал, а потом я вырос, и вопрос сам собой отпал.

Так вот, в корзинке детской хранились разные предметы, важные для мальчиков того времени: гаечки, сломанные карандаши и ручки, свисток, ракушки, камушки и прочие мальчишеские принадлежности. Когда новорожденного братика впервые принесли в дом, и домочадцы на него нагледелись, завёрнутого в пелёнки ребёнка мама положила на лавку.

Я сразу понял: теперь вот на этот свёрток, который только и умеет пищать и сосать грудь, будет обращена вся забота мамы. Я не мог с этим смириться, взял свою корзинку, размахнулся и бросил в своего соперника, и ведь попал – метров с трёх. Все забегали, заахали, стали распелёвывать свёрточек – не досталось ли ему. При этом переполохе виновник даже с места не сдвинулся. Он даже хотел, чтобы его отшлёпали, но никто на него

не обращал внимания. Только старшая сестра Рая, которой шёл уже десятый год, немного позже попыталась объяснить мне, что и я был таким же маленьким и беспомощным.

Эту историю я сам рассказал своему брату, когда мы стали совсем взрослыми. Может, вину до сих пор чувствовал. Добродушный Александр только и сказал:

– Ну, тебе же надо было оправдывать звание «маменького сынка». Ты поступил в соответствии со своим статусом.

В школе я учился очень хорошо, читал на память стихи известных поэтов целыми главами, участвовал во всех районных школьных олимпиадах по многим предметам, а также, будучи спортивным мальчиком, ездил на районные соревнования.

Учителя впоследствии вспоминали: «Иногда вопросы ученика Анатолия Подольского смущали нас во время объяснения новой темы». А одна из учительниц со стажем однажды сказала своему ученику:

– Странный ты, Толя, какой-то. Вырос на глазах, но не деревенский ты. И манеры у тебя ненашенские, книжные какие-то. Учителей часто в тупик ставишь своими вопросами. Откуда в тебе всё это?

В девятом – десятом классах мы учились в средней школе, которая была одна на всю округу и располагалась в 20 километрах от нашей деревни. Из-за больших расстояний и разбросанности деревень родительские собрания в старших классах устраивались не более одного раза в год. Мама тоже приезжала в школу. Классное собрание хоть и было родительским, но проходило в присутствии учеников. Однажды мама немного опоздала к началу собрания. Когда она зашла, все сразу обратили на неё внимание, потому что на пальто у неё была наброшена шаль, необычайно красивая: белая, с яркими красными цветами. Посещение школы мама оценивала как особый случай и пришла очень нарядная, накинув свою лучшую шаль. Девочки из класса потом говорили в один голос:

– Подольский, какая у тебя мама красивая...

После окончания школы, института и службы в армии у меня сложилась неплохая карьера. Но со временем мне пришлось оставить высокие должности и перейти на преподавательскую работу в университет, оставаясь одновременно консультантом по экономическим вопросам для бизнесменов и чиновников. Старался никогда не забывать свою малую родину, возил туда свою семью и очень хотел, чтобы старенькая мама стала жить в нашей просторной городской квартире.

В этот приезд мы были настроены решительно. Когда праздничный ужин по поводу прибытия в деревню был закончен, а выпившие во славу земляка соседи разошлись по домам, я начал деликатный разговор с мамой о переезде. Какие только доводы я не приводил. Пришлось даже вспомнить один забавный случай.

Как-то повзрослевшие сёстры в присутствии матери заспорили, у кого она будет жить, когда будет старенькой. Спорили всерьёз, долго, каждая приводила доводы в свою пользу. Мама не проронила ни слова, и только когда бессмысленный и явно преждевременный спор закончился ничем, вдруг негромко сказала:

– Если суждено мне дожить до таких годков, что вынуждена буду жить у детей, то прожить в согласии смогу только у Толи.

Реакция сестёр была предсказуемой:

– Маменький сынок! – бросила как в детстве одна из них, и обе сделали вид, что никакого разговора вовсе не было.

В нынешний вечер мама также молча слушала мои увещевания. Она понимала, что сын искренен в своём стремлении забрать её в город. Но как всё оставить? Наконец, вынесла решение:

– Всегда ты говорил складно, Толя. Может, и прав ты. Поживём – увидим. Ну, да ладно. Надо ведь хоть на старости лет и городской побыть.

Несколько дней в деревне пролетели быстро. Мы, следуя наказам матери, сделали новый забор, отремонтировали крышу бани. Лида подкрасила в светло-синий цвет фасад дома. Дочка Катя занималась своим сыном Алёшей.

Мама готовилась к переезду серьёзно. Несколько раз пересмотрела вещи, которые решила взять с собой. Отдельно сложила стопку головных платков, не из коллекции, а из повседневных. Настояла, чтобы положили в багажник машины самовар:

– На даче ставить будем.

То, что у нас была дача рядом с лесом, совсем недалеко от города, было одним из факторов, способствовавших решению мамы о переезде. Ей, всю жизнь прожившей в деревне, на природе, было трудно осознавать, что она не будет ходить в лес за ягодами и грибами, не будет полоскать бельё на речке и не услышит пение птиц. В этом преклонном возрасте она, сидя на лавочке возле своего дома, проникалась щебетанием, перекликиванием, пением различных пернатых и очень беспокоилась, что не будет слышать эти привычные звуки. Но мы убедили её, что на дачу ездим почти каждые выходные с мая по сентябрь. Рассказали, что там двухэтажный уютный домик, ухоженные гряд-

ки, современные теплицы, настоящая русская баня и красивая беседка. И всё это рядом с лесным массивом, где даже небольшая речка имеется.

– А рядом с дачей у нас растёт большая черёмуха, – привёл самый главный довод маленький Алёша.

Одним словом, рано утром, погрузив внушительный багаж и закрыв родной дом, семейство отправилось в обратный путь.

Часть новой трассы со свежим асфальтовым покрытием шла по старой дороге через знакомые маме места и деревни, и она стала рассказывать, как по этой дороге (более 200 км) она девятнадцатилетней девушкой вместе с тремя землячками возвращалась во время войны с промышленной заготовки леса из соседней области. Лес заготавливался для нужд артиллерии, он был необходим фронту. Нормы были высокие, а работа тяжёлая. Из деревни к месту назначения их увезли на грузовике, а вот обратно после трёх месяцев напряжённого труда почти четыре дня пришлось добираться до дома пешком. А дороги тогда были излом и вывих, не то что ныне.

Во второй половине дня, ближе к вечеру, семья прибыла в город, и снова была привычная суэта, снова разбирались вещи и женщины накрывали на стол. Маме определили жить в детской. Дети выросли, жили отдельно: сын Игорь работал и жил в Москве, а Катя с Алёшей – в соседнем доме и почти ежедневно заходили к «деду и бабе». Детская комната давно была освобождена от игрушек и школьных книг и предназначалась для гостей. Но мама только ночевала там, ей больше нравился просторный зал с большим телевизором, фортепьяно и картинами на стенах. На журнальном столике в зале она расставила иконы, церковные книги и лампадку, которую зажигала в поминальные дни.

За короткий срок она перезнакомилась не только с соседями из нашего подъезда, но и с жителями других подъездов, и рассказывала нам, кто есть кто. Мы жили в этом доме более десяти лет, но мало кого знали из соседей до приезда матери. Мама по выходным ходила в церковь, где вскоре её стали узнавать все церковные служащие. Рано утром на церковную службу Мария Васильевна шла сама, но после службы я встречал её на машине и вёз домой. Любила ходить в магазин, который располагался в нашем доме, только с торца, и название её привлекало – «Любимый». Там она делала незначительные покупки, но больше беседовала с продавщицами, которые привыкли к ней, и если вдруг её не было два-три дня, спрашивали у меня или у Лидии Ивановны:

– Не заболела ли бабушка? Что-то давно её не было.

Крепко подружилась мама с одной старушкой из соседнего дома. Клавдия Петровна – так звали старушку, жила одна, на первом этаже, и любила, сидя на веранде и открыв окно, беседовать с проходящими мимо её окон знакомыми.

Мария Васильевна стала бывать у Клавдии Петровны. Они подолгу беседовали. Новая знакомая мамы не могла ходить дальше лавочки у подъезда, и та рассказывала ей, как она ходила в церковь, какие новости слышала в магазине, да мало ли, какие разговоры у двух милых старушек.

Но однажды мама пришла домой от Клавдии Петровны чрезвычайно взволнованная. Она сама заговорила первой:

– Толя! Платок! Клаве дочка из Петербурга платок привезла. Такого я не видела.

– С красивыми алыми цветами, плывущими в облаках? – пошутил я.

– Нет, но похож. «Павловский» называется. Запомнила потому, что мою девичью фамилию напомнил (мама в девичестве была Павлова). Очень мне понравился. Купи мне такой.

– Павловопосадкий, – уточнил я.

Неоднократно приобретая различные платки для маминой коллекции, а также чтобы ей было что дарить многочисленным родственницам и знакомым женщинам, приходившим и приезжавшим к ней в деревенский дом, я, конечно, знал, что павловопосадского ассортимента в магазинах нашего города не было.

– Давай, мама, сделаем так. Как только поеду в Москву в командировку, обязательно куплю и привезу тебе красивый павловопосадский платок.

– А когда поедешь?

– Пока не знаю.

Больше к этому разговору не возвращались, и за текущими делами и бесконечными заботами я почти забыл о своём обещании.

Мама прожила у нас чуть более трёх лет. Мне было комфортно от присутствия матери, и мы все жили в полном согласии. Редко, но бывало, мне приходилось задерживаться на работе, и я приезжал домой поздно. Оставлял машину на площадке возле дома, смотрел на окна своей квартиры и видел, что мама сидит в лоджии и ждёт меня. Она не ложилась спать, пока я не возвращался. Иногда бывало мы с приятелями вечером играли в бильярд, жена звонила мне и говорила расстроенным голосом:

– Мама не ложится спать, пока ты не приедешь.

Я просил передать трубку маме, говорил ей, что всё в порядке, что просто нужно повстречаться с друзьями. Но она была непреклонна:

– Я подожду тебя. Ты где?

В конце января мама как-то сказала:

– Ты всё, Толя, помнишь, что нужно сделать после моей смерти?

– Да, конечно. Помню все твои наказания. А зачем ты это спрашиваешь?

– Умру я скоро. До лета, наверно, не дожить.

– Мама, зачем ты меня расстраиваешь? Мы летом все вместе в деревню поедem.

– Вряд ли. Ну, да ладно. Как Бог даст.

Начало нового года выдалось для меня напряжённым. Домой приходил часто уставший, ужинал и ложился у себя в спальне.

Однажды мать пришла ко мне в комнату и села на край кровати. Стала, как обычно, что-то рассказывать, но я, утомлённый делами, был не склонен к разговорам.

– Эх, Толя, Толя, – промолвила мама. – Захочешь вот потом поговорить, да не с кем будет.

С тем и ушла в зал, оставив сына, занятого своими мыслями.

В феврале мама попросила позвонить дочери Вале в Казахстан, младшему сыну Саше в Ленинградскую область, сестре Ниле, живущей в Мурманске, внучкам Марианне из Москвы и Людмиле из Петербурга, а также в свою деревню, к соседке – тётке Сане, которая приглядывала за нашим домом.

В течение недели она со всеми переговорила, неторопливо отвечая, что живётся ей хорошо, со снохой Лидой она ладит, что правнук Алёша регулярно приходит к ней в гости, а кот Рокич может и поцарапать, если с ним заиграешься ненароком.

Я хоть частично и разобрался со своими делами, но всё никак не мог найти подходящее время, чтобы душевно, как раньше, поговорить с матерью.

Мама умерла неожиданно, в канун женского праздника – шестого марта. Умерла тихо, как бы уснула. Похоронили маму на деревенском кладбище, рядом с мужем. Отпевание провели в городской церкви, а потом уже повезли её на родину, где она провела, считай, всю свою жизнь.

Когда всё закончилось, надо было выходить на работу. Делал я всё автоматически: оделся, позавтракал и вышел из дома. В одной руке – пакет с мусором, в другой – портфель с деловыми бу-

магами. Подошёл к мусорным бакам и бросил в один из них сначала пакет, затем портфель и поехал в банк, где была назначена встреча. Уже в банке спохватился: «А где портфель с бумагами?»

Как магнитофонную ленту, прокрутил память назад и чётко вспомнил, каким движением бросил портфель в мусорник. Тут же поспешил обратно в свой двор, но портфеля не нашёл даже дворник, согласившийся за двести рублей осмотреть все баки. Видимо, портфель, ещё совсем новый, подобрал уже кто-то.

Почему-то я даже не расстроился. Всё происходящее воспринималось как-то замедленно и совершенно без эмоций. Опустошение пришло позже. Мне казалось, что я остался совсем один в этом мире, устроенном так несправедливо.

В мае я поехал в Москву, в командировку. Сойдя с поезда в столице, я занялся служебными делами, а после обеда, часа в три, вспомнил, что необходимо купить портфель, и поехал в известный торговый центр. Зная примерное расположение отделов, так как бывал здесь неоднократно, и пройдя по секциям первого этажа, неторопливо на эскалаторе поднялся на второй этаж. Прошёл несколько метров и остановился. Передо мной был отдел павловопосадских платков. Разнообразие цвета и многоликость рисунков ошеломили меня. Я смотрел на переливающиеся, искрящиеся и просто красивые платки и не мог оторваться.

– Что Вам предложить? Хотите подобрать подарок? – спросила продавщица.

– Да, то есть нет. Поздно. Опоздал я, – начал было говорить, но слёзы не дали закончить.

Я вышел из отдела и остановился у лестницы на третий этаж, пытаясь достать из заднего кармана брюк носовой платок.

– Мужчина, возьмите, пожалуйста, – услышал я голос продавщицы. Она протягивала небольшой фирменный пакет. – У нас был день павловопосадского платка. В качестве призов покупателям было выделено несколько ценных платков. Вот один остался. Его не успели разыграть среди клиентов. Красивый очень. Это Вам.

Я взял пакет с содержимым, машинально поблагодарил продавщицу и вышел из универмага.

Через полчаса я сидел на скамейке у входа в парк Сокольники. Я любил это место и часто бывал здесь, приезжая в Москву. Неторопливо выкурил пару сигарет, хотя бросил курить несколько лет назад. Наконец, я вынул из пакета и аккуратно развернул подаренный платок. И, изумлённый, ахнул: среди серебристых облаков на фоне чистого-чистого неба плыли ослепительной красоты алые цветы...

ВЕРНОСТЬ ЛОВЕЛАСА

В детстве, бывая в доме дедушки и бабушки, мне позволяли иногда заходить в так называемую летнюю комнату. Это было неотапливаемое помещение, пристрой к основному дому, где хранилось много старых вещей. Моё внимание всегда привлекали книги, сложенные ровными стопками на старой резной этажерке. Книги старинные, с необычным шрифтом, в кожаных переплётах. Они были совсем не похожи на те книжки, которые я брал в сельской или школьной библиотеках. Как-то раз вернувшись домой от дедушки и бабушки, я спросил отца, что за книги лежат в летней комнате. Отец, немного подумав и закурив самокрутку, рассказал мне историю о родственнике, которому мой отец приходился внучатым племянником, Дмитрие Павловиче.

Дмитрий был старшим из трёх сыновей у Павла Ивановича Подольского, и ему надлежало унаследовать основное поместье зажиточного отца-крестьянина, но Дмитрий не захотел оставаться в своей деревне, и когда ему исполнилось 14 лет, вместе с заезжими купцами отправился в Санкт-Петербург. Дело было в конце 80-х годов XIX века. Трудно сказать, почему, но Павел Иванович, известный в округе своими патриархальными взглядами, отпустил старшего сына попытать счастья на чужой стороне. Более того, он сумел дать Дмитрию тот уровень образования, который был возможен для мальчиков того времени. Поэтому, прибыв в столицу российскую, Дмитрий не оказался не у дел, а был пристроен с помощью купеческих рекомендаций в лавку одного из предприимчивых торговцев. Жил он на постое в хозяйских хоробах и вскоре, благодаря своей природной смекалке и честолюбивым замыслам, зарекомендовал себя незаменимым работником, умевшим разговаривать вежливо и учтиво с покупателями, доброжелательно и уважительно с хозяином и его семейством. Дмитрий проявлял несвойственный его сословию вкус в одежде и, идя в город, одевался не как приказчик, а как господин. Учитывая, что черты лица его были тонкими, выразительными и нравились женщинам, а приобретённые манеры позволяли общаться с людьми высоких сословий, вскоре молодой человек стал бывать не только в театре и на обедах в купеческих семьях, куда его охотно приглашали как потенциального жениха, но также его можно было видеть и среди молодых

людей из дворян, с которыми он охотно заводил знакомства. Ему нравились их манеры, образованность и определённое свободомыслие, которое всегда присутствует в кругах молодых образованных людей. Одним словом, когда Дмитрию исполнилось 22 года, он был не просто старшим приказчиком и распорядителем в одной из самых больших книжных лавок Санкт-Петербурга, жил в отдельной просторной комнате в центре города, он был ещё и успешным заядлым ловеласом. Вместе с компанией молодых людей он часто посещал различные вечера разночинного стиля.

К дамам в своих многочисленных и коротких романах он относился легко и непринуждённо, не обременял себя какими-либо обязательствами и всегда говорил, что непременно женится на богатой и обязательно красивой дворянке, перейдёт на государеву службу, выслужит дворянское звание и будет богат, уважаем и знаменит. Учитывая незаурядную личность Дмитрия, можно предположить, что всё бы так и сложилось, если бы не его величество случай.

Однажды в опере Дмитрий увидел в одной из лож ослепительной красоты молодую женщину, окружённую тремя дамами и сопровождавшими их двумя офицерами.

– Даже не думай, – сказал ему Алексей Куранов, поручик, приятель Дмитрия, служивший в штабе, сидевший рядом с ним и знавший все любовные наклонности, завидные способности и амурные шалости Дмитрия.

– Это молодая жена графа, генерала Разбросаева. Она даже в свете редко появляется. Больно ревнив генерал. Сейчас он с полками на полевых учениях. Вот Натали и приехала в оперу в окружении своих родственниц. По-другому нельзя.

– Но представить меня как-то можно? – стал горячо убеждать Дмитрий. – Или одну её встретить? Дальше я всё сделаю сам. В долгу не останусь. С меня – ящик шампанского.

– Ладно, – согласился Алексей. – Моя кузина Мария Граевская знакома с племянником генерала, бывает в их доме, и я тебе кое-что расскажу, но дай слово: я здесь ни при чём.

Уже после спектакля, неспеша прогуливаясь по гранитной набережной Невы, где уже горели не только газовые, но и первые в России электрические фонари, Алексей рассказывал:

– Летом Натали почти всё время живёт не в Санкт-Петербурге, а в загородном доме, где полно слуг, нянек и мамок. Туда на карете часа полтора езды, верхом, конечно, быстрее. В солнечные дни, перед обедом, она ходит купаться на небольшой пруд, расположенный в их поместье. Её всегда сопровождает многочисленная, исключительно женская свита.

– Почему только женская?

– В этом и секрет. Натали купается без ничего. В общем, голая.

Уже через два дня Дмитрий был на пруду возле загородного дома графа. День был жарким, солнечным, и он в тени густых зарослей на берегу пруда сидел тихо и незаметно. Женская процессия появилась неожиданно, хотя именно этого момента и ждал Дмитрий. Окружённая говорливыми няньками и тётками с зонтиками, Натали, в белом кружевном платье, подошла совсем близко к камышам, где прятался Дмитрий, сняла с помощью нянек платье, сорочку, и, оставшись без ничего, шагнула в воду. Этот шаг обнажённой прекрасной молодой женщины, решительно направившейся в чистоту озёрной глади, совершенно снёс голову молодому ловеласу. Он видел немало обнажённых дам, но, как правило, в их же женских будуарах или в его апартаментах. Но на фоне девственной июльской природы изящная стройная фигура Натали показалась ему верхом совершенства, а её непринуждённое бесстыдство только усилило его влечение.

Натали плавала, наслаждаясь обволакивающей и ласкающей её тело прохладой воды, беспечно улыбаясь пению птиц и щебетанию тёток на берегу... Она смирилась с расписанной до мелочей жизнью замужней дамы, когда вышла замуж за статусного генерала. Мужа выбирал её отец, ещё более знатный дворянин, служивший при дворе и убедивший её выйти замуж за генерала Разбросаева. Якобы сделать это надо было во имя их рода, чистоты крови и чуть ли не ради отечества.

Натали была единственной дочерью в семье, она получила прекрасное образование в духе того времени, но, даже выйдя замуж, оставалась этаким романтической девушкой с мечтами и грёзами, о которых даже лучшим подругам рассказать нельзя.

Её любили родители, оберегали от всех невзгод, да и в новой семье её приняли как родную, позволяя некоторые капризы, как, например, купание в редкие жаркие дни.

Затаив дыхание, Дмитрий наблюдал, как Натали одевали няньки и как она, закрытая со всех сторон от солнца зонтиками, неторопливо удалялась от пруда.

Вечером дома Дмитрий сидел на диване, отказался от ужина и вдруг понял: ему сегодня не уснуть. Впервые в жизни он осознал, что не уснёт из-за женщины, не в объятиях страсти, а в думах и мечтах о прекрасной даме, покоровившей его сердце. План созрел мгновенно, осенив его своей безрассудностью, но в этом и была основа его бесшабашной идеи.

Утром на службе хозяин, Кирилл Афанасьевич, спросил своего управляющего, чем он так опечален. Не случилось ли чего с родными в деревне? Дмитрий рассказал, что видел в театре молодую жену генерала Разбросаева и был поражён её красотой.

– Да ты, я смотрю, мечтатель! Не про тебя честь!

– Это почему же?

– Да потому, что на такого как ты она и не посмотрит. Да и замужем она. По христианским законам, большой грех мужу изменить.

– Это почему же не посмотрит? А если посмотрит? Давай на спор!

– Давай, – тоже разгорячился Кирилл Афанасьевич, – Где это видано, чтобы дворянка с простолюдином связалась?! Добьёшься свидания с госпожой – забирай лавку. Отдам. А если нет, год без жалованья работать будешь. За еду. Вишь, что надумал. Я тебя образумлю!

Книжная лавка была не единственным доходом именитого купца, но стоила больших денег. Оба это знали. А потому спор был нешуточный, настоящий. Они ударили по рукам, и каждый занялся своим делом.

Вечером Дмитрий ещё и ещё раз прокручивал детали своего плана. Отступать было некуда.

Через день он верхом на лошади приехал к поместью графа, привязал поодаль коня и стал ждать процессию на пруд. Но он уже не прятался в зарослях, а находился в паре сотен метров от пруда, где обычно купалась графиня. Как только Натали отплыла подалее от берега, Дмитрий побежал к месту, где стояли мамки и няньки, и громко закричал:

– Пожар! Пожар! Господский дом горит, полыхает! Всё горит!

Няньки и мамки, приподняв свои юбки, с криками и шумом тотчас убежали к дому графа. Натали, неожиданно оставленная своей свитой, растерянно смотрела им вслед, и тут она увидела Дмитрия.

– Что случилось? Кто Вы? – обеспокоенно спросила она.

– Простите меня, Наталья Андреевна. Это я отослал Ваших няnek и девок.

– Зачем?

– Мне нужно с Вами объясниться. Я влюблён в Вас и не могу более молчать об этом.

Немного успокоенная таким оборотом, но всё ещё рассерженная Натали улыбнулась снисходительно.

– Да позвольте же мне одеться. Отойдите в сторону.

– Да, конечно. Ваше платье.

Пока Натали, раздосадованная и обескураженная, одевалась, Дмитрий, стоя за кустами, декламировал стихи. Голос у него был поставленный (в юности пел в церковном хоре), стихи он знал, любил их читать, а потому получилось всё экспромтом, но мило и романтично.

Дмитрий представился, рассказал, где он впервые увидел Натали и протянул ей новую, только что привезённую из Парижа книгу модного светского писателя.

Молодой человек неожиданно предстал в глазах графини не в виде бесцеремонного нахала, а как влюблённый романтик, герой её книг, грёз и мечтаний.

– Разве Вы, Дмитрий, не могли использовать другие, более привычные, способы для знакомства с дамой? – Натали всё ещё испытывала неловкость и смущение.

– Я хотел, я интересовался. Но Вы живёте замкнуто, редко бываете в свете. Мне сказали, что представить меня Вам – это просто невозможно.

– Люди нашего круга склонны к преувеличению. А Вы действительно любите читать и знаете русских и европейских авторов? Сейчас так много новых имён в поэзии и литературе. Что скажете о стихах святейшего князя? Представляете, член императорской семьи пишет лирические стихи. – Натали говорила беспрестанно, стараясь оправиться от смущения. Через несколько минут их разговора графиня встрепенулась:

– Мы не можем долго здесь находиться. Сейчас вернутся мои нянечки, и будет скандал. Уходите, Дмитрий. Нет, подождите! У Вас есть знакомые, которые представлены нашей семье?

– Да. Мария Граевская.

– Мы по четвергам принимаем. Передайте Марии, что она приглашена с Вами.

Дальнейшие события развивались стремительно, по классической схеме: взаимный интерес молодых людей перерос в увлечение, увлечение в страсть и, спустя несколько недель, они стали любовниками.

Дмитрий был счастлив, всё реже бывал на светских мероприятиях и вечерах. Натали вся светила, была весела и приветлива с окружающими. Даже к своему суровому мужу она стала относиться не просто уважительно, но даже с какой-то теплотой и нежностью. Генерал, уверовавший, что жена его стала более к нему благосклонной, дарил ей подарки и драгоценности. И всем было хорошо и замечательно. Но долго это длиться не могло.

Как-то неожиданно для Дмитрия Кирилл Афанасьевич напомнил ему об их споре.

– Я тебе, Дмитрий Павлович, жалованье исправно плачу. А, похоже, должен ты работать без содержания. Что молчишь? Сказать нечего?

Здесь бы Дмитрию принять простецкий и виноватый вид, объяснить хозяину, что погорячился он тогда, виноват, кается. И Кирилл Афанасьевич, скорее всего, посмеялся бы и простил своего управляющего. Но характер молодого человека не позволил сделать этого.

– Нет, содержание я не зря получаю. И спор я выиграл.

Измученный купец аж дар речи потерял.

– А чего молчал?

– Так разговора больше на эту тему не было. В общем, лавка должна мне перейти. Уговор дороже денег.

Кириллу Афанасьевичу ничего не оставалось, как согласиться, но он потребовал доказательств.

– Кирилл Афанасьевич, побойтесь Бога! Неужели Вы думаете, что я Вас обманываю? В пятницу в четыре часа пополудни у нас с графиней свидание у неё в доме. Я в таких случаях незаметно прохожу через сад и чёрный ход. И видит меня только одна верная служанка.

Дмитрий почему-то сдвинул время назначенного свидания на целых два часа.

– Ладно. Я бумаги подготовлю. Слово своё сдержу, если всё так, как ты говоришь.

Кирилл Афанасьевич был человеком старой закалки, слово своё ценил, но вот так по-глупому, на спор, отдать лавку! Это было слишком.

В четверг вечером он написал записку и послал её с утра нарочным в штаб, недалеко от адмиралтейства, генералу Разбросаеву, где, как анонимный доброжелатель, сообщал о предстоящем свидании его жены с любовником.

В этот день Дмитрий в покоях Натали был как никогда нежен и растроган. Признавался в любви, смотрел в глаза и снова, как при первой встрече, читал стихи.

Два часа пролетели незаметно, и они уже собирались прощаться, но неожиданно верная служанка Пелагея, единственная знавшая об амурных делах хозяйки, вбежала в комнату и сообщила, что генерал в доме и вот-вот нагрянет в покои графини. Натали не растерялась. Пригодился богатый запас сюжетов из книжных романов.

– Садись на корточки, пригнись, – сказала она любовнику. И как только Дмитрий это сделал, уселась на него, как на стульчик, и широким веером юбок накрыла сверху молодого человека.

– А ты, Пелагея, книжку мне подай и сама рядом на стул садись.

Когда генерал вошёл в комнату, Натали, подняв голову от книги, спросила его:

– Вы, Владимир Константинович, уже без стука в женские покои входите? Да Вы бледны. Здоровы ли? Не заставляйте нас переживать. А я вот книгу с обеда читаю. Рекомендую Вам.

Генерал был несколько смущён.

– Простите, графиня. А где же Ваш гость?

– Какой гость? Вы же знаете, после обеда моё личное время: отдых, прогулки, чтение. Я в эти часы никого не принимаю. Право, Вы сегодня странный.

Граф поцеловал жене ручку, попросил прощения за бестактность, вышел из дома, сел в карету и уехал.

Прощаясь с Дмитрием, Натали попросила:

– Нам надо быть осторожнее. Увидимся через неделю. Пелагея поможет тебе зайти и уйти незаметно.

Через день Дмитрий спросил Кирилла Афанасьевича о бумагах на лавку.

– Да готовы они почти. Я тебе дарственную оформляю. А как свидание прошло?

– Представляете, генерал приезжал. Но мы его перехитрили.

И Дмитрий рассказал, как он сидел под юбками графини.

– Что теперь, наверное, туда ни ногой? Генерал-то ведь в Сибири сгноить может.

– Нет, Кирилл Афанасьевич. Охота пуще неволи. Больно мила мне Натали. Не смогу без неё. Через неделю снова у неё буду. Мы так договорились.

В четверг снова купец писал записку и снова нарочным с утра в пятницу послал генералу в штаб. Он подробно расписал, как жена одурачила генерала и где находился искуситель во время неожиданного визита графа в покои жены. Генерал был озадачен. С одной стороны, он не хотел выглядеть смешно, как в прошлый раз, ведь он не видел причин не доверять жене, с другой стороны, аноним писал убедительно.

В четыре часа пополудни он в сопровождении взвода всадников приехал к своему загородному дому.

– Окружите дом. Никого не выпускать. Всё обыскать. Кто найдёт постороннего или чужого – награда.

Сам граф вбежал в покои жены. Натали сидела на табуретке и читала. Генерал подошёл к ней, схватил, приподнял и стал шарить руками среди её многочисленных юбок.

– Что Вы делаете, граф?

– Говорите, где он?

– Кто он? Помилуйте! Объяснитесь!

– У Вас есть любовник. И я его найду.

Солдаты обыскали весь дом. Перепуганные слуги прятались по углам, но солдаты, надеясь на награду, каждого волокли к генералу и показывали. Генерал плевался и, наконец, немного успокоившись, снова зашёл к Натали. Но графиня не хотела слышать никаких извинений, плакала и грозила всё рассказать папеньке.

Обескураженный и рассерженный генерал вынужден был удалиться.

Через день лавка была передана от Кирилла Афанасьевича Дмитрию Павловичу, бумаги все оформлены и уже равные партнёры сидели за бутылкой французского вина.

– Так неужели генерал так ни о чём и не догадался? – спросил Кирилл Афанасьевич.

– Догадался. И ещё как! Весь дом солдаты перетрясли. Граф в юбках Натали меня искал. Только я в это время в сундуке, в его кабинете, прятался. В сундуке этом он ценные бумаги и деньги хранит. Сколько богатства! Едва я влез. Натали меня купюрами присыпала, конечно, но если бы сундук открыли – конец мне.

– А дальше что будешь делать?

– Денег прикоплю. Дом построю. Натали говорит, жениться мне надо. Пока не до свиданий будет. Да и она встревожена. Но надо с ней попрощаться на время, как положено. В пятницу через две недели тайком съезжу. Хотел в четверг официально ехать с Граевской к ним, но, чувствую, расстаёмся надолго, хочу увидеться тет-а-тет.

В очередном послании генералу Кирилл Афанасьевич подробно описал, где находился любовник его жены во время тщательного обыска. И генерал решил раз и навсегда покончить с этой историей. Слух о том, что он устроил обыск в собственном доме, уже расходился по светским салонам, и ему светила слава рогоносца. Генерал мог стать посмешищем. Поэтому ещё накануне, незаметно, он увёз из загородного дома сундук с ценным содержимым, оружие, серебро и свой гардероб.

В пятницу после обеда дом был окружён двумя взводами солдат.

– Закройте все входы и выходы. Под окнами поставьте солдат, а теперь пусть вынесут всех животных, собак, кошек. Пусть выходят слуги.

Через единственный оставшийся выход после слуг вышли и все домашние.

– Теперь заколачивайте все окна и двери. И поджигайте дом.

Солдаты побежали исполнять приказ. Натали упала перед мужем на колени.

– Граф, Вы совершаете опрометчивый поступок! Но если Вы решили сжечь наш дом – пусть будет так. Прошу об одном: в доме иконостас византийский, привезённый моим отцом из последней военной кампании. Это не военный трофей, а священная церковная реликвия. Церковь нам не простит. И государь разгневется.

Генерал знал, на что способна церковь, если дать ей повод быть заподозренным в бесовщине и дал команду солдатам:

– Вынесите иконостас.

Четверо солдат тотчас вытащили короб, обставленный деревянными иконами.

– Ружья наготове! Поджигай! – скомандовал генерал, и дом запылал.

Плачь слуг, няnek и мамок огласил округу.

– Замолчать! – крикнул генерал. – Кто взвизгнет, бить нагайками. Иначе не услышим крик супостата перед тем, как он живьем сгорит.

Сцена, что была сразу после пожара, впечатляла: вокруг пепелища стояли потрясённые люди, кто-то тихо плакал, кто-то крестился, но в большинстве своём стояли молча. А чуть погодя все домашние и слуги как-то тихо переезжали в большой дом в Петербурге. Дмитрий же затемно благополучно выбрался из иконостаса и тоже вскоре был у себя в квартире.

Через два дня к нему пришёл взволнованный Алексей.

– Дмитрий, тебе бежать надо.

– Зачем? Дом сгорел, никого не нашли. Натали чиста перед мужем. В чём меня могут обвинить?

– Граф оказался хитрее. Он приказал задержать последнего нарочного. Тот вчера на допросе назвал автора записок. Надеюсь, ты понимаешь, что Кирилл Афанасьевич о тебе сразу и всё расскажет. Не сегодня, завтра тебя арестуют. По любому поводу. Заставят, например, Кирилла Афанасьевича донести, что ты угрозами забрал у него лавку, и сошлют в Сибирь. Бежать надо. Карета под окнами. Возьми самое необходимое. Карету с лошадьми оставь на первом постоялом дворе. Я потом заберу.

Дмитрий осознал всю серьёзность своего положения. Раздумывать было некогда. Погрузил вещи в экипаж, собрал две связки книг, наиболее дорогих ему, написал доверенность Алексею на управление имуществом.

– На штаб не пиши. Письма шли только на мой дом, что у Собора. В Петербург не суйся. Генерал не успокоится. А я с лавкой разберусь, и деньги тебе передам, найду способ. Не тужи. Ну и погуляю малость за твоё здоровье. Чай мне, как посреднику, не пожалеешь.

– Спасибо. Дай Бог свидимся. Кланяйся кухне своей Марии. Вот записка. Когда всё успокоится, и Натали снова будет бывать в свете, пусть ей передаст. Не поминай лихом. Отгулял, видно, я своё.

Друзья обнялись. Через несколько дней Дмитрий был уже в доме своего отца. Родные ахали, рассматривая его сюртуки из дорогого сукна, белые рубашки, кожаные сапоги и башмаки с бантиками. А когда Дмитрий продемонстрировал им большой чёрный зонт, красивую трость и дорогую шляпу, они и вовсе решили, что Дмитрий Павлович – настоящий барин.

Спустя какое-то время Дмитрий женился на девушке из соседней деревни. Деньги, вырученные от продажи книжной лавки или ту часть, что осталась, Алексей передал через знакомых купцов Дмитрию Павловичу. На эти деньги Дмитрием и его братьями Иваном и Александром была открыта сапожная мастерская, а потом и школа, где дети обучались не только грамоте, но и ремёслам.

Каждый год зимой, в розвальнях, с ног до головы укутанный в тулупы, Дмитрий Павлович уезжал на две недели в губернский город. Что он там делал и зачем ездил, он не рассказывал, но известно, что в те годы в городе открылись женские педагогические курсы, попечителем которых была графиня Наталья Андреевна из Петербурга. Зимой она всегда приезжала почти на месяц из столицы, причём не просто инспектировала новое учебное заведение, а всячески помогала тамошним девушкам-институткам. Дмитрий Павлович возвращался из города всегда с подарками, особенно для женской половины родственников.

Вскоре у Дмитрия и его жены Марины родилась дочка Евгения. Больших успехов в делах Дмитрий уже не делал. Постепенно всю мастерскую он передал младшему брату Александру, а сам всё больше занимался школой. Так и остался он в памяти земляков щёголем, ходившим в перчатках, и тем, что все деревенские жители ждали лета, а Дмитрий Павлович всегда с нетерпением ожидал наступления зимы.

ЧЁРНЫЙ БАРСИК

Когда появился в доме этот маленький котёнок, которого тотчас же назвали Барсиком, мне не было и четырёх лет. Поначалу мы росли с ним вместе, но Барсик в силу своей кошачьей природы очень быстро из котёнка превратился в настоящего солидного кота, я же оставался ребёнком, но дружба наша не прекращалась.

В деревне кошка, а то и две, есть в каждом доме, но наш Барсик выделялся среди прочего кошачьего населения, во-первых, своим необыкновенно чёрным цветом, причём кончики лап его были белыми, во-вторых, своими размерами: это был крупный кот с вальяжными манерами, что впрочем ничуть не мешало ему ловить мышей. Когда охота на мышей оканчивалась удачно, он прикусывал добычу и приносил её в сени, чтобы продемонстрировать свою полезность. Шерсть у Барсика была гладкая, бархатистая, и все домочадцы любили его гладить, он же в это время мурлыкал от удовольствия и выгибал спину. По утрам, как уважающий себя кот, Барсик долго умывался лапками, и мне всегда было интересно наблюдать за этим занятием.

Летним вечером, когда мама доила вернувшуюся с пастбища корову, которая, кстати, тоже была чёрная, но с белой мордой и звали её Ночка, мы с Барсиком сидели на крыльце и ждали парного молока. В руках у меня была алюминиевая кружка, которую отец привёз с военно-морской службы на Северном флоте. Мама из поддойки наливала сначала в миску Барсику, затем процеживала молоко через марлю и только потом наливала мне в кружку.

В хорошую погоду Барсик любил гулять. Неторопясь, аккуратно ступая, он мог уйти довольно далеко от дома и даже за деревню. Нагулявшись в своё кошачье удовольствие, он возвращался и начинал лапками царапать входную дверь, сопровождая свои действия мяуканьем, требуя нетерпеливо, чтобы ему открыли дверь.

Отношения с другими представителями кошачьей деревенской диаспоры складывались неоднозначно. Если кошкам с позволения Барсика разрешалось приходить в гости на наш двор, то чужих котов он беспощадно гонял и драл так, что они и не пытались нарушить суверенную территорию и обходили стороной наш дом, палисадник и огород.

Когда семья садилась за стол: отец, мать, старшие сёстры Рая и Валя, я и младший Шурик, если вдруг забывали Барсику положить еду в его миску, он подходил и начинал тереться о мою ногу, и ситуация тут же исправлялась.

Когда укладывались спать, Барсик прыгал ко мне в кровать, позволял себя погладить и устраивался спать у моих ног, свернувшись по кошачьему обычаю калачиком.

Зимой, однако, он спал на печи, устроившись среди валенок, которые ставили туда сушиться.

Если на улице шёл дождь – он садился на подоконник и смотрел, как тяжёлые капли бегут по стеклу, но если была гроза – прыгал на печку, считая, видимо, её самым безопасным местом.

У Барсика было доброе сердце: если кто-то из детей начинал плакать, он подходил и запрыгивал к обиженному ребёнку на колени или просто тёрся о ноги.

Мне исполнилось семь лет, и я пошёл в первый класс. Начальная школа была в соседней деревне Наговицино, и когда я вместе с другими школьниками возвращался из школы, за околицей у ворот, где начиналось поле, меня встречал Барсик. Я брал его на руки и вместе с ним шёл домой. Средняя школа находилась в другой деревне – Калинино, и когда я пошёл в пятый класс этой школы, Барсик встречал меня уже с другой стороны деревни: он ждал меня на заборе около дома Коли Кружала (Кружалом хозяина прозвали за буйный нрав во хмелю). И снова вместе с Барсиком я возвращался домой.

Летом ребятишки каждый день купались в речке, а в жаркие дни неоднократно. Малыши барахтались у самого берега, те, кто постарше, плавали до островка на середине реки, сидели на большом камне с гладкой поверхностью, который торчал из воды как маленькая скала, его почему-то называли Седач, и устраивали соревнования: кто дальше нырнёт.

Обеспокоенный моим долгим отсутствием Барсик шёл на речку. Чуть в стороне от места, где мы купались, он подходил к самому берегу, трогал лапкой воду, как бы измеряя её температуру, поднимался прыжками на самый верх берега, успокаивался, садился на траву и смотрел, как мы играем в воде.

Но даже в детстве жизнь приносит нам сюрпризы, не всегда приятные. Барсик научился лакомиться куриными яйцами, которые оставались в гнёздах, где неслись курицы. Мама долго терпела его выходки, но однажды, окончательно рассердившись, отдала Барсика своим знакомым в Теребаево, которое от нашей деревни находилось за 8 км. Семья без Барсика как будто осиротела.

В конце концов я упросил мать: она рассказала, у кого живёт наш кот, и я уговорил отца поехать за Барсиком. У отца в сельсовете были какие-то дела, он запряг лошадь, и мы на санях поехали в Теребаево. Отец долго был в сельсовете, потом мы подъехали к дому, где должен быть Барсик, но хозяйка сказала, что отдала его в другой дом, мы поехали туда. Когда я вошёл во двор, первое, что увидел – на крыльце сидел наш Барсик. Он привычно ждал молока, потому как уже смеркалось, и хозяйка дома доила в сарае перед хлевом корову. Со словами «Барсик, Барсик!» я схватил своего кота и, не обращая внимания на крики женщины «Что делаешь, паразит? Стой!», выбежал на улицу, плюхнулся в сани и крикнул: «Папа, скорее! Гони!» Отец хлопнул вожжами, и лошадь сразу пошла галопом.

Было холодно, я расстегнул полушубок, прижал к себе Барсика, но он царапался, видимо сердясь, что я лишил его ужина с парным молоком.

Приехав домой, мы зашли в избу, я отпустил Барсика, он тут же запрыгнул на печь и оттуда стал рассматривать всех нас. Он быстро простил нам месячную разлуку и спустя некоторое время принялся за старое. Весной мать снова не выдержала тихие набегі нашего кота на куриные гнёзда. Барсика отправили в очередную депортацию – в деревню Иваково, которая находилась на берегу судоходной тогда реки Юг. Начался ледоход, и забрать его оттуда не было никакой возможности – через реку, по которой с шумом плыли громадные льдины, перебраться было невозможно. Старшая сестра Рая к тому времени училась в Великом Устюге, но мы, оставшиеся дома трое детей, очень скучали по Барсику.

Однажды под вечер мы услышали мяуканье за дверью в сенях. Валя открыла дверь, и в избу запрыгнуло грязное, худое существо, даже отдалённо не похожее на Барсика, но это был он, наш кот. Каким образом он прошёл 7 км сплошного леса и перебрался через реку во время ледохода, остаётся загадкой. Скорее всего, полноводную и бурную весной реку он перешёл по затору, которые в это время нередко возникали во время ледохода, по сгрудившимся льдинам умный кот преодолел водную преграду и явился в свой родной дом. Мы накормили, отмыли нашего любимца, и, жалея его всей семьёй, взяли слово с матери, что она больше его никому не отдаст.

Но жизнь внесла свои коррективы. Была середина шестидесятых годов прошлого века, страна поднимала целину. В деревнях российской глубинки в те годы жизнь была трудной, и

родители наши решили всей семьёй уехать в Казахстан, в Целиноградскую область, где уже жила семья наших односельчан, или как говорили тогда: «Поехали на Целину».

Я закончил три четверти пятого класса, сестра соответственно училась в седьмом, а брат во втором. Мы все с восторгом восприняли эту идею, пока родители не объявили, что Барсика с собой взять просто невозможно. Объяснив, что кот остаётся у нашей бабушки, жившей в доме на другом конце деревни, и когда семья вернётся домой, мы снова заберём нашего красавца. На автобусе до районного центра Никольск, самолётом до станции Шарья, затем на поезде с несколькими пересадками и в конце пути в кузове обычного грузовика мы добрались до села Астраханское Целиноградской области. Отец и мать были людьми работящими, довольно быстро зарекомендовали себя в совхозе с хорошей стороны, нам выделили двухкомнатную квартиру в четырёхквартирном одноэтажном доме, и наш быт скоро налажился. Родители хорошо зарабатывали, кроме того обзавелись домашним хозяйством: корова, поросята, гуси. Даже собака была у нас. Учился я в школе очень неплохо, занимался спортом, много читал. Но мысли о Барсике не давали мне покоя. После окончания шестого класса я попросил родителей отправить меня на каникулы в деревню, к бабушке Аксинье. Нашёлся попутчик из наших мест, и родители согласились.

Когда я вошёл в дом к бабушке, поздоровался, она поцеловала меня, я сразу спросил:

– А где Барсик?

Бабушка рассказала: после нашего отъезда кот жил у неё какое-то время, но каждый день уходил к нашему дому, и бабушке приходилось каждый вечер возвращать его, чтобы покормить, а когда началось лето, Барсик и вовсе перестал появляться у бабушки. Несколько раз она забирала кота из сарая оставленного нами дома, но Барсик снова уходил. Наверное, ждал, что мы всё же вернёмся. А потом, потеряв надежду, и вовсе ушёл в лес и стал лесным котом. Мои попытки отыскать Барсика в ближайших лесах не дали результата.

Спустя ещё два года семья вернулась в родную деревню. Мы снова жили в нашем доме... без Барсика.

Прошли годы, многое изменилось в нашей жизни, но приезжая на побывку в родную деревню, я вспоминаю нашего Барсика, как светлый пример верности и преданности.

ЧТО ЗА ЗВЕРЬ ТАКОЙ?

Маленький Андрейка сидел верхом на деревянной лошадке и изображал из себя настоящего наездника. Когда-то у лошадки внизу имелись маленькие колёса, и её можно было катать по дому, но деревянные колёсики давно разломались, отвалились, и любимая игрушка стала менее подвижной. Когда в дом зимними вечерами собирались женщины, считай со всей деревни, на «беседки», Андрюшке не разрешалось играть в шумные игры, поэтому он, как правило, возился со своей лошадкой. Эта большая деревянная игрушка была гордостью Андрейки и предметом зависти других мальчишек.

Отец принёс лошадку в дом, когда Андрейка был совсем маленьким, но благодаря ей он очень быстро научился ходить – сначала просто вставал, чтобы держаться за свою лошадку, а потом начал её толкать, она двигалась, и Андрейке приходилось топтать за ней, продолжая держаться за деревянного друга.

Дом, где жил Андрейка с родителями, был просторным, а его хозяева гостеприимными, поэтому часто вечерами деревенские бабы приходили к ним, рассаживались по лавкам, каждая со своей прялкой. Отец зажигал ещё одну керосиновую лампу, подвешивал её к потолку, затем одевал тёплый, но короткий бушлат, в котором пришёл с войны, фирменную шапку-кубанку с какардой и уходил к дяде Матвею, где собиралась мужская половина деревни.

Мужики играли в карты, курили, рассказывали байки, а иногда даже скидывались «по рублику». Но скидывались на парутройку бутылочек крайне редко, время было тяжёлое – конец 50-х годов прошлого века, и карманных денег тогда не водилось даже у справных мужиков.

Иногда в деревню «привозили кино» и тогда в большой избе дяди Матвея собиралась почти вся деревня, за исключением старух и слишком набожных баб. Но это бывало крайне редко, и в долгие зимние вечера у мужиков и женщин были разные интересы и отдельные компании.

Но был в деревне человек, который не жаловал вниманием мужское общение и не приходил в задымлённую от сигарок избу Матвея. Звали его Фрол. Он был вдовец, воспитывал двоих

детей: мальчика и девочку, которые часто оставались у бабушки в соседней деревне, куда ходили в начальную школу.

Фрол не был похож на деревенского мужика. Он закончил восемь классов, с положительной стороны зарекомендовал себя в армии, умело используя данный от природы командирский голос, учился на офицерских курсах, немного служил в чине младшего лейтенанта, но по какой-то причине был демобилизован, и вернулся в деревню, только работать в колхозе не стал, а устроился заведующим складом в райпо. Часто ездил в районный центр, где кино показывали чуть ли не каждый день, а вдоль центральных улиц были проложены деревянные тротуары.

У Фрола была репутация бабника – он несколько раз после смерти жены приводил в дом женщин, чтобы у детей была мать, а у него жена, но все они задерживались ненадолго.

Дом Фрола, который находился в самом начале деревни, внутри был больше похож на городскую квартиру, чем на деревенскую избу. Работа на складе позволяла Фролу привезти хорошую мебель, покрасить полы не только в комнате, но и в сенях, детей прилично одеть и иметь запасы продуктов.

И хотя Фрол был несколько полноватым и не отличался какими-либо внешними особенностями, романов у него по деревенским меркам было предостаточно, или как говорили в округе – через край.

Летом Фрол привёз из города очередную претендентку на звание хозяйки. Эта была молодая красивая женщина с белокурыми волосами и странным для всех деревенских именем – Милена. Она не носила привычные для деревенских баб сарафаны, а ходила в платьях, туфлях и шляпке. Чай пила не из стаканов в подстаканниках, как было принято по местным обычаям, а из красивых расписных фарфоровых чашек с блюдцами. Она долго не могла научиться затапливать русскую печь и готовить в ней.

В колхозе она не работала – неслыханное дело, но по дому вскоре научилась управляться. Правда, деревенские бабы заходили к ней очень редко, хотя Милена была всегда вежлива и приветлива, но заставляла всех, кто входил к ним в дом, снимать обувь. Это не было принято в деревне, а потому вскоре, удовлетворив своё любопытство, все оставили её в покое, и даже председатель колхоза и деревенский бригадир не требовали от Милены выходить на колхозную работу.

Андрейка иногда забегал во двор дяди Фрола и, если тётя Милена видела его, то разговаривала с ним и угощала конфетами, а пару раз он даже пил у неё чай.

Через полгода безоблачной жизни деревенского донжуана и городской барышни всё вернулось на свои места. Фрол снова начал ходить налево. То ли из-за переизбытка мужской силы, переданной ему по наследству, то ли в постоянных поисках новых ощущений, одним словом, у Фрола появилась новая пассия в лице разведёнки Любки. Конечно, в сельсовете при рождении её записали как Любовь, но никто её так не называл, а звали все проще – Любка. Это была бойкая, даже по деревенским меркам, молодуха с чёрными волосами и каким-то убаюкивающим голосом.

Разводы в те времена были очень редки в деревне, но тем не менее молодой муж Степан оставил Любку вместе с маленькой дочуркой, сказал, что больше не вернётся, и уехал на север. Любка жила с бабушкой Зиной, которая делала всю домашнюю работу и водилась с ребёнком, пока его мать была на работе.

В нечастых общениях с деревенскими бабами Милена получила достаточно сведений о том, что Любка по делу и без дела частенько бывает в центральной усадьбе на райповском складе и что неожиданно у неё появились новые обновки: цигейка, телогрейка и сапожки. Сапожки, правда, были не зимние и, конечно, Любка зимой их не носила, но от баб деревенских скрыть ничего нельзя, а тем более женский гардероб. На все вопросы и расспросы Милены Фрол или грубовато отшучивался или же просто не отвечал на «бабскую пустую болтовню». Но Милена не смирилась, несмотря на советы некоторых женщин: «Не ищишь, хуже будет, горбатого могила исправит, кобель он и есть кобель».

Накануне задуманного она сказала, что едет к маме в город на два дня и пусть в это время дети как всегда побудут у бабушки. Фрол хмыкнул, но не возражал. Когда Милена шла по деревне, направляясь к автобусной остановке, Андрейка с санками стоял возле своего дома, собираясь идти на крутой берег реки, укатанный санками и лыжами.

– Тетя Миля, а ты куда пошла? – спросил Андрейка (в то время в деревнях дети всех называли на «ты»). – Скоро вернёшься?

Милена улыбнулась:

– Скоро, Андрейка, совсем скоро.

Немного погодя сосед, вернувшийся из магазина, который был рядом с автобусной остановкой, сказал Фролу, что видел, как Милена садилась в автобус.

Вечером накатавшийся вдоволь на санках и хорошо покушавший Андрейка возился со своей лошадкой-игрушкой около

печки-голландки. Зная, что вечером у них соберутся бабы, мама Андрейки загодя затопила печку, которая источала уютное тепло, а чугунная плита её была раскалена докрасна.

Бабы пряли, сидя по лавкам, и беспрестанно кто-либо из них что-то говорил. Хотя в избе было тепло, по деревенской привычке они сидели в валенках, а на плечах у них были наброшены полушалки и платки. Они обсуждали, шутили, ругали, смеялись. Иногда обращали внимание на Андрейку:

– Когда в школу?

– Что больше любишь: кобылку свою деревянную или санки?

На этот вопрос Андрейка серьёзно ответил:

– Лыжи.

– Лыжи? Так ведь у тебя их нет

– Будут, – сказал Андрейка, – папа сделает.

– Твой батько сделает. Руки золотые, не то что у некоторых, только что-нибудь заграбастать или баб чужих лапать.

– Ой, не говори, Санька, – вторила ей тотчас поддерживавшая злободневную тему одна из женщин.

– Ведь Миля-то уехала в город, а детей отослала к бабке. Не дай бог, Любка к Фролу убежит. Как бы греха не вышло.

– Да уж, не повезло Миле. И зачем за него пошла? А ведь хоть и не знает деревенской работы, городская совсем, но справная, культурная, детей обихаживает. Вот ты, Вера, спорила, что успокоится Фрол при Милене, а я говорила «Нет». Что теперь скажешь?

– Так почему Милена-то Любке волосы не повывёргивает? Вот мне доведись, пришла бы на дом к Любке и отлупила бы, что есть мочи.

– Так Мила ведь худенькая и скандалить не умеет. Она, поди, и слов-то ругательных не знает вовсе.

– Да, ведь никогда, бабы, не слыхивали мы, чтоб она ругалась. Видно, не умеет.

– Ой! И не говори. Не бойкая она. Разве можно такого мужика одного оставить? Может, Любка уже у него в койке.

– Ни при чём здесь Милена, надо с Фролом разбираться. Мой как-то во хмелю проговорился, что мужики ещё летом его хотели проучить. Как бы только не покалечили.

– Хватит вам языки-то чесать. Давайте лучше поставим самовар. Пить захотелось.

Мама Андрейки пошла ставить самовар, а Андрейка стал думать: почему бабы ругают Фрола и почему его могут побить.

Вдруг за окном раздался истошный крик:

– Бабы, сука бежит, сука бежит!

Голос этот Андрейка сразу узнал. Это громко кричала тётя Милена. Но ведь она уехала в город ещё днём...

Все женщины вскочили со своих мест и, оставив свои прялки, выбежали на улицу. Андрейка тоже поторопился слезть со своего «коня», но из-за спешки и суеты, которая царила в избе, потерял равновесие и, падая, одной рукой коснулся раскалённой плиты на печке. Жгучая боль пронзила пальцы Андрейки, он заплакал, но продолжал думать совсем о другом: что за зверь такой – сука. Он знал зайца, лисицу, волка, но о таком звере как сука он ранее не слышал. Надо было ещё надеть валенки, а они находились на печи. В общем, когда Андрейка выбежал на улицу, там толпились все женщины, и там же стояла взволнованная и запыхавшаяся тётя Милена с коромыслом в руках. Бабы внимательно рассматривали следы на дороге. При свете полной, словно улыбающейся луны, зависшей над заснеженными крышами, на покрытой лёгким снежком дороге отчётливо были видны следы человеческих босых ног. Андрюшка ожидал увидеть следы невиданного, незнакомого ему зверя, а вместо этого понял, что кто-то босиком пробежал от начала деревни, мимо их дома, дальше по сельской улице. Летом ребятишки почти всегда бегали босиком и уж отпечатки ног Андрейка постоянно видел на песке у реки, на дороге рядом с лужами после дождя, в огороде на вспаханной земле. Но зимой никто босиком не ходит. Только никому до Андрейки и его вопросов дела не было. Женщины продолжали рассматривать следы, крестясь и качая головами, а тётя Милена рассказывала:

– Ворота в ограду, конечно, были закрыты изнутри, но я через сарай – на повить, затем – в сени и – в комнату. Там их и застучала. В сенях коромысло прихватила – и давай лупить суку эту, проститутку местную. Она – бежать, ни обуться, ни одеться не успела, я – за ней, но догнать не смогла. Быстро сука бегаёт. Думала, вы поймаёте, кричала вам.

Бабы переглянулись, затем заулыбались, а потом захохотали. Милена растерянно смотрела на взхлёб смеющихся женщин, на глазах у неё навернулись слёзы, и она заплакала. Мама Андрейки, тётя Саня и несколько других баб подошли к ней и стали объяснять:

– Мы ведь, Миля, думали, ты никаких ругательных слов не знаешь, а ты вон как можешь.

Милена улыбнулась и тоже начала смеяться сквозь слёзы. И только маленький Андрейка никак не мог понять и соединить

в единое целое всю эту картину: у него болели пальцы на руке, но любопытство было сильнее, на зимней улице без верхней одежды, но в платках и валенках стояли бабы и громко хохотали, а среди них в городском пальто и шапочке, с коромыслом в руках стояла тётя Милена, которая смеялась и плакала одновременно.

Чуть погода все зашли в тёплую избу, и только теперь Андрейка смог обратить на себя внимание мамы. Все заахали, увидев припухшие и покрасневшие пальчики мальчика, и давали разные советы: чем их мазать, чтобы быстрее зажили.

– Ты зачем за нами побежал на улицу? Да ещё и раздетый.

– Я думал, сука – это зверь такой, и хотел увидеть.

И снова хохот заполнил избу. Теперь уже и тётя Милена смеялась без всяких слёз.

Потом бабы пили чай из самовара и успокаивали, как могли, тётю Милену. Андрейке, как пострадавшему при таких чрезвычайных обстоятельствах, была выдана пара конфет и пряник. Затем соседки, которые жили рядом с домом Фрола, пошли провожать Милену домой, остальные бабы тоже разошлись.

Утром, проснувшись, Андрейка оделся и вышел на улицу, ещё раз посмотреть следы на снегу, но ничего не обнаружил, кроме двух параллельных линий – следов от полозьев, это мужики рано, ещё до рассвета, поехали на санях за сеном на дальние луга.

Весь следующий день деревня обсуждала, как Миля, уехав в город, сразу же вернулась на попутке в деревню и застала Фрола с Любкой, как с коромыслом бежала вдоль деревни за паскудницей, которая была в одном исподнем, и как ночью бабушка Зина веником заметала следы ног, оставленные на снегу непутёвой Любашей.

Через год Милена всё-таки ушла от Фрола и уехала к матери. Сам Фрол тоже вскоре продал дом и переехал в город, где, кстати, не оставлял попыток найти спутницу жизни. Любка заадрючила приехавшего в гости в соседнюю деревню городского мужчину и, забрав дочку, уехала с новым избранником в большой северный город. Андрейка вырос, стал солидным мужчиной, но иногда ставит в тупик окружающих, если где-то он случайно услышит хрестоматийное ныне слово «сука», то неожиданно для всех может откровенно улыбнуться и тихо проговорить:

– И что за зверь такой?..

НЕЧИСТЫЙ ВИНОВАТ

Праздник в доме Миши Болотова был в самом разгаре. Подвыпившие мужики, бывшие фронтовики, наперебой рассказывали, на каких фронтах воевали, как проходили победителями страны Европы, где почти каждый из них, конечно, спас ребёнка или обречённую на гибель молодую девушку, и непременно о своих встречах с прославленными маршалами, которые по странной случайности происходили с ними чуть ли не регулярно, а также о других небывалых мистических случаях на войне. Мужчины, которым не довелось участвовать в войне, слушали захватывающие истории, но не все. Кто-то пытался выразительно, но невразумительно запеть, кто-то, обняв приятеля, задавал классическую фразу: «Ты меня уважаешь?» Кто-то дремал в углу, прислонившись к крепкой стене деревянного дома.

Бабы задорно плясали под звуки гармонии в центре просторной избы, пели частушки и переживали, чтобы гармонист не выпил тот последний стакан крепкого деревенского пива, после которого уже не сможет играть. А какая пляска без гармошки?

После войны прошло чуть более десяти лет, самые трудные времена остались позади, и в деревнях пиво варили часто, обычно зимой, когда меньше работы, для угощения гостей и даже без особого повода, иногда лишь для того, чтобы «отгоститься». Это когда хозяйева, побывав в гостях у своих родственников и знакомых, решали устроить свой праздник. Но в этот раз повод был самый настоящий.

К Михаилу и его жене Сане приехал её брат Александр, который жил на Севере и редко приезжал на побывку в родную деревню. В детстве Александра звали Шуркой, а его сестру Александру – Санькой, а когда они выросли, Шурка стал Александром, а Саня так и осталась Саней.

На вечеринке в его честь Александр пил мало, старался быть со всеми культурным, обходительным и большую часть вечера провёл в разговорах со своим другом Николаем из соседней деревни. Того на гулянку пригласили по настоянию своего одноклассника Александра. Жена Николая Таня, сославшись на домашние хлопоты и что детей оставить не с кем, не пошла с мужем в гости и осталась дома.

Таня – молодая женщина с кудрявыми тёмными волосами и милой застенчивой улыбкой, которая навсегда обворожила Николая, когда он вернулся с войны и увидел повзрослевшую Таню, которую знал ещё ребёнком. Николай посватался к Тане, когда ей было всего 17 лет. И родители Тани настояли, чтобы она вышла замуж за фронтовика, который был старше её на десять лет:

– Твои ровесники все скоро в армию уйдут на три года, а если на флот, то и на все пять, а из тех, кто постарше, скольких убило? Многие калеками пришли. Николай – мужик видный, работающий, из хорошей семьи, ну, постарше тебя, так ведь не моложе. Может, и лучше это.

Так Николай и Таня стали мужем и женой, а потом и дети пошли.

Николай пошёл «к пиву» с затаённой радостью, купив в сельмаге в качестве гостинца «маленькую». Маленькой бутылочку водки называли потому, что она в отличие от обычной бутылки была по объёму ровно в два раза меньше и, кстати, пользовалась признанной популярностью.

Радость Николая была не только в том, что он увидится с закадычным дружкой, с которым вместе ходили в школу и шалили, например, роняя по обычаю в рождественские вечера (их ещё называли «страшными») поленницы дров у домов своих знакомых девушек. Он надеялся, что на вечере будет и красавица-учительница Наталья Сергеевна, которая разрешила Николаю называть себя просто Наташей. Наташа приехала работать в школу и остановилась в доме у старушки Офросиньи, которой власти даже платили за то, что у неё в доме живёт учительница.

Николай чувствовал, что тоже приглянулся приезжей городской девушке, но деревенские нравы того времени были суровы. Даже просто зайти в гости на чай к одинокой женщине мужчинам было недопустимо, если, конечно, он не был её родственником.

Весь вечер, разговаривая с Александром, Николай время от времени как бы незаметно посматривал в сторону оживлённой раскрасневшейся Наташи. Она не участвовала в деревенских плясках, но охотно поддерживала женские разговоры, была весёлой и беззаботной. Когда по установившейся с незапамятных времён традиции гостеприимная хозяйка дома стала подавать гостям пиво одной большой чашей – её называли белужкой, – и очередь дошла до Наташи, все смолкли: сможет ли городская девушка выпить до дна всю белужку, которую полагалось вер-

нуть хозяйке пустой. И хотя Саня немного схитрила и не стала наливать Наташе пиво до самых краёв, но всё равно непривычному человеку трудно выпить за раз столько крепкого хмельного напитка.

Наташа взяла белужку обеими руками, сначала пригубила, а потом стала пить, но было видно, что всё выпить она не сможет. Все ждали: что же будет? Наташа остановилась; гости подумали, чтобы дух перевести, но она неожиданно сказала: «Коля, помоги», – и протянула чашу Николаю, сидевшему за соседним столом. Она сказала это так легко и непринуждённо, так запросто и искренне, что несмотря на то что это было совсем «не по правилам», никто из присутствующих не возмутился. Николай встал, подошёл, взял из рук Наташи разрисованную в стиле русских народных сказок чашу с пивом и не торопясь, степенно опорожнил, а потом с поклоном передал пустую белужку чуть растерянной, но улыбающейся Сане. Все наперебой стали хвалить Наталью Сергеевну за находчивость, но Николай почти ничего не слышал. В его груди нахлынула такая нежность и страсть, что он был готов сейчас же при всех обнять эту загадочную, желанную Наташу и целовать, целовать...

Спустя час-другой Николай и Александр курили на улице. Было холодно, и они вышли одетыми, в полушубках и шапках. Вдруг из дома вышла женская фигурка в белой шубке. Это Наташа собралась идти домой.

– Наташа, ты что, уходишь? – спросил Александр.

– Да, мне пора.

– Николай, проводи даму, темно уже. Я не могу, меня гости осудят. Ради моего приезда собрались.

– Найду я дорогу, не заблужусь, наверное, – отвечала Наташа. Но по всему было видно: она не возражает, чтобы Николай проводил её.

Николай выбросил окурок, проговорил Александру:

– Увидимся ещё.

И они с Наташей пошли по зимней деревенской улице.

Пройдя несколько метров, Наташа как бы споткнулась и решительно взяла Николая под руку:

– Можно? Так мне спокойнее. Ты такой надёжный.

Николаю было так приятно, что рядом с ним, немного прижавшись, идёт такая красивая, интеллигентная барышня, и он не сразу нашёлся, о чём с ней разговаривать, а когда разговор налачился, они, оказалось, уже пришли. У крыльца дома, где жила Наташа, парочка остановилась. Николай надеялся, что

хотя бы поцелует девушку в этот удобный момент, но она сказала:

– Пойдём, заходи в дом, согреешься...

Для Николая это была чудесная ночь, которую он провёл в ласкающих объятиях необыкновенной женщины. Его жена Таня не была холодна, и не сказать, что ограничивала его в постельных утехах. Ведь он был её первым и единственным мужчиной, и сам всему научил её. Но тот восторг, что Николай познал с Наташей в эту тёмную ночь на деревянной расписной кровати, скрип которой не утихал до самого утра, не давая покоя старенькой Офросинье, которая за деревянной перегородкой даже пошевелиться боялась, не мог сравниться ни с какими ощущениями, которые когда-либо Николай испытывал с женщинами. От охватившего блаженства он совсем не думал о времени.

Когда рассвело, Наташа прошептала:

– Коля, иди. Нехорошо будет, если с утра кто-нибудь зайдёт. Да и бабушке Фросе надо к скотине идти.

Николай оделся и вышел на улицу. Дышалось легко и свободно. Морозный свежий воздух, казалось, опьянил Николая. Он шёл быстро и скоро был за околицей. Благо, в деревне никто не встретился, и он широким уверенным шагом направился к родному дому, до которого было не более трёх километров. Он, взрослый мужчина, всё ещё не мог поверить, что может испытывать такое душевное спокойствие и непередаваемое волнение одновременно.

Вдруг он остановился как вкопанный среди заснеженного поля: «Таня!» Как он ей объяснит, где провёл ночь? Сказать, что ночевал у Михаила, мол, Александр уговорил не ходить ночью – нельзя. Все видели, что он ушёл раньше других гостей. Напился до беспамятства и ничего не помнит? Тоже не вариант. Во-первых, он не был заядлым выпивохой, во-вторых, хозяева и гости видели, что не был он пьян. «Чёрт его знает, что делать!» – воскликнул вслух расстроенный и встревоженный Николай. Охваченный тревогой, он уже не был объят манящими воспоминаниями. Мысли его стали прозаичными и практичными. Детям по их малолетству можно наплести что-нибудь, да и спят ещё, поди. Но Таня? Что он ей скажет? Ведь он ей ни разу не изменял. Жили они хорошо, она с самого начала не перечила мужу, а у Николая и причин не было в чём-либо её укорять. И вот, надо же. Леший попутал! Леший? Мысли Николая закрутились, словно дразня его невероятной находкой родившейся в глубине воспалённого сознания. Он даже перекрестился. Конеч-

но, он не был набожным, глубоко верующим человеком, хотя во время войны под бомбёжками не раз бывало крестился и читал про себя молитву.

Вот и сейчас он снова вспомнил о Боге. «Ладно, делать нечего. Господи! Прости меня. Другого выхода нет. Леший так леший», – прошептал Николай, сошёл с дороги и упал в снег. Немного полежал на спине, повернулся на бок, потом – на другой, встал и, не отряхиваясь, пошёл к своей деревне. У деревни он ещё раз повалился в снегу – в таком неприглядном виде он решил предстать перед родной женой.

Войдя в избу, он снял шапку и молча сел на лавку. Дома было тепло, уютно, но Николай не стал раздеваться.

– Коля, что с тобой? Ты где был? Всю ночь не спала, – бросилась к мужу испуганная Таня. Но радость, что муж пришёл целый и невредимый, уже светилась в её карих глазах.

– Ой, Таня, не спрашивай. Лучше, наверное, не рассказывать, боязно. Забыть это надо и всё, от греха подальше.

– Что забыть? Ты весь в снегу, замёрз, наверное. Давай снимай полушубок. Вот тёплые валенки и телогрейка – на печи была, надевай.

Жена стаскивала с него верхнюю одежду и говорила, как причитала:

– Что случилось? Ты что, в сугробе лежал? – Таня была готова заплакать.

– Ой, Таня, думал, всё, жизнь моя кончилась, и тебя, и детей больше не увижу. Да, видно, есть ещё Бог на свете.

Тут Таня разрыдалась и обняла мужа:

– Да что ты неладное говоришь? Кто тебя так напугал?

– Нечистый носил, водил меня по лесу до утра.

Таня подошла к иконам, стоявшим в углу, и стала креститься:

– Коля, ты в своём уме? Ладно ли всё с тобой? Может, маму твою позовём?

– Не надо маму. И рассказывать это тоже никому не надо. Иначе он может вернуться. В церковь лучше как-нибудь сходим, свечки поставим.

– Да говори ты толком, рассказывай уже, что теперь.

– Вчера вечером, когда вышел из гостей и уже миновал деревню, направляясь домой, вдруг как заметёт, ничего не видно. Думал даже вернуться обратно – к Мишке, но не тут-то было. Он – тут как тут. Нечистый, значит. Леший. И повёл меня в лес. Думал сначала, запомню, куда он меня ведёт, места ведь все

знакомые, с детства исхоженные. Но он завёл далеко, в самую чащу, остановился, поохотал так страшно и оставил меня там. Всю ночь я пытался выйти из леса, только казалось мне, что места все чужие, неузнаваемые. Обессилел я уже совсем, и, надо же, на поляну вышел, сел на пенёк и смотрю: а полянка-то вся земляничкой покрыта. Вокруг снег, зима, а на поляне – земляника красная, с зелёными листочками. Собирай – не хочу сладкую ягоду. Посидел, отдохнул, налюбовался красотой летней ягоды, а потом встал, прочитал молитву и тихонько пошёл. Так в летовище и оказался, а там уж и деревня наша рядом. Видно, чудом уберётся.

Таня сидела, закрыв лицо руками, и не могла промолвить ни слова. Наконец, тихо сказала:

– Господи! Что за напасть такая?!

– Только ты, Таня, не рассказывай об этом никому. Примета есть: если нечистого вспомнить и по имени назвать, вернуться он может, и тогда уж не отпустит.

– Ладно, не до разговоров мне теперь будет. Иди, ложись на печь, отогрейся, а я во хлев пойду. Я ведь тоже всю ночь не спала, молитвы читала, хоть и мало их знаю, но всё повторяла. Печь затопила, но корову ещё не доила и поросёнка не кормила. Бригадир скоро придёт – наряд давать, и дети вот-вот проснутся. Кормить их надо. Ты на ночной полянке хоть сладку ягоду попробовал, а мне детям завтрак готовить надо. – И уже от порога добавила: – Частушка есть про ягоды такие, спела бы, да некогда совсем... – А закрыв дверь, прошептала: – Спаси и помоги мне, Мать-Богородица.

Молодая деревенская женщина внутренне осознавала, что сталкивается с чем-то непонятным и ненужным, и всеми силами своей чистой души пыталась не дать охватить себя растерянности и панике. Она взяла стоящий в сенах подойник и пошла в хлев доить корову, не замечая, что снова слёзы катятся из её глаз.

ВСЁ МОЖЕТ БЫТЬ

Захар Семенович решительно не хотел оставаться дома в длинные новогодние выходные. Это подумать только – сидеть без дела десять дней. Конечно, за это время можно написать пару рассказов или даже подумать о сюжете для новой повести, но с приходом холодов вдохновение оставило писателя, коим был Захар Семенович то ли по призванию, то ли по профессии.

Ходить по гостям или навещать родственников ему тоже совсем не хотелось. Захару Семеновичу было уже далеко за сорок, и время весёлых посиделок, когда он с друзьями мог беззаботно бражничать ночи напролёт, ушло, да и дружная когда-то компания, с которой он любил проводить свободное время за умными разговорами, игрой в бильярд, посещением сауны и выездом на природу, как-то незаметно распалась. Кто-то уже нянчился с внуками, кто-то решал семейные проблемы, а кто-то просто бросил пить. А какая дружеская встреча без весёлых возлияний?

Так или иначе, Захар в глубине души чувствовал – одиночество близко, совсем рядом. С женой он не разводился, хотя оба понимали, что их совместная жизнь просто себя исчерпала. Они были независимы материально друг от друга, а духовно близки не были никогда, но прямых ссор всегда избегали, хотя у каждого, они догадывались, была своя жизнь. Жена его, вполне успешная дама, сумевшая из парикмахеров вырасти до владельца салона красоты, который пользовался популярностью в их городе, неплохо зарабатывала и считала работу мужа в редакции и в университете совсем не престижной. У них так и не появилось совместных детей, но у неё в городе жила дочь от первого брака, и свои постоянные задержки на работе и отсутствие в выходные дни объясняла тем, что была у дочери, которой всё больше требуется поддержка и помощь, учитывая рождение внука.

За несколько дней до Нового года Захар зашёл в турагентство и купил путёвку на автобусный тур по Золотому кольцу России. Ему импонировало, что жить участники тура будут в Суздале, а в другие города их будут возить на дневные экскурсии.

Третьего января рано утром Захар прибыл в Москву поездом и сразу поспешил на станцию метро Щелковская, откуда

отправлялись туристические автобусы. Захар вышел из метро и окунулся в морозный московский воздух. Он регулярно бывал в столице, ещё со студенческих лет, и ему была привычна московская суета, в которой великое множество людей и машин двигалось потоками, подчиняясь заданному столичному ритму.

В его туристической путёвке был указан номер автобуса, и он сразу увидел у посадочной платформы внушительных размеров автобус «мерседес». Автобус был зелёного цвета, на фоне которого нанесены то ли большие размытые снежинки, то ли медузы неправильной формы ярко-жёлтого цвета. Рядом с этим необычно разукрашенным транспортным средством уже толпилась группа людей вокруг молодой женщины с большим блокнотом в руках. Это гид, понял Захар, выбрал удобный момент, подошёл, поздоровался и спросил:

– Наверное, нужно зарегистрироваться?

Девушка подняла глаза от своего блокнота:

– Здравствуйте. Вы с нами?

Нестандартное обращение понравилось Захару.

– Да, я с вами, – ответил он вполне серьёзно.

– Фамилию Вашу назовите.

– Соколов Захар Семенович.

– Меня зовут Ольга. Через несколько минут водитель откроет багажное отделение, туда сложим сумки и чемоданы, а потом будем рассаживаться. Вот рядом кофейня, там пока можете выпить кофе.

Она говорила это привычно, отчётливым голосом. Захар бы даже отметил – хорошо поставленным голосом, но довольно доброжелательно, без обычной сухости в речи экскурсоводов, причём обладатель голоса успевала отмечать прибывающих туристов в своём списке. Её стройную фигуру лишь подчёркивала приталенная куртка на меху с капюшоном.

– А скажите, пожалуйста, – спросил один из туристов, обращаясь к Ольге, – такой прикольный рисунок на автобусе только у нас или они все свои автобусы так раскрашивают? Совсем ведь не сочетается жёлтый цвет с зелёным.

– Очень даже сочетается, – отвечала Ольга, – например, жёлтое – солнышко, зелёное – деревья, трава, кустарники, одним словом, природа.

– Да... – неуверенно прозвучал голос оппонента. – Может быть. Всё может быть.

Захар обратил внимание на ответ находчивого гида и снова посмотрел на молодую женщину, отметив про себя, что если бы

она стояла одна рядом с автобусом-великаном и с блокнотом, размером похожим на амбарную книгу, скорее всего, она казалась бы беззащитной, но в окружении своей многоликой группы выглядела весьма уверенно.

Утро выдалось не по столичному холодным, да и что говорить, зима в этом году была похожа на прежние русские зимы с морозами, метелями, сугробами. Это радовало Захара, уроженца средней полосы, хотя в такой поездке сильные морозы, быть может, и не к месту.

Он был одет достаточно тепло, да и автобусы такого класса, как правило, комфортабельны, там верхнюю одежду и вовсе снять можно. Одно беспокоило Захара – он чувствовал лёгкое першение в горле. Нехороший признак. По опыту знал, что любая даже самая лёгкая простуда у него начинается с дискомфорта в горле. Он не был болезненным, в юности, да и во взрослой жизни занимался спортом, принимал по утрам холодный душ, но это не мешало ему иметь очень восприимчивую гортань. По этой причине ему приходилось любое холодное блюдо запивать горячим чаем или кофе. А здесь совсем некстати накануне отъезда за посленовогодним столом он из-за деликатности не смог отказать хозяйке дома, где был в гостях, и съел всё мороженое, поданное на десерт в креманке из цветного стекла с переливающимся лиловым оттенком. Захар настолько был заинтересован этим необычным столовым прибором, сделанным то ли при помощи современных технологий, то ли сотворённым рукой настоящего мастера, что не заметил, как опорожнил всю креманку с мороженым.

«Как бы не разболеться, – с лёгким беспокойством подумал Захар. – Этого только не хватало. Надо согреться». И он направился в кафе, хотя Ольга уже приглашала всех пройти в салон автобуса.

Когда он с пластмассовым стаканчиком горячего кофе вышел из кофейни, Ольга, приветливо улыбнувшись, сказала:

– Заходите, Захар Семенович.

«Надо же, запомнила», – приятно отметил про себя Захар.

– А может, после Вас? – предложил он.

– Нет. В данном случае правила этикета не действуют. Я говорю, вы исполняете. – Но сказала это она совсем нестрого, с какой-то женской мягкостью в голосе.

Захар зашёл в автобус. Ближе к середине салона не были заняты два места, Захар сверил их номера с путёвкой – его место было у окна. Он неспеша снял шапку, куртку и устроился в кресле допивать уже остывший слегка кофе.

Впереди него сидели два брата-близнеца из Кемерово. Он обратил на них внимание ещё на перроне, где они весело разговаривали с двумя девушками-попутчицами, с которыми только что познакомились. Близнецам было около тридцати лет. Они были крепкими, упитанными мужчинами. Когда они представлялись девушкам, один назвался Григорием, а второй Георгием.

– И вас не путают? Я имею в виду по именам, – спросила одна из девушек.

– Путают. Все путают. Поэтому в детстве, да и теперь некоторые старые знакомые нас Гришками величают. А внешне мы всё-таки разные. Гриша родился на пять минут раньше. Он старший и выглядит более серьёзным. Да и одеваемся мы по-разному. Вкусы наши не совпадают, в том числе и на девушек.

Теперь, в автобусе, близнецы тихо переговаривались между собой:

– Наверное, уже можно и опрокинуть шкалик-другой, – говорил Георгий, – так сказать, за посадку и отъезд.

– Угомонись. Не отъехали ещё, – успокаивал брата Григорий.

В салон вошла Ольга, села на переднее сидение, и автобус степенно отъехал от перрона. Ольга взяла в руки микрофон, ещё раз представилась, перечислила, какие чудные города и достопримечательности ждут туристов в этом путешествии и добавила:

– Мы вместе проведём четыре дня. Думаю, будет уместно и вам всем представиться. Причём от пары или семьи может выступить один человек, – и передала микрофон по рядам.

Назвать надо было имя, род занятий, из какого города или региона и почему выбран именно этот маршрут. Туристы в автобусе были из разных городов, но больше всего – из Москвы и Подмосковья. Все поочередно представлялись, заминка вышла только у близнецов. Они не могли решить, кто будет говорить. В итоге Георгий проинформировал, что они шахтёры, у них просто есть время, и они хотят увидеть Суздаль.

Когда все представились и в салоне установилась тишина, Ольга начала рассказывать о Владимирской области и истории Владимиро-Суздальского княжества. Посвятив минут пятнадцать экскурсу в историю древней Руси, она предложила:

– За четыре дня вам много предстоит узнать о русских городах, которые мы посетим, а сейчас пока все полны сил и энергии, давайте сыграем в познавательную игру, она называется «Всё может быть». Участник игры должен рассказать историю, желательна увлекательную, можно правдивую, но добавить одно предложение во время рассказа, которое он выдумал. Это пред-

ложение или фразу он должен перед началом рассказа назвать соседу. Когда рассказ закончится, вы должны угадать, в каком месте спрятана ненужная фраза. Кто это угадает – победитель, и он назначает следующего рассказчика.

В салоне стали перешептываться, напрягаться никому не хотелось, и вдруг откуда-то с задних сидений раздался голос:

– У нас ведь есть писатель. Он, наверное, много историй знает. Пусть начинает. Мы пока слушаем.

Остальные пассажиры дружно поддержали предложение.

Захар высунул голову в проход между сидений и как-то смущённо возразил:

– Но у меня нет пары. Я еду один.

Ольга легко поднялась с кресла, подошла к Захару и села рядом, проговорив:

– Не возражаете, если я сегодня буду Вашей парой?

– Почему только сегодня? У нас тур четыре дня, – попробовал пошутить Захар.

– Разберёмся, – был ответ Оли. – Предоставляю слово писателю Захару Семеновичу Соколову, – объявила она уже в микрофон и передала его Захару.

– Можно начинать? – шепотом спросил тот, наклонившись к Оле.

– Да, конечно.

Захар умел работать с аудиторией. Он преподавал в университете, да и как редактор часто выступал на различного рода встречах и семинарах, хорошо владел словом, а потому ему было совсем не в тягость поведать слушателям какую-нибудь забавную или поучительную историю.

– Однажды, несколько лет назад, на машине, я ехал из Костромской области. Погода была ясная, конец лета, дорога знакомая, встречных машин совсем немного. Что ещё нужно для приятного путешествия?! Наверно, собеседник. Но ехал я один, и как обычно в салоне звучала негромкая музыка – такой лёгкий блюз. Около небольшого города Урень Нижегородской области, у которого в одну точку сходятся пять дорог из разных направлений, на бензозаправке я заправил машину и отправился дальше по объездной дороге, не заезжая в город. Впереди был железнодорожный переезд. Я начал сбавлять скорость, светофор на переезде загорелся красным светом, но шлагбаум ещё не опустился. Даже сейчас, спустя несколько лет, я не могу сказать, почему я не остановился и поехал по прорезиненному настилу через двойные железнодорожные пути. Ровно на середине переезда, когда я пе-

ресёк одну ветку путей, машина неожиданно заглохла. В зеркало заднего вида я увидел, как опускается шлагбаум и поднимаются металлические барьеры-заграждения, так называемые блокираторы. Такая же картина наблюдалась впереди: резко опустился шлагбаум и вздыбились блокираторы. И в этот момент я увидел приближающийся с левой стороны поезд, он не был ещё близко, но сигналил, и с его пронзительным звоном соединился вой сирены переезда. Я поворачивал ключ зажигания и не мог определить, завелась ли моя совсем новая машина. Вокруг стоял такой звон, что работу мотора услышать было невозможно. Я нажал на педаль газа, и по резкому движению стрелки тахометра определил, что двигатель работает, включил передачу и рванул вперёд. От наезда колесом блокиратор опустился, ведь он не давал возможности проехать на железнодорожный переезд, а не с него.

В этот момент шлагбаум немного приподнялся – это дежурный охранник в будке пытался вручную меня пропустить, но автоматика не позволила полностью поднять шлагбаум, и он снова очень резко опустился, ударив по правому крылу машины сверху, затем снова начал быстро подниматься, но моя машина уже проскочила мимо, и я увидел в боковое зеркало, как шлагбаум снова опустился и переломился.

Выскочивший из будки охранник что-то кричал и махал руками, водители стоявших на переезде машин по встречному направлению с изумлением смотрели на ошалевшую машину, которая протаранила переезд. Но я только нажимал на газ, стараясь как можно быстрее уехать. Остаток пути я провёл в ожидании, что на первом же посту ГИБДД меня остановят, так как я был почти уверен, что охранник по телефону сообщил о ЧП, и меня быстро найдут по государственному номеру машины.

Через несколько часов я был дома, и только теперь внимательно осмотрел пострадавшее крыло. На нём была внушительная вмятина, правда, краска не пострадала. На следующий день я приехал в автосервис к Американцу. Известного мастера, специалиста по кузовным и покрасочным работам прозвали Американцем за то, что он в своё время обучался технологиям ремонта и покраски в США, где жил то ли год, то ли два. Юра, так его настоящее имя, внимательно осмотрел повреждение и назначил время ремонта через неделю: «Раньше не могу. При всём уважении, работы много».

Ещё несколько дней я ждал, что представители ГИБДД объявятся, но, видимо, охранник из будки злополучного железнодорожного переезда испытал во время ЧП немалое потрясение и не запомнил номер моей машины.

Но самое удивительное было другое: с каждым днём вмятина на крыле машины становилась всё меньше, а в день, когда я должен был оставить машину в сервисе, и вовсе стала малозаметной. Американец снизу надавил на крыло небольшой деревяшкой, покрытой каким-то материалом, и вмятина вовсе исчезла. «Память металла, – объяснил Юра, – и красить не нужно. Но случай редкий. Тем не менее, бывает».

Впоследствии я неоднократно проезжал запомнившийся навсегда железнодорожный переезд около Урени, но уже без всяких приключений. Случай этот уже никогда не забуду. Даже боялся сначала, что снится мне будет, как я на красный свет еду, но ни в жизни, ни во сне больше этого не произошло и, надеюсь, не будет. – С этими словами Захар передал микрофон Оле.

Та, чуть помолчав, прокомментировала:

– Спасибо, Захар Семенович. Ваш рассказ ещё раз свидетельствует: в жизни всё может быть. Давайте будем аккуратны не только на дорогах, но и везде. – Сделав паузу, добавила: – Кому передаём микрофон? Кто следующий рассказчик?

– А давайте пить чай, сделаем маленький перекус, – предложил Григорий.

– Кто чай, а кто и покрепче, – тихо добавил Георгий, обращаясь только к брату.

На том и порешили. Никто даже не обратил внимание на то, что не прозвучал вопрос: а где лишнее предложение? Ну и хорошо. Захар его не придумывал и соседке не говорил. Как-то так получилось.

– А к рассказам обязательно вернемся ещё, – пообещала Оля.

Она сходила за своей сумкой, достала термос, бутерброды и сказала Захару как-то по-домашнему:

– Буду угощать Вас чаем.

– С удовольствием, – ответил Захар, тем более что после своего монолога пить в самом деле хотелось.

Они пили чай и разговаривали между собой. Общаться с Олей было легко и просто. Захару было интересно услышать из первых уст о работе экскурсовода, он задавал разные, иногда каверзные вопросы. Оля без труда на них отвечала. Оказалось, она из самого русского города Суздаль, где закончила школу, но в институте училась во Владимире, а теперь живёт в Москве у тётки. В Москве у неё работа, друзья, но ей больше нравится свой родной город, и она с удовольствием ездит по маршрутам, проходящим через Суздаль.

– У меня там дочка, Анечка. Ей скоро пять. Надо уже к школе готовить. Наверное, год ещё поработаю с туроператорами, а потом вернусь к родителям. Город наш всегда наводнён туристами, без работы не останусь. Могу работать и с иностранными группами, я иняз заканчивала.

Николай не задавал вопросов о её семейном положении, хотя и так было понятно – на безымянном пальце правой руки обручальное кольцо отсутствовало. Другие золотые украшения: кольца, серёжки и цепочки – блестели на пальцах, шее и на ушках, но как-то были к месту в её стильной одежде.

В джинсах и в тёмном облегающем джемпере она казалась ещё стройнее. Тёмная чёлка свисала к её бровям, и Захару всё время хотелось поправить её. Он даже чуть не сказал об этом в шутовском тоне собеседнице, но вовремя остановил себя, понимая, что флирт, даже безобидный, явно не уместен.

Она тоже не спрашивала его о семье, хотя наверняка заметила обручальное кольцо на правой руке мужчины. Захар почему-то принципиально никогда не снимал кольцо, да и официально он был женат.

Оля подкупаяще мило клала на бутерброды с сыром тоненькие ломтики томата, наливала из термоса чай, заваренный с плодами шиповника и ещё какими-то травами, доставала из сумки шоколадные конфеты, бумажные салфетки и всё это подавала Захару. После лёгкого ланча в автобусе многие задремали, убавляя шумом кондиционеров и негромкой музыкой из аудиоколонок.

Конкурс рассказов договорились не продолжать, решив, что будет ещё время завтра и послезавтра. Оля достала журнал с яркими обложками и многочисленными цветными фотографиями известных актрис, актёров, спортсменов и просто моделей. Захар не читал подобных изданий о светской и несветской жизни так называемых звёзд, но в этот раз, повернувшись к Оле, спросил:

– Что интересного пишут в женских журналах?

– Но это не совсем женский. Вот, например, – и она прочитала вслух выделенный жирным шрифтом абзац про семью Михаила Боярского.

– Да? Даже так? Не думал, что звёзды склонны к верности. А что ещё?

Оля прочитала ещё один абзац, затем следующую, остановилась, чтобы ответить на очередной вопрос Захара.

– Получается, Вы неплохо осведомлены о мире знаменитостей. Когда успеваете? Я иногда только новости по телевизору

успеваю посмотреть и за передачами Владимира Соловьева стараюсь следить.

– В последнее время беру разные журналы с собой. Когда есть время, читаю. Но больше люблю художественную литературу. Вот Вам хорошо. Много читать, как редактору, приходится? И ещё деньги платят.

Захар засмеялся:

– Вы не представляете, за день каких только опусов не прочитаешься. Иногда такую глупость непрофессиональную принесут. Ей-богу, не позавидуешь.

– А что, бывает глупость профессиональная?

Николай снова улыбнулся.

– Вы находчивы и остроумны. Сами не пробовали сочинять?

– Нет. Это не моё. Читать, конечно, люблю и даже могу что-то перечитать, но писатель из меня не получится. Скажите: а трудно стать писателем?

– Да нет. По крайней мере, в моём случае. Как-то всё само собой получилось. Но мне больше в университете работать нравится. Там живая работа с людьми. Но интриг тоже хватает.

– Это мне знакомо. Я работала в школе после педагогического, но там зарплата намного меньше.

Они разговаривали на разные темы, довольно долго, и когда до Суздаля оставалось уже немного, Оля перешла на своё обычное место впереди салона и снова взяла микрофон в руки:

– Мы подъезжаем к городу-музею Суздаль. Остановимся в центре, обедаем, я расскажу, где рядом находятся кафе. Их здесь предостаточно. Затем едем в гостиницу, устраиваемся. Вечером – свободное время. Завтра утром – завтрак. Он входит в стоимость путёвки, а потом – поездка во Владимир.

Автобус неспеша ехал по улицам Суздаля. Одноэтажные дома с крашенными в разные цвета наличниками, ухоженные дворы, чистые тротуары, вдоль которых стояли невысокие кусты и деревья, являли собой олицетворение чисто русского города XIX века, как бы законсервированного во времени. Бесконечное число легковых машин стояло вдоль улиц – это туристы со всей России приехали в новогодние каникулы посетить знаменитый город.

На улице, когда они вышли из тёплого автобуса, казалось очень холодно, мороз был не менее 25 градусов. Оля проинформировала группу о пунктах питания и, назначив время сбора, добавила:

– У нас с вами будет посвящён целый день для знакомства с Суздалем, но если кто пойдёт обедать в Архиерейские палаты,

я немного расскажу о Суздальском кремле. Мы всё равно через него пойдём.

Основная часть группы пошла за Олей и после небольшой прогулки по территории кремля все зашли в ресторан, который действительно располагался в бывших хоромах суздальских владык – Архиерейских палатах. Украшенная новогодняя ёлка встречала посетителей, выходявших из гардероба. Зал ресторана был достаточно большой. Потолки и стены сохранили свою архитектуру XV века, когда здесь решались вопросы государственной важности Владимиро-Суздальской Руси.

Группа неспеша, но чуть шумно расселась за столики. Захар, Оля и Гришки сели вместе за один столик. В меню были расписаны как национальные русские блюда по старинным рецептам, так и ассортимент современной кухни. Захар, бывая в различного рода поездках по России и в зарубежье, всегда старался попробовать что-то новое, желательно из традиционных местных блюд. Чтобы сориентироваться в многостраничном, оригинально оформленном меню Архиерейских палат, ему пришлось обратиться к Оле, которая охотно характеризовала каждое блюдо. Цены на эксклюзивные блюда были до неприличия высокими, но Захар в таких случаях был готов потратиться. Перед ним поставили «уху из осетрины с расстегаями» и «стерлядочку по-царски, фаршированную белыми грибами». Оля заказала «салат боярина с мочёной рябиной» и «рулет по-гусарски из мяса фазана». Гришки с аппетитом ели «щи деревенские в горшочке» и «мясо по-монастырски в слойке». Кроме того, они решили побаловаться закуской «помидоры, фаршированные грибочками». Из спиртного только Георгий заказал медовуху. Он ещё в автобусе приложился к запасливо купленной в дорогу бутылочке и здесь с удовольствием пил медовуху, отчего явно стал навеселе, но не казался пьяным. Григорий же даже не прикоснулся к своему бокалу. Когда в ходе обеда компания стала общаться между собой совсем по-дружески, Гриша объяснил, почему он в отличие от брата не употребляет в этой поездке алкоголь.

– Кто-то из нас обязательно должен быть трезвым.

– А разве нельзя вместе с братом во время отпуска немного расслабиться?

– Так раньше всё так и было. Мы всегда вместе ездим, даже когда женаты были. Только Георгий развёлся, а потом и я следом. Приалкашивали немерено. Но однажды, отдыхая в Черногории в городе с символическим названием Бар, решили совершить небольшую прогулку на теплоходе по Адриатическому морю, но

приняли на грудь слишком много, уснули в креслах на палубе теплохода, не слышали, как закончилась прогулка, и теплоход вместе с нами ушёл по другому маршруту – в порт Шеньгини, а это уже Албания. В общем, мы оказались в другой стране, причём без документов, которые оставались в гостинице. Нас перед поездкой инструктировали, что документы за границей с собой можно не носить. Кто знал, что так получится. Кончилось всё хорошо, но пока искали переводчика, хотя они тоже славяне и понимают нашу речь, ночь провели в полицейском участке. Через день, всё выяснив, нас направили в Черногорию. С той поры мы с братом договорились: во время отпуска один из нас всегда трезвый. В прошлом году не пил Георгий, в этом – моя очередь.

Эти молодые мужчины – сибиряки, своими откровенными разговорами вызывали симпатию. Всем было легко и весело. Оля сидела за столом напротив Захара. Её серо-голубые глаза меняли оттенок в зависимости от настроения хозяйки. Если женщина улыбалась, её глаза светлели и становились цветом ближе к голубому, если она была задумчива, глаза казались чисто серого цвета.

Её чуть растрёпанные волосы выглядели бы игриво, если бы не абсолютно некокетливое поведение молодой женщины. Она вела себя настолько естественно и просто, что нельзя было понять, то ли это привычка, связанная с её работой, то ли она остаётся сама собой даже в окружении мужчин, когда редкая женщина удерживается от соблазна оказать на них приятное впечатление.

– Что загрустили, Захар Семенович? Вам всё понравилось? – спросила Оля, когда официантка принесла большой фарфоровый чайник и поставила конфетницу с леденцами.

– Кухня замечательная. Спасибо. Просто я, видимо, чуточку простыл перед поездкой. Надо отлежаться. Мы сейчас в гостиницу?

– Так надо же лечиться, – воскликнул Георгий. – Смотрите, здесь глинтвейн есть. Захар Семенович, я угощаю.

– Даже не знаю. Может, тогда все по бокалу.

– Нет. Я на работе. Мне нельзя, а Вам, может, в самом деле на пользу пойдёт? – сказала Оля.

Григорий тоже отказался нарушить данное слово, и Захар с Георгием вдвоём выпили по бокалу горячего вермута с растворёнными в нём приправами.

– А Вы, Оля, тоже в гостинице ночевать будете? – попытался Георгий.

– Нет. У меня здесь родители и дочка. Вот вас всех разместим, и я сразу – к ним.

Когда группа прибыла в гостиницу, на ресепшине администратор стала выдавать ключи от номеров. Захар вошёл в свой номер. Он был двухместным. Разделся и лёг в кровать. Он надеялся, что если пораньше уснёт, то завтра будет чувствовать себя здоровым. Ночь прошла спокойно, но проснулся Захар с сильным першением в горле. Глинтвейн не помог. Он встал, умылся и поспешил к завтраку, назначенному на восемь часов. В девять – отъезд во Владимир. При посадке в автобус Захар обратил внимание, что мороз стал ещё крепче. Мелькнула мысль: может, лучше отсидеться в номере, но он её сразу отогнал. Не для того брал путёвку, чтобы в гостинице сидеть. И снова они ехали, но уже совсем недолго. Оля своего места не покидала, и Захару было немного грустно, что утром она просто поздоровалась. «Вчера она была более приветлива», – подумал он.

Пешую экскурсию по центру Владимира начали с Дмитриевского монастыря. Захар стоял перед храмом XII века и с любопытством разглядывал этот сохранившийся памятник истории и архитектуры.

Оля рассказывала:

– При Всеволоде Большое Гнездо Владимиро-Суздальское княжество достигло наивысшего могущества. В ознаменовании расцвета Владимирской земли Всеволод решил построить на княжеском дворе придворный храм. В 1194 – 1197 года князь воздвиг церковь, украшенную белокаменной резьбой и освятил её в честь своего небесного покровителя Дмитрия Солунского. В те времена князь носил два имени: княжеское и христианское, данное при крещении. Всеволоду досталось имя Дмитрий, а прозвище Большое Гнездо Всеволод получил за многодетность. Ко времени строительства собора у князя родился сын Дмитрий, что стало ещё одним поводом освятить храм в честь великомученика Дмитрия. Святой Дмитрий почитался издревле как покоритель воинов. Дмитрий занимал должность проконсула в греческом городе Фессалоники (современные Солоники). Помимо непосредственных задач управления, проконсул должен был оборонять город от варваров и истреблять христианство. Однако, защищая границы и проявив себя как талантливый полководец, Дмитрий не только не трогал христиан, но и сам проповедовал христианскую веру, чем разгневал языческого императора Галерия. Дмитрия закололи копьями в тюрьме, а тело его бросили на растерзание диким зверям, но те не тронули его, и христиане предали останки Дмитрия земле.

Летопись сообщает, что храм построен русскими зодчими, но над отделкой трудились не только владимирские резчики, но и греческие искусники, поэтому в белокаменном убранстве собора преобладают элементы, характерные для западных средневековых базилик.

Дмитриевский собор называют «поэмой в камне», «ковром из каменных узоров», которые создают причудливую картину мира, где христианские мотивы переплетаются с языческими образами. На северном фасаде собора можно увидеть и самого создателя храма – князя Всеволода Большое Гнездо, восседающего на троне с младшим сыном. Рядом с ним высечены фигуры старших сыновей.

Захар был человек подготовленный. Он увлекался историей с детства и даже написал пару статей на исторические темы, но, внимательно слушая Олю, открывал для себя много нового и скорее не потому, что он чего-то не знал, а возможно от её голоса, который на морозе звучал громко и даже властно, не позволяя слушателям отвлекаться несмотря на холод.

Когда группа подошла к Золотым воротам, которые считаются визитной карточкой Владимира, Оля представила группе нового экскурсовода – немолодую женщину Анастасию Гавриловну – и добавила, что та будет сопровождать их по всей исторической части Владимира.

– Затем у вас будет свободное время: обед, покупка сувениров и т. д. Встречаемся мы здесь же в 15:00, совершаем автобусную экскурсию по городу и возвращаемся в Суздаль. Завтра весь день проведём в Суздале, а послезавтра едем в Боголюбово, откуда вернёмся в Москву.

Прежде чем Оля успела покинуть группу, Захар подошёл к ней и заговорил:

– Оля, может, Вы подскажете мне какой-нибудь ресторанчик или кафе, где особенная кухня? Мне вчера очень понравилось в Архиерейской палате. Во Владимире, наверное, тоже есть что-нибудь подобное, но своё.

Группа с новым гидом уже уходила к бывшей водонапорной башне, где располагалась экспозиция «Старый Владимир», откуда Анастасия Гавриловна планировала начать экскурсию.

– Да, конечно. Кафе «Старая крепость». Это недалеко. Там тоже есть эксклюзивные блюда и замечательная кухня.

– А где Вы будете обедать?

– Пока не знаю. У меня есть ещё дела. А что, хотите пригласить?

– С удовольствием. Когда мне Вас ждать у «Старой крепости»?

– Ну... не знаю. Ладно. Обедать всё равно надо. Давайте в 13:30.

– Договорились.

И Захар быстрым шагом начал догонять уходящую группу... Спустя несколько минут Анастасия Петровна рассказывала об истории Владимира в экспозиционных залах с мечами, секирами, кольчугами и прочими артефактами прошлого. Но Захар не мог вникнуть в смысл слов экскурсовода, рассказывающего посетителям словно учительница начальных классов. Он поймал себя на мысли, что постоянно думает о предстоящей встрече с Олей. До вчерашнего дня он даже не был с ней знаком, а сегодня уже обедает с ней вдвоём. Это похоже на свидание.

Захар задумчиво ходил по экспозиционным залам. По-настоящему его внимание привлекла только диорама «Оборона Владимира», где были изображены события 1238 года, когда войска хана Батыея, опустошив Рязань, вторглись во Владимир. Героическая оборона города у Золотых ворот была представлена столь документально, что Захар ещё долго стоял перед ней даже после того как его группа пошла дальше за своим экскурсоводом.

В Успенский собор он зашёл раньше своей группы, которая на улице слушала бесконечные исторические экскурсии, а Захар постарался быстрее зайти в тёплое помещение. Он и без экскурсовода знал, что Успенский собор на берегу реки Клязьмы в 1158 году собственноручно заложил князь Андрей Боголюбский, который мечтал, чтобы его стольный граф Владимир в своём могуществе и богатстве затмил «мать русских городов» Киев, и поэтому задумывал Успенский собор как главный храм Владимиро-Суздальской Руси. Для этого князь «привёз мастеров из всех земель». Ювелиры, иконописцы и золотильщики были приглашены из Киева, Галича и Греции. Король Германии Фридрих I Барбаросса, состоявший в дружбе с Андреем Боголюбским, прислал во Владимир немецких мастеров. Здание Успенского собора воздвигли из известняка и украсили белокаменной резьбой. Центральный купол храма, увенчанный золочёным шлемом, вознёсся ввысь на 33 метра, превзойдя по высоте Собор святой Софии в Киеве. Великолепие Успенского собора было выше всех оценок. Мастера оковали листами золочёной меди торжественные входные порталы, устроенные с трёх сторон. Стены и своды храма расписали фресками. Летописцы, восхищённые красотой собора, сравнивали его с храмом царя Соломона в Иерусалиме. В 1238 го-

ду хан Батый, несмотря на героическое сопротивление жителей, всё-таки взял город. Многие горожане затворились в Успенском соборе вместе с епископом Митрофаном и его семьёй, но татары обложили собор брёвнами и подожгли здание. Отважные жители Владимира задохнулись от дыма, приняв мученическую смерть. Все реликвии были разграблены, живопись повреждена огнём, но обгоревший храм выстоял. Одержав победу над татаро-монголами, в 1380 году русские с особым рвением принялись восстанавливать былое величие Руси. Захар с трепетом смотрел на сохранившиеся фрагменты росписи Андрея Рублева, выполненные в 1408 году. Через шесть веков сохранились рисунки, написанные рукой гениального мастера, и Захар понимал: вот она настоящая история русских земель.

В соборе Захар был долго. Он не последовал за своей группой, которая после посещения Успенского собора направилась далее по исторической части Владимира. Он чувствовал себя всё хуже, и только приподнятость его эмоционального состояния позволила ему прочувствовать значимость и величие древних зданий старого Владимира, его церквей и храмов с их неповторимым убранством.

В кафе «Старая крепость» он пришёл намного раньше назначенного времени, разделся, заказал кофе и в ожидании Оли стал разглядывать картины и антуражную обстановку кафе. На стене прямо перед Захаром была изображена крепость, река и ладья на фоне захода солнца. Центральное место на другой стене занимала картина «Три богатыря». Негромкая музыка на русские мотивы не напрягала слух, и Захар с удовольствием сидел в этом уютном тёплом помещении. Ольга вошла в кафе ровно в половине второго. Сняла куртку, села напротив и сразу спросила:

– Как Вы себя чувствуете?

– Если честно, не очень. Но очень надеюсь не разболеться окончательно. Вы тоже сегодня более задумчивая и серьёзная. Что-то случилось?

– Да, но давайте сначала сделаем заказ.

Меню здесь тоже было оригинальное, с заманчивыми названиями блюд. Они оба остановились на «утиной похлёбке с белыми грибами», а дальше он заказал «мясную скоблянку», она – салат «разнотравье с зелёным соусом». Официант в длинном кафтани, напоминающем почему-то японскую одежду, услужливо предложил:

– У нас пользуется большим спросом среди посетителей хреновуха. Хотите попробовать?

Захар поблагодарил, но отказался. Когда официант удалился, Оля заметила:

– Может, стоило попробовать владимирскую хреновуху? Мужчинам нравится.

– Вы же не будете? Да и мне, наверное, ни к чему. «Глинтвейн» вчера не помог и вряд ли хреновуха с медовухой справятся, даже если они владимирские. Вечером в аптеку зайду. Мне «Эреспал» помогает. Что это мы всё обо мне? Расскажите, что у Вас случилось?

– Аня, дочка, очень соскучилась. Вчера весь вечер от меня не отходила, а утром сегодня, когда я собиралась уходить, она плакала и не отпускала меня. Переживает очень, когда я уезжаю надолго. Но я объяснила, что вечером снова буду с ней и завтра весь вечер проведу дома. Только после этого она успокоилась. Наверное, увольняться придётся. Не хочу ребёнка травмировать. Бабушка с дедушкой, конечно, любят её и даже излишне балуют, а здесь баланс нужен, и мама необходима рядом.

Официант принёс заказ и поставил две наполненные рюмочки.

– Это авторская наливка, от заведения.

– Оля, от наливки Ваши профессиональные навыки не пострадают. Давайте выпьем. За знакомство. День второй.

– Ой! Ладно. Чтобы Вы скорее поправились. Жаль будет, если Суздаль воочию, с подробностями не увидите.

– Да я и сам чувствую, что это мой город, настоящий. В нём действительно везде «русский дух и Русью пахнет».

Далее они разговаривали совсем оживлённо, иногда забывая о еде, что остывала перед ними.

Приближалось время сбора всей группы, и они вышли из кафе и направились к Золотым воротам. В автобусе Захар пытался задремать, но не смог. Его знобило, и он понял, что разболелся по-настоящему. Теперь ему хотелось одного: оказаться в тёплой постели. Оля, наверное, поняла, что ему становится хуже, и не стала проводить запланированную автобусную экскурсию в полном объёме. Когда автобус подъехал к гостинице и все вышли, Оля сказала Захару: «Идите в номер. Я сама схожу в аптеку», – и быстро ушла.

Захар лежал под одеялом и чувствовал, что ему становится всё холоднее. Он думал, что это озноб, но тут зашли Гришки проведать Захара, а заодно объяснили, что в гостинице все батареи почти холодные:

– Что-то в котельной случилось. На ресепшине администратор сказал, что часов через шесть исправят, а может, и к утру

только. Народ кто чем согревается. А Вы как себя чувствуете, Захар Семенович?

– Да совсем разболелся я, ребята, и не вовремя. К тому же замёрз весь, прямо колотит.

Через несколько минут слухи о том, что писатель заболел, разнеслись по всей гостинице. Каждый посчитал своим долгом помочь больному: в номер Захара несли одеяла, обогреватели, кипятильники, коньяк и медовуху. Захару поставили градусник и даже предложили растереть спиртом. В номере скопилось столько людей, что стало даже чуть теплее, но шум и разговоры угнетали Захара, хотя ему было приятно чувствовать такую заботу от малознакомых людей.

В это время из аптеки вернулась Оля и сразу оценила ситуацию. Попросила всех оставить писателя, посмотрела градусник, дала жаропонижающие таблетки, «Фарингосепт», «Эреспал» и какую-то микстуру.

– Вам нельзя оставаться на ночь в таком состоянии в гостинице без отопления. Для начала надо хотя бы согреться. В гостиницах неподалёку такая же ситуация. Во всём этом районе батареи чуть тёплые. Надо Вас куда-то перевести. Я попробую сейчас договориться. У меня есть хороший знакомый, одноклассник бывший, у него автономное поквартирное отопление. Он всегда хвалился, что может любую температуру отрегулировать нажатием кнопки. Она взяла телефон и стала набирать номер. Захар слышал часть разговора, но Оля, закончив разговор, села на кровать и пересказала смысл переговоров с одноклассником.

– Максима в Суздале нет. Он с подругой на праздники в Казань уехал, но квартирой воспользоваться разрешил – ключи передаст его мама. Сейчас вызовем такси и доставим Вас в тёплую квартиру.

До машины их провожали Гришки. Один нёс сумку Захара, второй пошёл вперёд – открыть дверь на заднее сиденье.

– Дальше мы сами. Спасибо, – сказала Оля и назвала водителю адрес: – Бульвар Сполье, дом 11.

Такси в Суздале прибывают в любое время и по любому адресу очень быстро. Тариф совсем скромный – 150 рублей в любую точку города. Пока ехали до указанного адреса, таксист рассказал, что бульвар Сполье – это улица в новом районе из трёхэтажных многоквартирных домов. Выше трёх этажей дома в Суздале возводить не разрешает местная власть, чтобы древний Суздаль не потерялся в многоэтажках.

У подъезда стояла женщина, мама Максима – Валентина Петровна. Втроём они зашли в квартиру. Валентина Петровна попросила не пользоваться компьютером:

– Сын не любит, а всё остальное в Вашем распоряжении.

Она взяла из шкафа подушку, одеяло, простыню, положила на диван, оставила ключи и, пожелав спокойной ночи, ушла. Оля постелила простыню на большую диван-кровать. Захар сразу лёг, закутавшись в одеяло, а Оля пошла на кухню приготовить чай. Затем они сидели на кухне, пили чай с вареньем и сушками, оставленными предупредительной Валентиной Петровной. В тёплой комнате после чая и лекарств Захару стало легче, и когда Оля присела к нему на диван, он попросил:

– Оля, расскажи мне о себе.

Она улыбнулась и произнесла:

– Долго рассказывать. Чего только не было.

– Вы меня пугаете, Оля.

– Пугаться не надо. Просто много чего уже произошло. Учёба, работа, переезды, любовь прошедшая. Я ведь замуж в Германию собиралась, ездила даже туда, но в последний момент передумала. Вышла за одного красавца здесь, но не сложилось.

– Может, поторопилась расставаться? От таких женщин мужчины не уходят. Значит, это было твоё решение?

– Похоже, так. Природа мужу моему бывшему к внешности артиста не добавила более чего-либо стоящего. Нарцисс да и только. А у Вас, наверное, дети уже большие?

– К сожалению, детей нет. Да и с женой у нас всё наперекосьяк. Внешне неплохо, а на самом деле семьи нет.

– Какие Ваши годы! Встретите ещё.

Оля положила ладонь ему на лоб, он своей рукой слегка придержал её кисть и проговорил:

– Подержите чуток. Мне так легче. А насчёт «встретите» – не знаю. Я, видимо, привередлив в этом плане. А такая как Вы мне уже вряд ли встретится.

– Да Вы обольститель, похоже, и сердцеед, наверное! Вам сейчас не об этом надо думать. Не можете Вы в таком состоянии адекватно оценивать ни меня, ни кого-либо другого. Мне уже пора. Дочке обещала. А Вы постарайтесь уснуть.

Её рука коснулась его руки и чуть погладила его пальцы.

– Не вставай. Дверь я захлопну. Ключи будут лежать в прихожей. Утром загляну.

Захар остался один в квартире, включил телевизор и стал переключать каналы, но мысли всё время возвращались к Оле.

«Наверное, я в самом деле ситуацию неадекватно оцениваю. Она просто по долгу службы беспокоится за подопечного туриста. Но как она мила! Как хороша!»

Утром он проснулся от входного звонка, запахнулся в одеяло и открыл дверь. Оля с пакетом в руках зашла в прихожую.

– Доброе утро! Как спалось? Умывайтесь, Захар Семенович. Будем завтракать.

Она прошла на кухню, и вскоре они сидели за столом, на котором стояли две тарелки с омлетом, порезанные ломтиками сыр, буженина, дольки лимона и чашки с горячим чаем.

– Оля, Вы мой ангел-хранитель. Что бы я без Вас делал?

– В самом худшем случае Вас забрали бы в больницу.

– Нет. В больницу не хочу. Надеюсь, мы справимся.

– Захар Семенович, у нас с группой сегодня весь день пешие экскурсии по Суздалью. Но Вам на улицу никак нельзя. Сделаем так: часов в десять к Вам зайдёт Валентина Петровна. Если будете чувствовать себя сносно, то она закажет Вам экскурсионное такси, с гидом-профессионалом. Не волнуйтесь. Герман – это дядя Максима, берёт с клиентов недорого: три тысячи рублей за два часа. Но он знает историю Суздаля и покажет интересные места. Не отказывайтесь заходить в храмы и монастыри. С Германом будет очень познавательно. А вечером я найду. Решим, что дальше делать.

Захар хотя и был далеко не в форме, но от предложения не отказался, и в 11 часов началась его персональная экскурсия по Суздалью на практичном «ниссане» с водителем-экскурсоводом Германом. Герман – бывший кадровый военный, затем – работник отдела культуры администрации города, а сейчас – индивидуальный предприниматель с собственными экскурсионными маршрутами. Он не только с явным удовольствием рассказывал заезжему писателю об истории города, но и охотно и подробно отвечал на вопросы Захара.

– Как удалось сохранить все дома в городе в первозданном виде? Повсеместно во всех городах на месте частных домов вырастают особняки, или как их называют – коттеджи. Вновь построенные замки и многоэтажные дома ничего не оставляют от прежних улиц кроме названия. А вы всё сохранили.

Герман объяснил, что горожане сначала сами соблюдали неписанные правила, а затем и городская администрация издала соответствующие постановления. Сейчас в Суздале при любой реконструкции частного дома фасад должен оставаться прежним, в его первоначальном облике. Местные жители берегут свой город, а приезжих на постоянное жительство немного. Ещё

в советские годы прописаться в этом городе приезжему человеку было практически невозможно. Прописывали только к жене или другим близким родственникам. Далее Герман продолжал:

– Но вернёмся к истории: в летописи Суздаль впервые упоминается в 1024 году, но город был основан ещё ранее, не позднее X века, и в разное время являлся столицей Ростово-Суздальского, Владимиро-Суздальского и Суздальско-Нижегородского княжеств. Его неоднократно пытались захватить, иногда успешно, волжские булгары, польско-литовцы, крымские татары. Город грабили и подвергали пожарам, но он достойно пронёс свою нелёгкую долю в истории России, сохранил свою самобытность и непревзойдённый ансамбль церквей и монастырей. Мы проедем к Васильевскому монастырю, посмотрим на Посадский дом и на Приказную избу Покровского монастыря, посетим музей деревянного зодчества.

В этот день Николай был послушным спутником Германа, но вопросы задавал больше о современном Суздале. Герман информировал:

– У нас в Суздале нет безработицы. В городе проживает всего 10 тысяч жителей, и в то же время здесь десятки кафе и ресторанов, около ста гостиниц, где круглый год проживают туристы. Жители города в основном работают в сфере обслуживания, но людей не хватает, поэтому многие приезжают на работу в Суздаль из Владимира. Каждое утро из областного центра в районный город едут сотни машин и десятки автобусов. Мы очень любим устраивать разные праздники, на которые приезжают тысячи туристов: это праздник огурца, цветов, бересты, глины; фестивали анимационного кино, русской бани, русского хоровода и т. д. Около двухсот праздников и мероприятий в год. Мы их сами придумываем. А туристы охотно едут.

Уже давно закончилось время, на которое было заказано экскурсионное такси, но Герман успокоил:

– На часы не смотри. За переработку денег с тебя не возьму. Нечасто писателей вожу. Так что спрашивай, не стесняйся. – Немного погода добавил: – Я тебя оставлю у Спасо-Евфимиева монастыря. Там в храм зайди. Я на сорок минут отлучусь, потом заеду за тобой. И где взял, туда доставлю.

Захара даже смутила такая забота. Но Герман уже поприятельски сказал:

– Мне нетрудно. И потом у меня наказ: на улице Вам долго находиться не рекомендуется, отвечаю за Вас.

На том и порешили. Захар вошёл через ворота в монастырь. Здесь у древних стен в 1445 году произошла кровопролитная бит-

ва русских войск Василия II с казанским войском под командованием казанских царевичей – Махмуда и Якуба (сыновей хана Улу-Мухаммеда), в которой Василий сначала выигрывал сражение и казанцы даже пустились в бегство, но когда русские стали преследовать их, отряды завоевателей сгруппировались и вновь бросились на русских воинов. Василий был ранен, потерпел жестокое поражение и взят в плен. Впоследствии для его освобождения русскими городами была заплачена огромная компенсация.

Захар поставил свечи перед древними иконами в Спасо-Преображенском соборе – главном храме монастыря, постоял у мраморного склепа князя Дмитрия Пожарского, прошёлся вдоль двора тюремного корпуса, где с 1766 года (по Указу Екатерины II) содержались сектанты, старообрядцы, декабристы и военнопленные. В 70-е годы XX столетия последняя колония (для несовершеннолетних преступников) на территории монастыря была закрыта, и здесь был организован музей.

Захару повезло: в монастырской звоннице зазвонили колокола. Колокола XVI века не сохранились: они были отправлены на переплавку в 30-е годы прошлого века, но вновь установленные в наше время 17 колоколов звонят пять раз в день. Это настоящий колокольный концерт. Что может быть чище и роднее отчётливого музыкального колокольного звона русских церквей для православного человека?!

Когда колокольный звон завершился, Захар вышел из монастыря и сел в машину Германа, который, понимая чувства пассажира, только и сказал:

– Вы летом приезжайте. Красота здесь бесподобная. Золотистые купола церквей, которые тянутся к безбрежному небу, и ландшафт русской природы не позволяют никому забыть наш город, кто хоть раз в нём был. Не зря ЮНЕСКО включила белокаменные памятники Суздаля в список всемирного наследия.

– Герман, остановись у «Магнита». Я зайду в магазин, а до дома дойду пешком. Здесь рядом.

Мужчины крепко пожали руки и пожелали друг другу удачи.

В продовольственном универсаме Захар купил торт, фрукты, курицу-гриль, молоко, хлеб и конфеты. Войдя в квартиру, он разделся, принял лекарства, вскипятил молоко. Выпив чашку горячего молока, Захар лёг в постель и стал ждать Олю. Он перебирал в памяти все их разговоры и не находил ничего особенного, что давало бы ему повод на что-то надеяться. «Но ведь не отправила в больницу, видя, что я не хочу туда. Может, сегодня что-то прояснится, но мне надо уезжать. Иначе в самом деле

в больницу попаду. Поездку в Боголюбово мне не выдержать. Завтра с утра уеду в Москву, а там – на поезд».

Захар незаметно задремал. Проснулся от звонка в дверь. На пороге стояла раскрасневшаяся от мороза Оля и маленькая девочка.

– Аня, – догадался Захар, – здравствуй. Давай я тебе помогу раздеться. Меня зовут Захар Семенович. Проходите, будем пить чай с тортом. Оля, да Вы замёрзли. Не хватало ещё и Вам заболеть.

Захар произвольно взял руки Оли в свои ладони.

– У меня и ужин готовить не надо. Я купил кое-что. Поможешь накрыть на стол?

Он даже не заметил, как перешел на «ты».

– Нет, Захар, занимайтесь с Аней, а я сама на кухне всё сделаю.

Николай с Аней прошли в зал и сели на диван.

– Ты сильно болеешь? – спросила Аня.

– Нет, я немного простудился, но твоя мама меня почти вылечила. Она у тебя такая славная.

– Мама моя тоже говорит, что ты хороший, много знаешь и книжки интересные пишешь. Как мы будем играть?

– Давай я тебя покачаю на качелях.

– Но в квартире не бывает качелей, – резонно заметила Аня.

– Вот смотри, – Захар закинул ногу на ногу и посадил на верхнюю ногу Аню и стал поднимать и опускать.

Ане понравилось, но заглянувшая из кухни Оля заметила:

– Не утомляй Захара Семеновича. Он ещё не совсем здоров.

– Может, тогда я тебе покажу город, в котором живу? Он тоже красивый, – обратился к Ане Захар Семенович. – Он достал из сумки планшет, которым за всю поездку до этого ни разу не воспользовался, нашёл в интернете фотогалерею своего города и стал показывать Анечке. Через несколько минут Захар спросил: – Тебе сколько лет?

– Мне пять лет, но я уже два года хожу на танцы.

– То есть ты занимаешься танцами?

– Да. Наш преподаватель, Елена Викторовна, очень строгая, но она знает много разных танцев.

– И что ты умеешь?

– Польку, и немного танго.

– А показать можешь?

Аня танцевала очень старательно, комментируя каждый танец. Её не смущало отсутствие музыки для аккомпанимента. Когда она закончила своё выступление, Захар, хлопая в ладоши, сказал:

– Bravo! Здорово! Ты просто молодец!

Аня в свою очередь спросила Захара:

– А ты умеешь танцевать?
– Как ты, конечно, нет. Умею только вальс.
– А почему именно вальс?
– В детстве во всех книжках, которые я читал, было написано, что настоящие кавалеры обязательно хорошо танцуют вальс. Пришлось научиться.

– Моя мама тоже хорошо танцует.

Аня побежала на кухню, за руку привела Олю и объявила:

– Кавалеры приглашают дам.

– Но без музыки как-то непривычно.

– А ты в интернете найди, – настаивала Аня.

Захар нашёл музыку для вальса и подошёл к Оле.

– Девочка настаивает. Не будем огорчать.

Они кружились в зале однокомнатной квартиры под восторженные взгляды Анечки. Оля, чуть откинув голову и профессионально выгнув спину, чуть улыбаясь, танцевала, забыв о чайнике на кухне. Захар сначала танцевал, чуть ли не затаив дыхание, но уже через несколько секунд, обхватив талию Оли, уверенно вёл её в танце. Он ощущал запах духов, упругость её тела и прижимал девушку к себе чуть больше, чем этого требует этикет. Он забыл, что болен, что они без обуви, он даже музыку толком не слышал. Этот танец был для него как полёт, как песня, как сбывающаяся мечта.

Когда Оля сделала реверанс и ушла на кухню, он сел и, улыбаясь, посмотрел на Аню.

– А вы красивая пара, – сказала та по-взрослому.

Затем они ужинали, пили чай и разговаривали. Тему разговора определила Аня. Она спросила Захара:

– Что ты любишь делать больше всего?

Он ответил:

– Наверное, путешествовать.

– А расскажи, где ты бывал?

Захар начал рассказывать об Индии:

– Индусы очень интересные люди. Они могут быть очень бедны, но при этом чувствовать себя абсолютно счастливыми. Такого я больше нигде не видел. Но у нас сегодня Оля совсем немногословна. Может, и ты расскажешь о самых запомнившихся путешествиях?

– Когда я была маленькой, мои бабушка и дедушка купили машину «копейку». Они на ней ездили за грибами, в деревню, на озёра и часто брали меня с собой. Мы на ней даже в Казань и в Нижний Новгород ездили. Вот эти поездки запомнились мне

навсегда. Тогда мы все были вместе: дедушка, бабушка, мама, папа и я. Наверное, я тогда была счастлива.

Когда гостям пришло время уходить, Захар сказал:

– Оля, мне надо завтра ехать в Москву, а там – на поезд. В Боголюбово мне ехать не стоит. Пусть наша группа спокойно едет по маршруту, а я дома уже долечусь.

– Что-нибудь придумаем, – ответила Оля, – до моего прихода не уезжай.

Аня уже надела сапожки и пальто, и тут неожиданно подошла к Захару и, глядя на него снизу вверх, спросила:

– А когда ты выздоровеешь, станешь моим папой?

Захар, не задумываясь, ответил:

– Да, конечно. Только маму не забудь спросить об этом.

– И мы вместе будем путешествовать? У тебя есть машина?

– Машина имеется, и путешествовать вместе веселее.

Когда Захар закрыл дверь, только тогда понял, что организм его совсем ослаб. Он лёг и закрыл глаза.

Утром Оля пришла запыхавшейся.

– Надо торопиться. Из Суздаля в Москву прямых автобусных маршрутов нет, во Владимире надо пересадку делать. Но сегодня утром здесь проходит в Москву один из наших туристических автобусов. Я договорилась по телефону. Тебя заберут, но надо успеть к автобусной станции, она за городом. Они там остановятся. Такси уже ждёт. Поехали.

Захар взял сумку, оставил в прихожей на тумбочке деньги за проживание и передал ключи Оле.

– Передашь Валентине Петровне с благодарностью.

Когда они прибыли на автобусную станцию, автобус уже стоял, видимо, подъехал чуть раньше. Водитель открыл дверь.

– Вот возьми термос и бутерброды, – Оля протянула Захару небольшой свёрток. Обняла его за шею и поцеловала в губы.

– Заходи уже, – она подтолкнула Захара к двери. Тот сел на свободное место и посмотрел в окно, чтобы увидеть Олю ещё раз, но автобус уже отъехал.

Спустя пару часов, когда Захар пил чай из термоса, с нежностью вспоминая милую и заботливую девушку из Суздаля, так неожиданно заполнившую его мысли, чувства и желания, он достал свой сотовый телефон: «Позвоню. Передам приветы нашей группе и Оле сообщу, что всё нормально». И тут с ужасом вспомнил, что не спросил номер её телефона. Уже сидя в поезде, он перебирал варианты, как будет разыскивать Олю, но вариантов было немного. Ведь он даже её фамилию не знает.

Прошло почти два месяца. За это время многое изменилось в жизни Захара. Жена его ушла, сказав как-то обыденно, без всякого оттенка драматичности: «У меня своя личная жизнь. На раздел квартиры пока не подаю. Мне есть где жить, но компенсацию за половину квартиры мне оплати».

Вечерами, вернувшись с работы, Захар сидел в кресле перед включённым телевизором и держал в руках небольшой термос, подаренный ему в Суздале Олей. Иногда он подходил к бару, наливал рюмку коньяка, а выпив, вновь и вновь возвращал в памяти вальс с Олей в Суздале. Почему она не напишет ему на адрес электронной почты? Ведь стоит в интернете набрать его ФИО и сразу на нескольких сайтах можно найти не только его место работы, электронную почту, но даже номер телефона. «Нет, она так не сделает. Несмотря на её практичность и прагматизм, она девушка романтическая, и будет ждать, когда я её найду». Он помнил адрес Максима. Если его даже нет в Суздале, он через соседей найдёт Валентину Петровну. «Если не получится, оставлю записку и буду ждать звонка в гостинице, в Суздале, сколько бы дней не пришлось ждать...»

...Захар шёл по улицам Суздаля. Ему казалось, что он узнаёт стоящие правильной шеренгой деревянные дома. Вдруг он увидел впереди две женские фигуры. Одна стройная в ярком синем пальто, вторая совсем маленькая в красной куртке. Они шли навстречу Захару, держась за руки. У него замерло сердце, а маленькая девочка уже бежала навстречу Захару:

– Анечка! Оля! – повторял взволнованный Захар.

– Я говорила, что ты вернёшься. Я знала, что ты приедешь, – почти кричала Аня.

Захар поднял её на руки и сделал несколько шагов навстречу Оле. Увидел её радостные, широко открытые глаза и без слов обнял.

...Захар продолжал сидеть в кресле в своей квартире, и ему не хотелось осознавать, что картины, так реально всплывшие в его воспалённом сознании на тему «Как он встретится с Олей», снова оказались фантазией.

Через некоторое время он автоматически подошёл к компьютеру и проверил поступление почты. На его личный адрес уже давно не было никаких сообщений. Всю свою переписку он вёл со служебного адреса, но на этот раз в папке «Входящие» высветился конвертик. Захар открыл письмо, там было одиннадцать цифр и подпись – Оля. Захар метнулся за телефоном...

Уже на следующий день он написал заявление на отпуск.

– Отпуск в марте? – удивился начальник департамента по печати. – Что ты собрался делать? Ещё зима, можно сказать.

– Мне очень надо, – только и возразил Захар.

– Да, пожалуйста. Я вообще-то о тебе беспокоюсь. Отдыхай в марте, раз не хочешь по графику в июле, – проворчал чиновник, подписывая заявление.

На следующий день Захар уезжал в Суздаль. Он не стал вызывать такси, маршрутка останавливалась рядом с домом, через дорогу. Захар собрал сумку, сверху положил в красивой упаковке большую куклу, купленную накануне в детском супермаркете, и вышел из дома. У пешеходного перехода стоял высокий фургон. Захар, как водитель, по привычке подумал: «Что же он почти на переходе остановился?» И пошёл через улицу по зебре. Иномарки, приземистой и грязной, он не видел, и казалось, его просто кто-то сильно подбросил над землёй. Перед тем как темнота закрыла ему глаза, он увидел, как по асфальту кувыркается кукла, выпавшая из разорванной сумки...

– Как Вы себя чувствуете? – спросил доктор.

– И как мне отвечать на этот вопрос, доктор? Мне кажется, Вы меня всего загипсовали.

– Да нет. Вам крупно повезло. Счастливчик, можно сказать. В такой ситуации можно и не выжить. Видимо, в последний момент Вы перед самым ударом интуитивно подпрыгнули и перелетели через машину. Это Вас спасло. А то, что нога забинтована и несколько рёбер сломано – совсем ведь мелочи, ну и сотрясение мозга, конечно. Вставать пока нельзя. Да, к Вам тут гостья, с утра в коридоре сидит, но ей сказали, что до обхода к больным нельзя. Общайтесь, только недолго. Свидания у нас, как правило, после обеда.

– Как ты меня нашла? – спросил Захар, едва Оля присела к нему на кровать.

– Я сразу поняла: что-то случилось. В день, когда ты хотел выезжать, обещал по телефону, что позвонишь ещё, сразу, как сядешь в поезд. Но звонка не дождалась, а твой телефон был вне доступа. На следующий день я позвонила на твой рабочий телефон, и сотрудники редакции сообщили мне, что ты в больнице.

– И ты меня снова будешь спасать?

– Лечить тебя будут всё-таки доктора, но я буду рядом и буду заботиться о тебе. Теперь уже всегда. Кстати, тебе подарок. Анечка послала – и Оля протянула альбомный листок, на котором была изображена автомашина, а рядом – три фигуры...

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Каждый мечтает о счастье. У любого из нас, живущих на белом свете, свои потребности, желания, тайные мечты и амбиции. Но что такое счастье?

Философские трактаты, объяснения психологов, литературные труды, потуги политиков, где бесспорно имеется немало замысловатых фраз и умных толкований, не могут дать полного и ясного объяснения. Но для отдельного человека счастье вполне конкретно.

Погожим апрельским днём я с дочкой Катей и внуком Алёшей ехал на машине из Йошкар-Олы в небольшой северный городок Никольск Вологодской области. Отправляясь в подобные путешествия, заранее договариваемся, что в пути разговариваем, загадываем загадки, читаем стихи и даже поём. Большею частью это удел пассажиров, но и сам я иногда увлекаюсь и рассказываю за рулём что-либо интересное для членов семьи. В этот раз я вспоминал и рассказывал спутникам, как впервые приехал в Йошкар-Олу. В этом городе жила моя старшая сестра Рая, и когда я после окончания первого курса Мурманского пединститута поехал на летние каникулы домой – на Вологодчину, то решил сначала навестить свою сестру в Йошкар-Оле. Это было в июне 1971 года.

Поезд Москва – Йошкар-Ола, на котором я ехал тогда, после станции Зелёный Дол шёл очень медленно, останавливался на всех маленьких станциях: Илеть, Шалангер, Суслонгер, Сурок, Куяр. В томительном ожидании я смотрел в окно. Наконец, наш очень «нескорый» поезд прибыл в Йошкар-Олу.

Сестра заранее предупредила меня, что не сможет встретить, и сказала, где будет находиться ключ от квартиры, а также объяснила, как доехать от вокзала до Дубков (так и сейчас называется район города, где тогда проживали преимущественно семьи военнослужащих), где сестра жила со своей дочкой Марианной. Рая работала недалеко от своего дома в организации, расположенной тоже в Дубках, и я, приехав, оставил вещи в квартире, пошёл к Рае на работу. Вечером мы взяли Марианну из садика, ужинали, пили чай, обмениваясь новостями и впечатлениями.

На другой день я поехал в центр города знакомиться со столицей Марий Эл. Йошкар-Ола утопала среди зелёных деревьев и кустарников, везде был аромат цветов и естественная свежесть от бесчисленного количества пышных веток, которые прикрывали тротуары от солнечного зноя. Прибывший из заполярного круга, я был поражён этим зелёным великолепием. Впечатлило меня и явное присутствие нетронутой природы в черте города. На месте нынешнего Сомбатхея (район города Йошкар-Ола) находились озёра и болота, окружённые кустарниками и деревьями. В этих естественных водоёмах, которые весной заливали водой всю округу, плавали дикие утки. Дендросад и Сосновая роща тогда были визитной карточкой города. Через Сосновую рощу к плотине народ ходил загорать и купаться. Вечерами в выходные дни молодёжь собиралась на танцплощадке «Улыбка». Большой удачей считалось побывать на концерте ВИА «Мари». Яркие костюмы, громкий звук стереофонических колонок, лирические мелодии в исполнении молодых музыкантов очаровывали зрителей. Тогда ВИА «Мари» был на пике своей популярности, музыкальный коллектив постоянно гастролировал по стране, и в Республике Марий Эл концерты давал нечасто.

Через день моего пребывания в Йошкар-Оле сестра предложила мне перевестись из Мурманского пединститута в Марийский политехнический институт. Сказала, что, возможно, уедет в Оренбург, поэтому какое-то время я могу жить в её квартире.

Всё так и получилось, к началу учебного года я снова прибыл в столицу Марийской автономной республики и уже надолго. С той поры минуло около сорока лет. Йошкар-Ола стала для меня родным городом, где прошли основные этапы моей карьеры и творческой деятельности. Сам город за это время изменился до неузнаваемости. Новые мосты через реку Кокшагу, великолепные дворцы, златоглавые храмы и просто красивые здания придали столице Марий Эл облик европейского города со своим имиджем и особенностью. Здесь мой дом и семья. Здесь выросли мои дети. Сейчас, бывая в разных регионах и странах и сравнивая благоустройство территорий, архитектуру и различные коммуникации городов, надо признать, что Йошкар-Ола достойно выглядит в этом сравнении.

Все эти годы, проведённые в Марий Эл, я не забывал о своей малой родине, где прошло моё детство. В тридцати километрах от небольшого города Никольска Вологодской области стоит наша деревня Подольская, где жили мои родители, деды и прадеды. Деревня стоит в чудном по своей красоте месте, на бере-

гу речки Шарженьги, в которой, на удивление, водятся ещё настоящие раки, пусть не такие крупные, как в детстве, но водятся. И, как только представлялась возможность, я стремился побывать на родине, как правило, со мной ехал кто-нибудь из домочадцев.

В Никольске сначала ехал в администрацию, к главе администрации района, чтобы передать одну-две просьбы жителей деревни, которые в свою очередь просили меня по телефону (благо, у всех сейчас сотовые) посодействовать в решении разных насущных потребностей деревенской жизни: сделать новый навесной мостик через речку, отремонтировать дорогу к кладбищу, вырыть колодец, подключить фонари на деревенской улице. Я исправно передавал жалобы и просьбы и, несмотря на то что в наше время это не является правилом, они практически все решались. Благодарный народ нашей округи проникался уверенностью, что опробованный канал связи действует, и снова обращался. И хотя за эти годы руководители района время от времени менялись, порядок моих к ним визитов не поменялся.

Изменился сам Никольск. Во времена моего детства жители окрестных деревень называли его уважительно – Город. Если нужно было побывать в райцентре, то говорили: «Поехал в Город». Тогда на улицах не было асфальта, а тротуары были деревянными и довольно узкими, но здесь была «городская» атмосфера: женщины ходили в платьях, а не в деревенских сарафанах, работал рынок, парикмахерская, ателье, в киоске можно было купить мороженое, а по субботам в парке молодёжь танцевала под радиолу.

Главным транспортным узлом района был аэропорт – здесь всегда было многолюдно, а с билетами – постоянные проблемы, особенно в летнее время, и знакомство с кассиршей аэропорта считалось необходимым и престижным.

Сейчас уже и не подсчитать, сколько раз я взлетал и приземлялся в качестве пассажира с Никольского аэропорта. Но прилететь – это ещё полдела. В распутицу автобусы не ходили, да что там автобусы, в дождливую погоду в некоторые деревни можно было проехать только на гусеничном тракторе. Бывали случаи – на тракторе молодожёны в сельсовет регистрироваться приезжали.

Сейчас Никольск имеет все признаки цивилизации: асфальтовые дороги, респектабельные магазины, коттеджи, которые образовали новые улицы, а многочисленные иномарки можно встретить в любом месте. Молодёжь танцует в кафе, а потребность в аэропорте и вовсе исчезла.

После администрации, уже по литературным делам, я заходил в редакцию районной газеты, в библиотеку, иногда в школы, в которых местные энтузиасты и хранители литературного музея Муза Вячеславовна Береснева и Галина Леонидовна Сурина организовывали мне встречи со школьниками, где я с превеликим удовольствием читал свои стихи и рассказывал о других городах и странах.

Как правило, в день приезда я звонил Горбунову Геннадию Александровичу – руководителю агрофирмы имени Павлова, и если он был в офисе, старался с ним встретиться. Этот удивительный человек, несмотря на занятость, всегда тепло и гостеприимно встречает меня и мою семью. Несколько лет Геннадий Александрович руководил районом, а затем возглавил агрохолдинг, который является крупнейшим не только в районе, но и в области. Общаться нам всегда легко ещё и потому, что и наши родители, несмотря на то что жили в разных деревнях, расположенных довольно далеко друг от друга, были в дружеских отношениях.

Совершив необходимые визиты, мы только к вечеру, завернув по дороге в Павловский магазин на выезде из Никольска и набрав всяческих продуктов, приезжали в деревню, которая несмотря на свои небольшие даже по здешним меркам размеры, перенесла раскулачивание 30-х годов, пожар, уничтоживший большую часть домов в 1943 году, укрупнение колхозов в 50-е, перестройку 80-х и последующую ликвидацию колхозов в конце прошлого – начале нынешнего века. Она, в духе чисто русского характера так много потерявшая, простила всех и продолжала жить своей совсем не бурной, но такой милой жизнью.

У мамы в деревне мы проводили несколько дней, досыта полакомившись блинами, ягодами и местными щами из мяса и овсяной крупы, непременно успев поправить забор, починить крышу, наколоть дров, покрасить ограду, а летом, конечно, вдоволь накупавшись в речке, возвращались в Йошкар-Олу.

В этот раз мы выехали по известному маршруту в Вологодскую область в конце апреля. Погода стояла не просто чудесная, она благоухала всеми красками весны, которая в этом году была не ранней по срокам, но быстро созревшей, что не оставило никаких шансов ушедшей зиме на реванш в виде обычных холодных утренников. Уже часов с восьми утра было необычайно тепло, а начинающие зеленеть стоявшие вдоль дороги деревья радовали глаз после зимних снежных пейзажей.

В машине негромко играла музыка, что не мешало нам вспоминать наши предыдущие поездки и связанные с ними

интересные истории, или как нынче говорит молодое поколение – приколы, разгадывать кроссворды, которые Катя предусмотрительно взяла с собой, и угощаться бутербродами из специального походного саквояжа – гибрида сумки и холодильника. Время от времени мне приходилось отвечать на вопросы:

- А бабушка поедет с нами в город?
- А сколько дней мы будем в деревне?
- А мостик через речку не унесло?

Так мы проехали Килемары, Шарангу, Тонкино, Урень и Ветлугу. Шарью миновали по новой объездной дороге. Что и говорить, с тех пор как построили новую дорогу, наше обычное путешествие до жемчужины Северных Увалов (так иногда называют Никольск) через Кострому, Ярославль и Вологду в полторы тысячи километров сократилось до пятисот.

Нам уже не было необходимости делать тысячекилометровый крюк с ночёвкой в Макарьеве, в гостинице, располагавшейся в бывшем купеческом доме с узкими деревянными лестницами, резными колоннами и мраморными вазами. После Шарьи мы мчались по новой, в несколько полос трассе, и до наших родных мест оставалось совсем немного. Дети мои хоть и родились не на Вологодской земле, но с самых малых лет регулярно бывали в нашей деревне и считают её родной.

По обеим сторонам от шоссе стоял русский северный лес, в котором смешались нарядные берёзы, строгие ёлки, подтянутые сосны; среди них можно было видеть ветки нежной рябины, безобидной ольхи, вездесущей осины, и всё это, обрамлённое кустами, мхом, ягодниками, составляло радуго свежести пробудившейся природы. Время от времени были видны штабеля древесины, заготовленные зимой новыми местными бизнесменами, беседки, сооружённые студентами-практикантами из романтических соображений, деревянные щиты с утопическими призывами беречь лес, современные бензозаправки, где по ценам, как правило, выше европейских вашу машину заправят топливом любой марки, и просто стоянки для автомашин, где можно отдохнуть, перекусить и даже поспать.

Неожиданно мы увидели, что среди расступившегося леса расположилась большая поляна, на которую был съезд из асфальтового покрытия. Поляна, возможно, имела естественное происхождение, но впоследствии расширена и облагорожена для каких-то конкретных, скорее всего коммерческих, целей:

может, здесь кафе разместят, а может, станцию техобслуживания, которые всюду растут подобно грибам в дождливую погоду. Но не это было нам интересно. Я слегка притормозил, повернул руль, и мы остановились посередине площадки, которая частично оказалась загрунтованной, но окружённая молодым, обласканным солнцем лесом, казалась естественным ландшафтом предгорий близких уже Северных Увалов.

Мы вышли из машины, смотрели на начавшуюся покрываться зелёным цветом полосу леса, которая окружала нас, но не сужала пространство, а скорее наоборот расширяла его, уводя взгляд всё дальше вверх, где в голубизне неба плавно и невесомо плыли чуть розоватые от обилия света лёгкие облака.

Воздух пресыщенно свежий наполнял нас с каждым вздохом ароматом благоухающей чистоты русской природы. Ощущение единения с этими приодетыми деревьями, птичьим пеньем, которое милее музыки любого оркестра, капельками влаги, их можно было разглядеть на кустах, потому что в них отражались солнечные лучи, и они блестели как камушки жемчуга, раскиданные вдруг расшалившимся волшебником.

Катя сначала смотрела на этот новый открывшийся нам мир, затем сделала несколько шагов и побежала. Она бежала, раскинув руки и немного покачиваясь, словно летела над этой поляной навстречу новой, ещё не известной, но такой прекрасной жизни. Это не была иммитация полёта птицы, это был сам полёт, ведь птица вряд ли осознаёт уникальность и прелесть полёта – это её естественное состояние, а Катя летела своими чувствами, её переполнявшими, которые позволяют ощутить в эти мгновения всю полноту жизни. Принятая и обласканная природой, с восторженными глазами, в которых отражалась бесконечность обволакивающего неба и безудержная красота весны, она продолжала бежать, лететь или парить, с удовольствием воспринимая всё, что её окружало.

А природа, почувствовав ликование души человеческой от красоты её естественной, отдавала в знак благодарности струи свежести и тепла одновременно, которые можно почувствовать только в такие минуты единения с природой.

Катя бежала, источая бесконечную нежность и неподдельный восторг, так искренне радуясь и смеясь, что следом за ней, так же раскинув руки и журча как самолёт, помчался Алёша, которому непременно нужно было догнать маму, а потом, развернувшись, они бежали уже вместе, завораживая своей непосредственностью и чистотой восприятия мира.

Где-то там в другом измерении остались мои заботы и неотложные дела. Ощущение себя на родной земле с самыми близкими людьми, которые восторженно делали круги, дарило бесподобные, непередаваемые чувства. Эти минуты счастья для меня не могут сравниться ни с высотой карьерной лестницы, ни с наличием благосостояния и даже с материализацией каких-либо творческих идей в виде книг и публикаций.

Такие моменты не могут быть бесконечными. Через несколько минут, пропитанные солнцем и воздухом, мы снова сели в машину и продолжили своё путешествие. Но эти минуты уже не сотрутся с моей памяти, как рука матери, которая гладила меня по голове, когда я бежал навстречу ей, возвращавшейся с сенокоса, и упал, ободрав коленки; как первая любовь, которая навсегда осталась в юности, с её несбывшимися мечтами, как последний школьный вечер, после которого мы уже никогда не собирались все вместе.

Их, эти дни и мгновения, нельзя вернуть, но они остаются с нами навсегда в воспоминаниях. Пусть они вспоминаются с грустью, но они дают нам ощущение жизни, которая приносит не только заботы, проблемы, обиды и разочарования, но и радостные минуты счастья.

АРГУНОВСКАЯ ШКОЛА. ВРЕМЯ НАДЕЖД

Весной 1968 года, когда я учился в 8 классе Калининской восьмилетней школы, к нам, в выпускной класс, приехал директор Аргуновской средней школы Бобылев Борис Николаевич. Он рассказывал нам о перспективности среднего образования и предлагал всем, за исключением круглых «троечников», продолжить образование в Аргуновской школе. К тому времени я уже решил, что буду заканчивать среднюю школу. Оставалось только выбрать, где учиться: в районном центре – Никольске, до которого 30 километров, или в селе Аргуново, расположенном в 20 километрах от моей деревни Подольской. Расстояние сыграло существенную роль, и мы с моим двоюродным братом Колей (наши отцы были родные братья) решили учиться в Аргуново. Коля рано остался без матери, и часто бывал у нас дома. Хотя мы с ним иногда ссорились, но были очень дружны, и наше детство прошло вместе. Но после выпускных экзаменов за 8 класс отец Николая, дядя Вася, не разрешил Коле продолжить учёбу в средней школе и отправил его в строительный техникум, и мне два года предстояло ходить в школу одному из нашей деревни.

До меня Аргуновскую среднюю школу закончили два наших односельчанина: мой дядя, Подольский Алексей Александрович, 1939 г. р., и Лужинский Владимир Яковлевич, 1949 г. р. Оба благодаря школе сделали неплохую карьеру: Алексей увлекался лыжным спортом и после армии, закончив факультет физкультуры и спорта Архангельского пединститута, тренировал лыжную сборную Советской Армии, а затем много лет работал на кафедре физвоспитания Института стали и сплавов в Москве.

После окончания школы, бывая в столице, я всегда останавливался у Алексея Александровича в его двухкомнатной кооперативной квартире на улице Профсоюзной. По возможности он старался брать меня на различного рода спортивные мероприятия и подсказывал, что стоит посмотреть в Москве в мой очередной приезд. Многие выставки и экспозиции я посетил благодаря его советам. Подозреваю, что его увлечение лыжным спортом было отчасти обусловлено необходимостью преодолевать двадцатикилометровую дистанцию до школы зимой на лыжах. Машины тогда ходили крайне редко. Сейчас, когда Алексея

Александровича уже нет с нами, в его квартире живёт его старшая дочь Таня с семьёй, и я, будучи в Москве, стараюсь навещать их.

Володя Лужинский проявил истинное упорство для того чтобы окончить школу. В девятом классе его оставили на второй год, и все думали, что он не будет учиться. Но Володя, несмотря на ворчание и упрёки родителей, снова пошёл в девятый класс и, закончив школу, по направлению военкомата поступил в Ленинградское высшее зенитно-артиллерийское училище, которое успешно закончил и дослужился до полковника. Несмотря на разницу в возрасте (он на четыре года старше), мы с ним были очень дружны. Володя был заводилой среди мальчишек нашей деревни с самых малых лет. На речку – купаться, в клуб – смотреть кино и за крыжовником в Калининский школьный сад – всегда с Володей. Особенно шалили в зимние святки. Во дворах семей, где были молодые девушки, в «страшные вечера» роняли поленицы дров и даже раскладывали поленья вдоль дороги. Рассерженные хозяева поутру заставляли девчонок и других домочадцев убирать последствия наших шалостей.

Итак, в один из летних дней я отвёз свидетельство об окончании восьмилетки в Аргуновскую школу. Директор посмотрел мой аттестат и сказал, что первого сентября я могу приходить на занятия. Встать в этот день мне пришлось очень рано. Я собрался и на велосипеде отправился в Аргуново. По прибытии в это большое село, где предстояло провести два года, мне выделили койку в интернате. И я стал привыкать к моему новому образу жизни, когда появилась определённая самостоятельность, так как к родителям мы ездили только на выходные, а точнее, на выходной, поскольку в субботу тоже проводились занятия.

Из нашего восьмого класса Калининской школы в девятый класс Аргуновской средней вместе со мной пришли учиться Баданина Таня, Гомзиков Федор, Тельминова Надя – все из деревни Ковригино и Павлова Надя – из Челпаново.

Кирпичное здание школы было построено на стыке XIX и XX столетий, выглядело солидно и прочно. На двух этажах с просторными коридорами располагались многочисленные классные помещения, а на третьем этаже, который был вроде большого мезонина, находилась всего одна комната, где и был размещён наш 9 «Б». Когда я в первый раз вошёл в свой класс, лучшие светлые места около окон были уже заняты, и мы с Федором Гомзиковым сели за парту в самом дальнем ряду от окон. Может, это сыграло свою положительную роль в моём образо-

вании: мне не пришлось отвлекаться на пейзажи за окном, и всё внимание было направлено к педагогам. Школа располагалась на возвышенности, на берегу речки, рядом с церковью. Около неё располагался парк из больших деревьев, посаженных много лет назад. Сейчас одно из зданий церкви восстановлено и в нём проходят церковные службы и обряды. Сохранился частично и парк из вековых деревьев.

После первого урока на перемене к нам в класс вошла милая белокурая девушка невысокого роста и сказала, что она наш классный руководитель. Её смущение было очень заметно, но она всем нам понравилась своей непосредственностью. Это была Зоя Сергеевна Куваева. Для неё и нескольких её коллег, выпускников Вологодского пединститута, мы стали первыми учениками.

Было образовано три девярых класса: «А», «Б» и «В» – из учеников, пришедших более чем из двадцати деревень (на следующий год десятых было уже только два класса: «А» и «Б», так как количество учащихся уменьшилось: кто-то был отчислен, кто-то после девятого класса в десятый уже не пришёл, и из трёх девярых классов было сформировано два десятых).

После уроков первого дня занятий к нам в класс поднялся директор и объявил, что завтра нужно прийти в рабочей одежде – мы на две недели отправлялись в одну из дальних деревень района убирать с полей лён, а попутно выполнять и другие сельскохозяйственные работы.

На следующий день в кузове грузовой автомашины мы ехали довольно долго к месту назначения. По прибытии в колхоз нас расселили по разным домам. Группу мальчишек, в которую входил и я, поселили в дом, где жили «дед и баба». В первый же вечер мы пошли гулять, а когда вернулись поздно вечером, дед нас в дом не пустил. Мы пытались устроиться переночевать в кабине трактора, но, к счастью, один из местных парней возвращался с какой-то гулянки и проявил истинное благородство: пригласил всех нас к себе. Дом у него был большой, построенный из корабельного леса, в нём располагалась семья местного фельдшера, и нас без труда разместили. Там мы и жили до конца трудового семестра. Обеды готовили сами девчонки, благо, продукты были все натуральные и в достаточном количестве. За эти дни мы все перезнакомились и подружились. Через две недели вернулись в школу.

Учиться мне нравилось. Педагогический коллектив школы был в основном молодой, но все учителя, и с опытом, и без стажа, очень хотели дать нам настоящие знания. Многих я помню до сих пор.

Баданина Анна Гавриловна преподавала неорганическую химию и могла увлечь нас очень занимательным повествованием разделов этого предмета. Её муж, Баданин Вениамин Васильевич, начиная с 1970 года (в этот год мы закончили школу), десять лет возглавлял Аргуновскую школу.

Шмакова Валентина Николаевна (девичья фамилия – Кокина), преподаватель алгебры и геометрии, первый год работавшая в школе, очень увлечённо вела уроки. Она сильно переживала за неудачи своих учеников, но тем не менее ставила только справедливые оценки. Знания, которые она дала, мне очень пригодились впоследствии, когда я учился на первом курсе физико-математического факультета Мурманского пединститута. У меня не было проблем с математикой и после, когда я перевёлся на инженерно-экономический факультет Марийского политехнического института.

Пахолков Виталий Александрович, историк – строгий преподаватель, который читая курсы истории и обществознания, поднимал такие вопросы, которые в то время не принимались к обсуждению ни в каких аудиториях: например, о расстреле царской семьи в 1918 году.

Зубов Валентин Иванович, молодой специалист из Никольска, щёголь и полиглот, несколько раз выручал меня с уроками немецкого языка. Иногда он заменял нашу учительницу иностранных языков и, зная, что у меня слабая база по немецкому, старался спрашивать меня и неизменно ставил мне нужные «четвёрки». К сожалению, он впоследствии плохо кончил из-за пристрастия к алкоголю: замёрз в Никольске, не смог выбраться из оврага, куда скатился будучи пьяным.

Что касается моего отношения к языкам, то всегда считая, что образованный человек должен владеть хотя бы одним иностранным языком, и, комплексуя, что я так и не выучил немецкий, спустя много лет, уже в зрелом возрасте, я два года занимался английским (первые занятия со мной провела моя дочка Катя – преподаватель и переводчик) и сейчас могу на определённом уровне общаться на английском. Пусть это будет хоть какой-то компенсацией за невыученный толком в школе немецкий. Поводом для столь интенсивного изучения английского послужила наша с дочкой Катей поездка в Европу. Там почти все владеют как минимум двумя языками.

Затронув тему иностранных языков, нельзя не вспомнить Топоркову Галину Федоровну, учительницу географии Калининской восьмилетней школы. В 1967 году наша семья верну-

лась в деревню из Казахстана, куда мои родители ездили вместе с нами, детьми, «поднимать целину». В восьмом классе, куда я пришёл учиться в Калининскую школу, а точнее вернулся через два с половиной года, преподавался французский язык, а я в Целиноградской области Казахской ССР по школьной программе изучал немецкий. Выручила Галина Фёдоровна. Она иногда в коридоре или в учительской занималась со мной немецким. Мы с ней впоследствии были очень дружны. Будучи студентом и молодым специалистом я неоднократно приезжал к ней в Теребаево, куда она переехала с мужем в семидесятые годы. К сожалению, их обоих сейчас нет в живых.

Физкультуру нам преподавал Шиловский Николай Петрович, молодой парень, только что демобилизовавшийся из армии, он особо не мудрствовал и часто, к нашему величайшему удовольствию, во время его уроков мы играли в футбол. Наш класс был чемпионом школы. Причём зимой играли в валенках, зимней спортивной обуви тогда, конечно, у нас не было. В зимнее время часто бегали на лыжах и принимали участие в соревнованиях районного масштаба в городе Никольске.

По окончании школы, когда я был уже студентом, продолжал заниматься лыжным спортом и участвовал в таких соревнованиях как «Праздник Севера» в городе Мурманске, где в составе сборной института преодолевал непростые лыжные маршруты вместе со спортсменами не только Мурманской области и других регионов страны, но и с представителями скандинавских стран и восточной Европы.

В то время отношения между учителями и учениками явно отличались от нынешних. Ученики с истинным уважением относились к учителям, а учителей отличала настоящая ответственность за конечный результат своего труда. Они искренне переживали за нас и радовались нашим успехам, а когда было нужно, защищали нас в буквальном смысле.

Приведу один пример: весной 1970 года, уже перед окончанием школы, один из местных хулиганов из Зеленцова Колька Дурёнок (такое его прозвище), с такими же как он беспредельщиками, напали около Аргуновского клуба на меня и моего школьного приятеля Толю Бушманова. Ради развлечения они беспричинно решили нас избить. Нам досталось, поскольку их было в несколько раз больше и они были старше нас. Мне пришлось даже несколько дней ходить в школу в тёмных очках. Когда об этом стало известно, молодой учитель труда Вениамин Николаевич Шилов, спортивный, крепкий парень, отслуживший

в армии и буквально за несколько месяцев до этого женившийся на учительнице русского языка и литературы Алле Константиновне (она не преподавала в нашем классе), случайно встретил главного забияку за деревней. Вениамин Николаевич ехал на мотоцикле, а Дурёнок шёл навстречу ему и нёс сумку с водкой. Преподаватель остановил мотоцикл и попытался сначала объяснить хулигану, что нельзя бить учеников, но у него был природный дефект – он заикался. От волнения он не смог начать фразу, махнул с досады рукой, взял «дрын» и отутюжил им Дурёнка. Бутылки, естественно, были разбиты, а сам «пострадавший» ретировался лесом в свою деревню и больше никогда не помышлял связываться со школьниками.

Но вернёмся в сентябрь 1968 года. Наш интернат находился прямо на дороге, ведущей в Вологду. В этом были свои плюсы. В конце недели, когда нужно было возвращаться домой, мы ждали рейсового автобуса. Правда, автобусы зачастую не придерживались расписания и ходили нерегулярно, тогда мы ловили попутную машину. А когда была распутица, и никакой транспорт не шёл, добирались пешком. В хорошую погоду ездили на велосипедах. Однажды зимой, вечером, после занятий, в сильный мороз, который в те годы был постоянной составляющей зимних месяцев, мы с Федором Гомзиковым шли домой пешком. По дороге в попутном направлении шёл трактор с санями, гружёный брёвнами. Мы без проблем уселись на брёвна, но смогли проехать не более получаса. В такой мороз ехать на санях, продуваемых ужасным холодом, было невыносимо. Почувствовав, что можем обморозиться, в одной из деревень мы спрыгнули с саней и постучались в какой-то дом. Нас впустили, мы обогрелись и дальше снова пошли пешком. Когда двигаешься, мороз не так страшен.

В другой раз я попал под сильный ливень. Успел отойти от дома не более километра, как начался дождь. Всё небо затянуло тучами, и я понял, что это надолго. Укрыться было негде, вдоль дороги только поле, и я продолжил путь. Скоро вся одежда намочила так, словно я в ней плавал. Ливень через какое-то время ушёл в сторону, а я так и шёл в мокрой одежде. Удивительно, но болели мы очень редко. С малых лет привыкшие свободное время проводить на улице (летом купались в речке, а зимой играли на улице), мы были адаптированы к суровой природе Северных Увалов.

Однажды отец показал мне более короткий путь: через пашни и пожню, которая называлась Головатая, напрямик к деревне Малое Оксилово. Путь сокращался на 4–5 километров, но идти до Оксилова приходилось тропинкой и уже без всякой надеж-

ды на попутку. Поэтому я использовал короткий путь всего несколько раз.

Асфальтовые дороги появились в Никольском районе много позднее, а в то время даже дорога, ведущая в Вологду, была, как говорится, «излом и вывих». Благо теперь, спустя десятилетия, в Никольск можно ехать по асфальтовой трассе не только из Вологды, а также из Шарьи и Великого Устюга.

На первом этаже нашего школьного интерната жили мальчики, на втором – девочки. Иногда мы ходили к ним в гости, чаще – для совместных занятий. Книг в библиотеке на всех не хватало, и «Войну и мир», например, мы познавали следующим образом: один из нас сидел за столом рядом с лампой и читал вслух, остальные располагались кто где: на стульях, кроватях и даже на тумбочках. Мне часто приходилось выступать в роли чтеца, и я не скажу, что мне это не нравилось.

По утрам, если приходил дежурный преподаватель или кто-то из старшеклассников проявлял инициативу, мы выходили на зарядку. Иногда младшие школьники даже просили нас показывать упражнения. В пятом – седьмом классах я учился в Целиноградской области. Там приобщился к спорту, и мне было нетрудно показывать упражнения, а остальные повторяли. Во дворе интерната была столовая, но кормили нас очень скромно. Поэтому мы старались хотя бы раз в два дня сходить в колхозную столовую и покушать за деньги, которых вечно не хватало (родители давали на неделю пять рублей). Когда я приезжал или приходил домой, то мама несла на стол как можно больше еды. Она знала, когда я прибуду, и всегда старалась приготовить в этот день хороший обед. Щи, блины, мясо с картошкой, грибы и капуста, сметана и творог – всё было в радость после недельного скудного питания.

Воскресенье я, как правило, проводил дома, вставал не рано, завтракал и, если не было срочной работы по хозяйству, встречался с приятелями, а вечером с ними шёл в кино – в Калинино или в Наговицино. В Наговицино жила девочка – моя первая любовь, звали её Валя Пахолкова. Ещё когда я учился во втором классе начальной школы, она, городская девочка, на год моложе меня, приехала из Мурманска в Наговицино и ходила в первый класс, я всячески пытался обратить на себя её внимание. Наш детский роман продолжался довольно долго, с переменным успехом, и вот уже юношей, отмахав в субботу пешком 20 км из Аргунова до дома, поужинав, я направлялся в Наговицино, чтобы только увидеть её и посидеть рядом в тёмном зале клуба во время фильма. Жизнь развела нас в разные стороны, но я рад, что у неё всё

сложилось хорошо, и она, уже в наше время, приезжает иногда в своё Наговицино в летние месяцы.

Зима 1968/1969 гт. была настоящей русской зимой с сильными морозами. Большие помещения интерната обогревались печками, и тепла, конечно, не хватало. Уроки учили в верхней одежде. После новогодних праздников в феврале я ушёл из интерната и стал жить в доме двоюродной сестры мамы – Апросиньи. Её дом располагался рядом с клубом (он и теперь в хорошем состоянии, но, наверное, там уже никто не живёт). У меня была раскладушка, которую я убирал каждое утро. Однажды на автобусе ко мне приехала мама, она привезла полмешка картошки и что-то ещё из продуктов. Она и Апросинья долго сидели за столом, пили чай и вспоминали детские годы, которые провели вместе в доме моего прадеда по материнской линии – Григория. За бойкий характер односельчане прозвали его Воробьём, а всех детей звали Воробьенковыми.

Мама приезжала ещё один раз – на классное собрание. Родительское собрание проходило в присутствии учеников. Мама немного опоздала. Когда она зашла, все сразу обратили внимание, потому ещё, что на пальто у неё была наброшена шаль, необычайно красивая, белая, с алыми цветами. Посещение школы мама оценивала как особый случай, и пришла очень нарядная. Девочки из нашего класса потом мне в один голос говорили: «Подольский, какая у тебя мама красивая». Учился я хорошо, был одним из лучших учеников в школе, и маме было приятно слышать об этом. Занимался наш класс во вторую смену, и я не смог даже проводить маму. После собрания родители поехали по домам, а у нас продолжались занятия.

В школе была неплохая дисциплина. Любые нарушения и проступки сразу пресекались. Мы проучились всего лишь месяц в девятом классе, когда директор школы на общей линейке зачитал приказ об отчислении трёх девятиклассников из параллельного класса за какие-то нарушения. Но в целом атмосфера в школе была доброжелательная.

Тогда не было многих соблазнов, которые присутствуют в жизни современных школьников, и это давало нам возможность много читать, говорить о прочитанном, рассказывать какие-то истории. Книги в то время имели очень весомое, если не решающее, значение. Кроме школьной библиотеки мы брали книги в сельской библиотеке, фонд которой был очень неплохим. Уже в то время я интересовался литературой и кроме русской классики читал Чарльза Диккенса, Вальтера Скотта, Александра Дюма, Конан Дойля, Вильяма Шекспира. Кроме того, в этот период ещё

не прошло моё увлечение фантастикой – это был особый стиль, и русские и зарубежные фантасты имели читательский успех.

В девятом классе нам было по 15–16 лет, и нам хотелось прилично одеться. Хотя вещи стоили недорого, просто далеко не всё можно было купить в сельских магазинах и даже в Никольске. Однажды мне несказанно повезло. Возвращаясь на выходные из школы в Подольскую, я зашёл в райповский магазин деревни Вахнево и увидел очень модное осеннее пальто со стоячим воротником, которое сидело на мне как будто его шили специально для меня. Я уговорил продавщицу отложить его до понедельника, мама дала мне денег, и в понедельник по дороге в школу я снова пришёл в этот магазин и купил пальто. Даже когда наступали холода, мы старались ходить в школу (т. е. по селу Аргуново) не в сапогах и валенках, а в ботинках и с обязательной папкой для учебников. С портфелями тогда ходили только девочки. Мальчики старших классов ходили только с папками. Надо сказать, что мужчины-преподаватели тоже придерживались этой моды. Когда я в новом стильном пальто появился в школе, девчонки снова вынесли свой вердикт: «Ты, Подольский, как стилинга». Для меня это прозвучало комплиментом.

Девятый класс пролетел, и начались летние каникулы. В этот год отец решил строить новый дом. Мы переселились в дом дяди Васи – брата отца, а свой дом разобрали и стали строить новый. Отец работал на нефтебазе (это примерно в 7 км от дома), дежурил сутками и два дня мы работали на строительстве дома, затем он уходил на сутки, а когда возвращался, мы снова работали на стройке.

Помню забавную историю. Накануне вечером мы с ребятами допоздна гуляли в соседней деревне Калинино, и я вернулся очень поздно. Утром отец меня разбудил рано – дел с домом было невпроворот. Кое-как я дотянул до момента, когда отец стал собираться на работу – это примерно в четыре часа дня. Он мне дал задание, что нужно делать, и ушёл. Я не смог даже дойти до кровати, а лёг на кучу мха, заготовленного нами в лесу и привезённого для нового дома, и моментально уснул. Но буквально через час пришла с работы мама и стала меня ругать, что я вместо работы валяюсь и отдыхаю. Вообще мама меня ругала очень редко, у нас было удивительное взаимопонимание, и мы сохранили такие отношения на долгие годы.

Но кроме строительства дома нужно было в летние каникулы помогать и колхозу. Мальчишки и девчонки моего возраста трудились наравне со взрослыми. Мы косили и загребали сено, метали его на стога, а вечером, если погода позволяла, шли в

клуб. Сенокосничали не только на лугах относительно рядом с деревней (2–7 км), но и на грузовой машине или тракторе ездили на дальние сенокосные угодья, «к денисятам». Каждая пашня носила своё название: Ромахин сенокос, Немецкое дерево, Дудин, Погорелая, Широкий лог... Как правило, во время работы 2–3 раза, с разрешения старших, мы успевали искупаться, если не было сильной спешки по уборке сена (особенно торопились убрать сено перед дождём). Обед готовили прямо на лугу – в больших котлах или железных вёдрах, причём суп был из свежего мяса, на второе обычно каша, и заканчивалась трапеза ароматным чаем, заваренным на травах. Обед готовил специально назначенный повар. Все работали самоотверженно, весело и дружно.

Навыки в работе нам пригодились и на заготовке дров для школы. Вся школа, интернат, дом для учителей и разные подсобные помещения отапливались дровами. Дров нужно было очень много, и руководство школы направляло старшеклассников весной на заготовку дров в лес. Не была исключением и весна 1969 года. Деревья спиливала бригада лесорубов, а нам нужно было обрубить сучья, ручной пилой распилить брёвна на тюльпаки, расколоть их и сложить в поленицы. Деревенские мальчишки и девчонки всё это умели делать, так как дома все с родителями заготавливали дрова, поэтому за неделю мы сделали довольно большой объём работы и заслужили благодарность от директора.

Десятый класс был выпускной, впереди экзамены, нужно было серьёзно заниматься, поэтому многие десятиклассники жили не в интернате, где всегда было многолюдно и шумно, а на частных квартирах. С началом занятий я поселился на другой квартире, недалеко от школы. Хозяйка дома брала с меня за постой немного, но я должен был помочь её семье в заготовке дров. Сама хозяйка работала на ферме, сын её учился в шестом или седьмом классе, а бабка занималась хозяйством. Мама передавала со мной свежее мясо, чтобы бабка варила для меня картошку и добавляла туда свинину или говядину. Но, как правило, в кастрюле, приготовленной для меня, обнаруживалось только сало. Бабка мясо забирала, а в мои обеды добавляла практически лишь сало. Я долгое время стеснялся спросить её, почему она не варит мне мясо, а когда всё же спросил, она нагло заявила, что кладёт в кастрюлю то, что я привёз. Это тот редкий случай, когда в юности я столкнулся с мелкой подлостью взрослого человека. Одним словом, бабка была ещё та... и глазом не моргнув регулярно обирала школьника.

Я учился более чем успешно, причём не было предметов, которые мне явно не нравились. Физика, история, обществоведение, литература, астрономия, экономическая география мне давались просто и легко. Серьёзно относился к математике и химии, любил писать сочинения. За время учёбы в школе несколько раз участвовал в районных олимпиадах. Хочу отметить, что запас знаний, которые я получил в Аргуновской школе, был достаточно высоким и мне очень пригодился. Когда я переводился после первого курса Мурманского пединститута на второй курс Марийского политехнического института, мне пришлось многие предметы сдавать экстерном – те, что не изучал в пединституте – это химия (годовой курс), начертательная геометрия, черчение, философия, научный атеизм, немецкий язык. Только благодаря школьным знаниям я справился с этим и очень признателен моим учителям нашей сельской школы.

Конечно, случались и конфузы. Я много читал, литература мне была интересна, но по какой-то причине учительница русского языка и литературы Берсенева Г. Ф. относилась ко мне неоднозначно, принимая мою уверенность в этом предмете как некий вызов, и несмотря на то что я блестяще сдал выпускной устный экзамен по литературе, а сочинение написал на «четыре» (по сочинению выставлялась общая оценка за литературу и язык), в аттестат она поставила «четыре» по литературе и «три» по русскому языку, при этом троек я вообще не получал в средней школе. Мне было очень обидно. Учительница Берсенева вскоре уволилась из Аргуновской школы. Годы спустя я понимал, что нужно было просто зайти к директору, объяснить ситуацию, и очевидная несправедливость, думаю, была бы исправлена. Но тогда было трудно представить, чтобы учащийся оспаривал оценку, выставленную учителем. Через много лет я стал членом Союза писателей России, получил признание как литератор, в том числе и на своей малой родине, но эту несправедливость с единственной «тройкой» в аттестате и «четвёркой» по литературе я не забыл.

Однако результатом этой истории стал с моей точки зрения и положительный момент. Многие годы спустя, когда я преподавал в Марийском государственном университете современные экономические дисциплины, непосредственно связанные с моей основной работой: инвестирование, рынок ценных бумаг, организацию управления и др., признаюсь, были случаи завышения мною оценок на экзаменах (иногда от этой оценки зависела стипендия студента), но никогда не занижал, независимо

от моего личного отношения к сидящему на экзамене или зачёте напротив меня студенту.

А что касается моих сочинений по литературе, написанных в 9–10 классах, то ещё несколько лет они хранились в Аргуновской школе, и выпускники следующих выпусков рассказывали мне, что им на уроках литературы зачитывали мои литературные опысы как образец.

В десятом классе нам было по 16–17 лет и, естественно, появлялись первые юношеские увлечения. Вечерами мы уже могли гулять с девушками, но это были чистые, светлые отношения, основанные на взаимной симпатии и доверии. Мы держались за руки и иногда целовались в укромных местах, где нас никто не мог видеть. Событием для нас были школьные или, точнее сказать, танцевальные вечера. Танцы проходили под проигрыватели с пластинками, но наш задор и молодость, весёлое настроение и шутки компенсировали примитивность технического обеспечения.

В школе, кроме Федора Гомзикова, я дружил с Анатолием Бушмановым из деревни Захарово и Брониславом Кокиным из Большого Оксилова. Своей эрудицией выделялся Павлов Петя из Вахнево. Он, как и Бронислав, ездил в школу на мотоцикле. Кстати, несмотря на способности, Павлов не сделал служебной карьеры. В институте, всерьёз занимаясь лыжным спортом, он запустил учёбу, а после окончания вуза не захотел работать по специальности и одно время работал водителем на грузовой машине. Трудно сказать, как сложилась его дальнейшая судьба.

Из девочек нашего класса хорошо помню Надю Павлову и Катю Кокину из Большого Оксилова. Мне была симпатична Барболина Евдокия из Захарова, которую мы все звали Люсей, видимо, ей это имя больше нравилось. К моему великому сожалению, после школы я больше никогда не видел этих милых девушек. Из параллельного класса тоже назову несколько имён: Карандашев Вадим из Аргунова, Корепина Дина из Зеленцово, Бушманова Надя из Аргунова – активная девчонка, к которой мы иногда приходили домой. Кстати, она вышла замуж за моего одноклассника Кокина Бронислава.

С большинством одноклассников после окончания школы я более не встречался, но с некоторыми судьба иногда сводила, особенно в годы студенчества. Тогда я на каникулы приезжал к родителям, и, естественно, у меня было время встречаться с одноклассниками, которые также приезжали в отпуск или на каникулы. Так мы регулярно встречались с Анатолием Бушмановым, Федором Гомзиковым, Брониславом Кокиным.

Однажды в летние студенческие каникулы побывал на дне рождения Геннадия Коробова из деревни Малое Оксилово. Случайно на деревенском празднике встретился с Василием Шемякиным из деревни Чернино, он тогда отслужил в армии и приехал на побывку к родителям.

Мне кажется, все, с кем я учился в школе, стали людьми достойными. Ведь в любую погоду: в лютый мороз зимой, в распутицу весной, и в дождь осенью – мы добирались до школы за многие километры, жили в интернате и на квартирах, питались довольно скудно, учили уроки при свете керосиновых ламп и мечтали о будущем. Мы свято верили, что впереди нас ждут разные, но счастливые судьбы.

Во время учёбы в 10 классе у меня была местная пассия Галя Горбунова. Она закончила школу на год раньше, и работала какое-то время в книжном магазине рядом со школой. Ещё в 9 классе, когда она была десятиклассницей, я обратил на неё внимание. Она была очень стройной, высокой девушкой, хорошо одевалась и ходила на каблуках. Долгое время я не решался познакомиться с ней поближе, но, будучи десятиклассником, под Новый год я увязался её провожать, и затем мы некоторое время встречались. Через десять лет на встрече выпускников я едва узнал её: это была полная женщина, совершенно непохожая на прежнюю Галю. После завершения официальных мероприятий и школьного бала мы с ней сидели в доме Бронислава и Нади Кокиных, долго разговаривали, и я, не сдержав своего удивления и даже разочарования, сказал: «Галя, лучше бы я тебя не видел сегодня...» Она не обиделась, понимая, что в моей памяти я сохранил её образ нежной тростинкой своей юности, а в реальности встретил совершенно другую женщину. Галя вышла замуж за Толю Южакова (он ещё в девятом классе был исключён из школы) и жила в Аргуново. Несколько лет назад она умерла. В моём старом альбоме есть фотография: милая девчушка с широко распахнутыми глазами. Гале тогда было 17 лет.

В 10 классе я уже знал, что после окончания школы поеду в Мурманск поступать в Высшее мореходное училище. В этом городе некоторое время до войны жил мой отец – Подольский Анатолий Александрович, 1914 года рождения, а во время Великой Отечественной войны он воевал на северном флоте и принимал участие в сопровождении англо-американских конвоев, прибывающих в главный северный порт страны. Отец был рад, что я выбрал для продолжения учёбы этот город. Но, приехав в Мурманск, я поступил в пединститут на физико-математиче-

ский факультет, а через год перевелся в Марийский политехнический институт в городе Йошкар-Оле, который успешно закончил в 1975 году.

Наступила весна 1970 года. Мы готовились к выпускным экзаменам. Волнения и важность этих дней придавали нам особую эмоциональную атмосферу. Мы были дружны как никогда. Экзамены я сдавал легко и уверенно. Сдавая математику, пришлось помогать Фёдору Гомзикову, но, слава богу, никто из преподавателей не заметил. Тогда с этим было строго. Я просто решил его вариант и положил листок ему на стол, он незаметно переписал.

Сочинение писал на тему Льва Толстого и старался избегать навороченных, длинных и сложных предложений. В итоге одна оценка за русский язык и литературу – «четыре».

На выпускной вечер приехал мой отец. Завуч Баданин Вениамин Васильевич долго беседовал с ним и дал мне очень лестную оценку. Папа потом дома с гордостью рассказывал об этом семье и соседям.

Выпускной был хорошо организован. Стол был на удивление богатым. Директор разрешил выпускникам налить шампанское. Было сказано много добрых слов. Спортзал был переоборудован в танцевальный зал, и мы танцевали все: родители, учителя, выпускники. Я пригласил на танец нашу любимую Зою Сергеевну. Это в её честь я впоследствии написал стихотворение «Выбор»:

Село большое, но не город,
Здесь тротуаров нет, зима – в снегу.
И в школу: в слякоть, в дождь и в холод
Пешком идёте поутру.

Два года звёздочкой мелькнули,
Звонок последний, выпускной.
Мы Вас, конечно, все любили,
А класс колючий, непростой.

Сразу после выпускного вечера Зоя Сергеевна уехала из Аргунова. Однажды я встретил её в Никольске, и мы успели немного поговорить, больше я её не встречал.

Директор Бобылев Борис Николаевич тоже уехал из села, был переведён на работу в другую школу. А на должность директора Аргуновской школы был назначен Баданин Вениамин Васильевич, затем был избран председателем Аргуновского сельского совета и оставил преподавательскую работу. В эти годы я неоднократно бывал в доме Вениамина Васильевича и

Анны Гавриловны. Они принимали меня всегда радушно и рассказывали о селе, учителях и учениках.

Однажды в конце 1990-х на Ильинской ярмарке в Никольске, куда я был приглашён в качестве гостя (тогда я работал первым заместителем Главы администрации Медведевского района Республики Марий Эл), я выступал с приветственным словом: «Многие из нас живут и работают далеко от Никольска, но сердца наши принадлежат никольской земле, и Вологодчина навсегда останется нашей родиной». С высокой сцены, сооруженной специально для праздника рядом со Сретинским собором, площадь хорошо просматривалась, и я увидел среди толпы, заполнившей площадь, Баданина Вениамина Васильевича. Он меня внимательно слушал. Значит, всё было не зря: неблизкий путь в школу, холод и лишения. А самостоятельная дорога жизни, которая начиналась в Аргуновской школе, вывела на просторы больших дел и начинаний и позволила на земле предков сказать слова любви и признательности нашему краю и своим землякам.

В 1987–2008 годы, когда директором школы был Горбунов Василий Александрович, я неоднократно приезжал в Аргуново. В школе на встречах с учащимися и учителями я читал стихи, рассказывал о своих поездках и путешествиях, дарил любителям поэзии свои книги. Надеюсь, эта традиция останется, и я ещё не раз побываю в стенах родной Аргуновской школы.

Годы учёбы в школе, несмотря на все трудности того времени, остаются самыми светлыми и чистыми в моей жизни, а сама школа – как настоящий пример искренних и доброжелательных отношений между учениками и педагогами.

ПОКОЛЕНИЯ, ИСТОРИЯ, СУДЬБЫ

Все мои деды и прадеды жили в деревне Подольская Никольского района Вологодской области. Деревня основана в конце XVI века предками рода Подольских в живописной равнине, с трёх сторон окружённой руслом реки Шарженьги.

С той поры прошло более четырёхсот лет. За этот период в роду нашем были землепашцы, ремесленные и торговые люди, учителя и воины. Составляя генеалогическое древо рода Подольских, я нашёл много интересных фактов о жизни предков и немало занимательных историй. Мой прадед Александр Павлович (1867–1940), овдовев в 1910 году, 30 лет воспитывал один своих детей и внуков (у него было восемь детей), не желая приводить в дом другую жену. Не менее интересна судьба его братьев – Дмитрия и Ивана. Дмитрий Павлович будучи молодым человеком уехал в Санкт-Петербург, где у него произошла романтическая история. Достоверно известно лишь одно, что он занимался в Санкт-Петербурге книжной торговлей, но за связь с именитой дворянкой, которая была замужем, вынужден был спешно покинуть тогдашнюю столицу и вернуться в дом родителей. Спустя некоторое время он женился по любви на небогатой девушке Марине из Калинина.

Мой дед, Подольский Александр Александрович (1888–1964), уходил по мобилизации на первую мировую войну в 1914 году, оставив свою молодую жену Аксиныю в положении, когда ей оставалось всего ничего до родов. Аксиныя родила первенца – Анатолия, то есть моего отца, в ноябре 1914 года. Дед на фронте попал в плен и несколько лет жил в Германии, работая в семье фермера. Писал письма в родную деревню, которые не регулярно, но всё-таки приходили молодой жене. После поражения Германии от Антанты в первой мировой войне пленные были отпущены и им предоставилась возможность вернуться домой. Дед вернулся осенью 1918 года, тогда его сыну было 4 года. Интересно, что отец в таком возрасте своеобразно запомнил его возвращение. Хоть и родился он в зажиточной семье, в те годы даже состоятельные крестьяне с детства приучали своих детей к труду. Вот и маленький Толя в этот день, уже в сумерках, плёл веревочку и услышал отчётливый стук каблуков чело-

века, поднимающегося по крыльцу. Это возвращался из плена его отец.

Похожая история, но с другим окончанием, произошла и в доме родителей моей мамы. Подольский Павел Григорьевич – брат моей бабушки по материнской линии, был мобилизован в первую мировую войну. Провожали его три младшие сестры: Клавдия, Анна, Ульяна (моя бабушка) и молодая жена Ираида. Все они вместе с родителями Павла жили в большом просторном доме на самом берегу реки. Дом был построен дедом моей матери – Григорием Подольским, в народе называемым «Воробьенковым» за бойкий склад своего отца («быстрый, как воробей»), а соответственно всех членов семьи, детей и внуков стали называть Воробьенковыми. Из детских воспоминаний я могу сказать, что мою маму чаще называли не по фамилии, а просто Маня Воробьенкова. Дом этого семейства, который был построен более ста лет назад, и теперь выглядит добротно и статно. Уходя на войну, Павел просил своих сестёр не обижать Ираиду, а уж когда он вернётся, то обязательно сделает щедрые подарки своим сёстрам.

Но Ираиде, которая тоже родила первенца, когда муж уже был на фронте, не суждено было больше увидеть своего Павлика. Сложил он свою голову в пучине той войны, и семья получила похоронку. Рождённый мальчик вскоре умер, и на семейном совете было решено отправить Ираиду обратно в родительский дом – лишний рот в те годы был обузой. Ираида ещё два раза выходила замуж, и следующих мужей, которых она, кстати, пережила, звали Павлами. Причём третий, он же последний её муж, Павлов Павел Павлович был моложе её на 18 лет. Он погиб в Великую Отечественную войну в 1944 г. В 1960-е годы, когда я был школьником, а Ираида Александровна старушкой, она пыталась объяснить мне, что она тоже наша родня. Она прожила 92 года и умерла в 1983 г.

В годы гражданской войны жители деревни Подольская не принимали участия в противостоянии красных и белых. По крайней мере, документальных или каких-либо других подтверждений участия односельчан в гражданской войне нет. В большинстве своём они были землепашцами, тружениками с большими семьями. Земли и работы хватало всем, помещиков в нашей округе просто не было, классовой ненависти и борьбы – тем более.

Жители деревни Подольская испокон веков отличались доброжелательностью и приветливостью, были добрыми соседями и помогали друг другу. В конце 1920-х, когда началось раскулачивание и последующая коллективизация, в деревню от советской власти была спущена разнарядка по раскулачиванию. Илья

Александрович Подольский, брат моего деда по отцовской линии, служивший в то время в Красной Армии офицером, писал в родительский дом: «Продавайте лошадей и коров. Мужчинам надо уехать в город и работать там. Начинаются лихие времена для крестьянства». Но семья подготовиться к раскулачиванию не успела. Зажиточных крестьян в деревне было немало, но выбор пал на моего деда – Подольского Александра Александровича, и его семейство перенесло раскулачивание. Скот и лошадей забрали, большой пятистенный дом разобрали и увезли в Степшинский починок, где из него сделали здание школы. Шестистенный дом вывезли в Теребаево, передав его в только что организованную «коммуну». Но «коммунаки» вскоре разбежались, и здание передали местным властям.

По иронии судьбы, проводить раскулачивание в деревне было поручено моему деду по материнской линии – Павлову Василию Григорьевичу, который в то время работал председателем сельсовета. Он не был уроженцем деревни Подольской, а как тогда называли мужчин, которые жили в доме жены, являлся «приёмком» из соседней деревни Челпаново. Обе семьи были многочисленными: у папы – 9 братьев и сестёр, у мамы – 6, и они сохраняли доброжелательные отношения даже в те годы. Моя мама – Подольская Мария Васильевна (в девичестве Павлова), 1922 года рождения, была тогда ещё ребёнком, но хорошо помнила, что её мать, Ульяна Григорьевна, и тётки, Клавдия Григорьевна и Анна Григорьевна, прятали в своих амбарах имущество семьи раскулачиваемого Александра Александровича, которое приносили им их подруги из своего дома подвергнувшегося репрессиям. Это были наряды, посуда, самовары и разная утварь. Через несколько недель, когда операция по экспроприации в деревне была закончена, всё это, конечно, снова тайно, было возвращено раскулаченной семье. Сейчас уже трудно сказать: знали ли об этом главы семейств обоих домов, разведённые по разные стороны баррикад, но женщинам из дома деда по материнской линии надо отдать должное. Это была далеко небезопасная помощь: укрывать имущество раскулачиваемых крестьян по законам того времени было чревато высылкой или даже тюрьмой.

Дед Александр Александрович и отец мой Анатолий Александрович (тогда ещё 14-летний юноша) вынуждены были одно время скрываться, в противном случае их ждали арест и высылка. Дед впоследствии вернулся в деревню, а отец жил в Мурманске, ходил в море, ловил рыбу, затем был призван в армию и во время Великой Отечественной войны служил матросом на военных кораблях.

Раскулачивание проводилось не только в доме моего деда. Экспроприации подверглись также Подольский Андрей Константинович и Подольский Сергей. Кроме того, что они были зажиточными крестьянами, открыто признавали бога и устраивали молебны в доме Сергея. Опрощка, жена Сергея, в девичестве любила одного из братьев Морозовых (Морозовы были самыми богатыми людьми в округе и жили в Теребаево), но в связи с большой социальной разницей Морозов не мог на ней жениться, и она вышла замуж за Сергея. Детей у них не было, но была прислуга, или как называли в то время – приживалка, по имени Огашка. Когда пришли арестовывать Андрея и Сергея, Опрощка успела убежать. Арестованных повели в Никольск, во время ареста и по дороге в районный центр Андрей всё молчал, а Сергей ругал советскую власть, грозил божьей карой и проклятиями. Когда их доставили в Никольск, Сергея в тот же день расстреляли. Как расстреливали людей, видела одна из молодых девушек из нашей деревни – Авгусья, 1913 года рождения, которая впоследствии и рассказывала: людей ставили у края оврага и расстреливали. Пятистенный дом у Сергея увезли в Калинино, а избу поменьше оставили прислуге Огашке. Опрощка скрывалась, но тайно изредка приезжала в деревню. Андрей Константинович Подольский был сослан и через несколько лет умер в ссылке. У него было пятеро детей: Анна, Федор, Феклисья, Андрей, Настасья. Впоследствии Андрей Константинович был реабилитирован.

15 августа 1943 года в Подольской случилась беда – большой пожар, который испепелил 22 дома вместе со всеми хозяйственными постройками. Причина – 16-летний Алексей Дормидонков курил на повети и оставил тлеющую чагу. Но деревня отстроилась заново. До сих пор отличаются сохранившиеся от пожара дома – это крепкие, просторные пятистенки с мезонинами.

Перед Великой Отечественной войной отец мой ходил в море на рыболовных судах, а с началом войны его мобилизовали в Военно-морской флот. За 4 года войны он неоднократно принимал участие в морских сражениях и сопровождал караваны союзников до главного северного порта страны – Мурманска в качестве рулевого, имел правительственные награды. Отец часто вспоминал те годы и, рассказывая о войне без прикрас, со слезами на глазах говорил, что иногда десятки и сотни молодых матросов с наших кораблей и кораблей союзников во время налётов немецких штурмовиков и атак подводных лодок

гибли в морской пучине, и чаще всего им невозможно было помочь. Сам отец неоднократно тонул, но ему везло: его поднимали на борта других судов. Он всегда говорил, что это самые жуткие воспоминания: как с полыхающего корабля люди бросаются в море, зачастую без спасательных кругов, но в холодной воде Баренцева моря более получаса продержаться на плаву невозможно.

Отец рассказывал, что когда корабли находились в порту, личный состав иногда отпускали на берег. Однажды отец во время такой увольнительной шёл по городу к своей знакомой девушке, и тут началась бомбардировка с немецких самолётов. Вой сирен заставил его прижаться вплотную к стене дома, но, непонятно почему, он неожиданно решил перебежать открытую улицу на другую сторону. И как только он забежал под какую-то арку, стена дома, у которой он стоял несколько секунд назад, от прямого попадания бомбы развалилась на глазах отца. Его оглушило, но он сумел благополучно продолжить свой путь по окончании воздушной тревоги. Предвоенный Мурманск был в большинстве своём деревянным, и за время войны многие здания сгорели дотла. После войны он был отстроен практически заново и стал красивым современным городом.

День победы отец встречал на своем корабле в порту, где были сотни кораблей, и небо озарилось ярким светом на несколько часов – это весь Северный военно-морской флот салютовал в честь победы.

В конце 1945 года отец был демобилизован и приехал на побывку в родные места, где встретил мою маму. Он знал её маленькой девочкой, а, вернувшись в деревню, увидел красивую молодую девушку.

По рассказам мамы, она сразу «положила глаз» на стройного красавца-моряка, и уже не отпустила его в город. В январе 1946 года они поженились и, несмотря на то что у их родителей с обеих сторон были большие дома (при раскулачивании семье деда был оставлен один дом), молодая семья начинала совместную жизнь в погребе, который отец приспособил под жильё. Уже через год они срубили новый дом. Мама тоже считается участницей Великой Отечественной войны, так как её молоденькой девчужкой посылали рыть окопы и валить лес для военных целей, в основном для артиллерии. Девушек из деревень забирали партиями посменно. Мамина смена продолжалась почти шесть месяцев: увезли в декабре, а домой отпустили на Пасху. Они жили в бараках и питались

впроголодь, рацион в столовой был очень скудный. Председатель колхоза Сергей Иванович послал ей посылку с ячневой крупой, по тем временам это была большая радость для мамы и её подруг. Рядом с бараками срубили баню, но вода в тех местах была болотистая с красноватым оттенком, поэтому славянским девушкам, привыкшим к чистоте и опрятности, было непросто. Лес валили, используя обычные ручные пилы и топоры. Бывали и несчастные случаи с людьми и лошадьми, которые использовались для трелёвки леса. Перед Пасхой маму и ещё четырёх девушек после окончания смены отпустили домой. Девушки так торопились, что даже не стали дожидаться выдачи им соответствующих документов, дающих право на получение продовольственных пайков на дорогу. Так и шли, перебиваясь тем, что иногда их кормили картошкой и хлебом сердобольные женщины в деревнях по дороге домой. До Шарьи они добрались на попутном транспорте, а от Шарьи шли пешком. Это без малого двести километров. Спустя многие годы, когда была построена современная широкая асфальтовая дорога Шарья – Никольск, мама неоднократно ездила со мной на машине из Йошкар-Олы в свою деревню по этой трассе. И каждый раз снова и снова вспоминала про те дни, когда они, молодые девушки, весной голодные, но счастливые, возвращались домой.

За годы Великой Отечественной войны деревня Подольская проводила на фронт 36 человек, 23 из них остались на полях сражений. На войне погиб Илья Александрович, дядя отца, тот самый, который предупредил о раскулачивании. Погиб в 1942 году и отец мамы – Павлов Василий Григорьевич. По рассказам мамы, с войны он писал домой очень душевные письма: «Смотрю по утрам на восток и как будто вижу нашу родную деревню в лёгкой дымке горизонта, и словно слышу голоса жены моей любимой и детей моих малых». Его жена Ульяна осталась с шестью детьми, старшей из которых была мама, а младшему Юре было всего три года. Когда дети подросли, а мама вышла замуж, все её братья и сёстры уехали в Мурманск. Этот город и для меня стал близок. После окончания школы я учился там на первом курсе Мурманского государственного педагогического института и с той поры храню о нём добрую память. В послевоенные годы все младшие братья отца и младшие братья матери отслужили в армии.

После свадьбы отец и мать прожили долгую совместную жизнь – 55 лет они жили вместе, вырастили четверых детей и помогали воспитывать внуков. Кроме работы в колхозе, они

вели приусадебное хозяйство, имели огород и домашних животных: корову, овец, поросят, кур. В 1965 году семья уезжала в Целиноградскую область – «поднимать целину», но мама очень скучала по родным местам, и мы вернулись на Вологодчину.

В наших семьях и в семьях наших односельчан никогда не стоял вопрос: служить или не служить в армии. Мы служили все. После окончания института я был призван в ракетные войска Забайкальского военного округа. Мои сыновья, Александр и Игорь, после окончания вуза в положенные сроки также служили в вооружённых силах, и я надеюсь, что эта традиция будет продолжена.

Отец скончался в 2000 году, на восемьдесят шестом году жизни. Мама последние годы жила с нами в Йошкар-Оле и радовала меня и мою семью своими рассказами о далёком и недалёком прошлом, всегда ждала известий от внуков своих и правнуков, которые живут в разных городах. Мама умерла 6 марта 2012 года на девяностом году жизни и похоронена рядом с мужем на кладбище около Старогеоргиевской церкви Никольского района Вологодской области. Вечная им память.

СТАРШАЯ СЕСТРА

Одним из светлых воспоминаний моего детства является моя сестра Рая. Она на 6 лет старше меня, родилась в 1947 году, и ей пришлось нянчиться с последующими детьми, которых было ещё трое: сестра Валя, я и младший брат Саша, которого в детстве все называли Шуркой. Интересно, что все дети рождались через три года, к тому же Рая, Валя и я родились в одном месяце – июле.

Отец наш, Подольский Анатолий Александрович, 1914 года рождения, после Великой Отечественной войны, демобилизовавшись из военно-морского флота в декабре 1945 года, приехал на побывку к своим родителям в родную деревню Подольская Никольского района Вологодской области, да так и остался, поскольку встретил здесь молодую девушку – Павлову Марию Васильевну, которая, выйдя замуж за бравого моряка, тоже стала Подольская.

Рая всегда пользовалась авторитетом в семье: сначала у младших братьев и сестры, а когда подросла, и у родителей тоже. Училась она легко и успешно. Причём, по рассказам её учителей, она была шустрой девочкой, могла пошалить и на уроках, но врождённая внимательность помогала ей отвечать на вопросы учителей верно и точно. Её бывшая учительница Гомзикова Александра Николаевна с улыбкой рассказывала впоследствии, что рассерженные её неусидчивостью преподаватели задавали ей каверзные вопросы, считая, что она не вникала в тему урока, но Рая успевала пошептать с одноклассниками, написать записку, улыбнуться... и чётко раскрыть суть поставленного учителем вопроса.

В нашей деревне у неё была подруга Надя, или как её все называли – Надька Петькина. Эту дружбу они пронесли через всю свою жизнь. Я также знал других её одноклассников из Калининской школы – это Дима Гомзиков и Саша Бутаков из деревни Ковригино.

Летом, в тёплые дни, мы много времени проводили на речке. Родители с утра до вечера были на сенокосе, и Рае приходилось приглядывать за младшими детьми. Шурик в детстве был полным ребёнком, ему было непросто передвигаться, и сёстры таскали на речку его на руках. (Но это не помешало ему впоследствии стать стройным парнем.)

Плавать деревенские ребяташки учились примерно в то же время, как только начинали ходить: сначала около берега, на самой мели мы имитировали, что плывём, руками касаясь дна и постепенно заходя всё глубже, и так самостоятельно учились плавать. Взрослые особенно не инструктировали. Первое важное достижение в плавании для нас – доплыть до Седача. Седач – это очень большой камень, который непонятно каким образом оказался в нашей реке Шарженьге и часто мешал движению плота, на котором жители деревни переплавливались через реку. Мы доплывали до Седача, сидели на нём, отдыхая, а затем плыли обратно до берега. Река тогда была полноводней, так как чуть ниже по течению у деревни Наговицино была сооружена мельница с плотиной. Будучи ребёнком, я сопровождал отца, когда он вёз на лошади зерно на мельницу, и там вместе с мельником они превращали это зерно в муку. Этот процесс мне казался совершенно фантастическим, таинственным и немного страшным. Абсолютное удивление вызывали у меня каменные жернова, которые были довольно больших размеров, а вид падающей на лопасти мельницы с громким шумом воды пугал меня.

Наша речка, обычно тихая и спокойная, разливалась весной, и по ней плыли льдины, затем начинался сплав заготовленных зимой брёвен, но это вызывало только интерес. А здесь, на мельнице, она превращалась в настоящий водопад. Когда отец в тёплой подсобке на мельнице укладывал меня спать, я долго не засыпал из-за шума падающей воды, а проснувшись, искал отца по всей мельнице. Она с различными помещениями, лестницами, мешками, наполненными зерном и мукой, обсыпанная белой пылью и окружённая грохотом, казалась мне громадным живым существом, и я с превеликой радостью возвращался домой на санях зимой или на телеге летом с мешками, наполненными мукой.

Как-то раз я рассказал Рае, что мне нравится ездить с отцом, но я боюсь оставаться на мельнице. Она достала цветные открытки и выбрала из них одну, где была изображена гидроэлектростанция. Долго объясняла мне, что люди перегораживают реки большими плотинами и затем с помощью падающей воды и турбин получают электричество. Электрические лампочки я видел только на картинках, в деревнях тогда использовали керосиновые лампы, и поэтому слушал сестру очень внимательно. Годы спустя, будучи студентом-практикантом, я стоял на плотине Братской ГЭС, смотрел на гигантское гидротехническое сооружение и вспоминал простой и наивный рассказ моей сестры, который так взбудоражил моё воображение.

Рос я смышлёным мальчиком, сам по газетам, которые отец выписывал домой, выучил буквы, но в дошкольный период моя речь была мало разборчива. Так, однажды на новогоднем утреннике я вышел к ёлке и рассказал стихотворение. Все аплодировали, а учительница, выполнявшая роль ведущей, сказала: «Хорошо мальчик рассказал, только не знаю, на каком языке». Присутствующие взрослые аплодировали мне больше, чем другим детям. По причине неразборчивости моей речи для окружающих меня даже не хотели брать в школу, когда мне исполнилось семь лет.

В начале лета учительница начальной школы Федосья Васильевна ходила по нашей деревне и записывала ребятишек, которые должны были пойти в первый класс. Заходила и в наш дом. Родители с учительницей обсуждали мой «школьный вопрос». Мама сказала:

– Может, ещё годик на улице побегает, а там, глядишь, и говорить лучше станет.

Все колебались, я сидел на лавке ни жив ни мёртв. Мне очень хотелось пойти в школу, но я не знал, что лучше сделать: сидеть молча или подбежать к учительнице и попросить её записать меня в школу. Решающее слово сказала Рая. Она уже перешла в седьмой класс, считалась большой девочкой и имела право высказываться.

– Пусть идёт в школу и учится вместе с ровесниками, он мальчик сообразительный.

Её слова произвели должное впечатление на учительницу, и первого сентября я пошёл учиться в Подольскую начальную школу в деревне Наговицино вместе с другими ребятишками. Школа называлась Подольской потому, что первоначально находилась в нашей деревне Подольская (кстати, была расположена в доме родителей моей мамы), потом была переведена в соседнюю деревню Наговицино, но название осталось.

Учиться мне нравилось, и уже через несколько месяцев я был одним из лучших учеников в классе. С дикцией тоже всё налажилось. Уже в первом классе, буквально через несколько недель занятий, я был лучшим по чтению вслух. Однажды моя мама шла из Наговицинского магазина домой с покупками, из окна школы её увидела Федосья Васильевна, вышла из школы, окликнула маму и долго разговаривала с ней по поводу моих успехов в школе. Придя домой, мама очень взволнованно пересказывала этот эпизод сначала отцу, Рае, потом соседям. Она явно была рада, что мне разрешили ходить в школу своевременно.

Когда я учился в первом классе, Рая заканчивала седьмой класс Калининской семилетней школы. Вскоре школа стала восьмилетней, но выпуск, в котором училась Рая, был ещё семилетним. Уроки я всегда делал самостоятельно и относился к этому очень серьёзно. До возвращения сестры из школы почти всегда успевал сделать домашнее задание. Ученики писали тогда ручками с металлическими перьями, макая в чернильницу. Чернила по перу скользили вниз на кончик пера, и на листке оставались буквы и знаки. Вечером занимались при свете керосиновой лампы. Однажды я случайно опрокинул чернильницу прямо на тетрадь, в которой выполнял задание по арифметике. Большое чернильное пятно разлилось по тетради. Я громко заплакал, домашние подбежали, ахали и охали. Отец вытер со стола, но тетрадь была безвозвратно испорчена. Рая открыла свой портфель, достала новую тетрадку и подала мне. Я тут же успокоился и переписал выполненное задание в новую тетрадь.

В то время деревенские дети с детства помогали родителям по домашнему хозяйству. Летом пололи грядки, поливали огурцы и помидоры в парниках, встречали и загоняли во двор коров и овец. Зимой пилили и кололи дрова, носили их в избу и складывали у печки. И надо было наносить из колодца воды в специальные деревянные кадки, прибраться в доме, а иногда и накормить домашний скот. Кроме того, в субботу нужно было натаскать воду в баню, а девочки ещё и стирали бельё на стиральных досках, а потом полоскали его в речке. Старшие дети следили за младшими, и без ссор между нами не обходилось. Но они как-то быстро забывались, и мы снова были дружны.

Родители любили нас, но иногда были весьма строги. Мама, уже будучи старушкой, вспоминала, что бывали случаи, когда Раисе тоже доставалось. Как-то раз Рая не прополочла луковые грядки, и когда родители вернулись с колхозной работы, мама уже в сумерках заставила Раю прополоть всё, что нужно было сделать днём.

Зимними вечерами, наигравшись на улице (любимым развлечением было катание на санках и лыжах с крутого берега Шарженьги), мы, придя домой и поставив валенки на печь сушиться, поужинав, садились всей семьёй (кроме мамы – ей было всегда некогда) возле отца и под треск горящих в печке-голландке поленьев (большую русскую печь топили по утрам) слушали сказки. Отец читал вслух очередную главу из толстой книги с рисунками, которая так и называлась «Русские народные сказки». Отец читал не торопясь, без актёрского ударения,

но со своей интонацией и явным сопереживанием. И даже когда мы уже сами умели читать, нам всё равно нравилось, как это делает отец.

К слову сказать, несмотря на своё начальное образование (закончил четыре класса Калининской школы), отец блестяще владел словом, был внутренне интеллигентным человеком, любил читать художественные книги и обладал широким кругозором. Сказывалась и его городская жизнь в Мурманске и морские походы в мирное и военное время. Он умел делать любую работу в деревне, но не казался деревенским мужиком. Папа знал много интересных историй, и когда вечерами мужики собирались в доме деда Матвея (дом этот стоял на деревенской площади, а дед Матвей приходился нам дальним родственником), отец по просьбе односельчан часто рассказывал правдивые истории и небылицы внимательным слушателям. Многие из них, как я понял впоследствии, были заимствованы из прочитанных отцом книг. Женщины в это время собирались в другой избе. У них было своё занятие: они пряли на пряхках и беседовали о женских делах и заботах. Надо ли говорить, что ребёнком я предпочитал мужское общество. Не последнюю роль в этом сыграло то, что я любил слушать интересные истории из уст отца.

Весной 1961 года Рая закончила семилетнюю школу, а я – первый класс. В моих глазах она была уже взрослой девушкой, умела красиво одеваться и казалась мне очень серьёзной.

В те годы деревенские девушки редко продолжали образование, но все понимали: Рае с её способностями нужно учиться дальше. Отец отвёз её в город Великий Устюг, где она поступила в сельскохозяйственный техникум на экономическое отделение. Целый год мы не видели свою старшую сестру. Наконец, в начале июня 1962 года, под вечер, когда вся семья сидела за столом и пила чай из самовара, соседская девчонка прокричала с улицы: «К вам Райка едет». (В те годы среди своих все имена называли на один лад: Валька, Надька, Санька, Тонька и т. д.) Валя, я и Шурик, который ещё и в школу не ходил, выскочили из-за стола и побежали навстречу сестре. Рая была одета совсем по-городскому: в юбке, в джемпере, поверх которого была ещё кофта, вся в запахах духов, с объёмными дорожными сумками в обеих руках и ещё с одной сумочкой – дамской, маленькой и изящной. Мы с Валею, подбежав к сестре, обняли её, а Шурик, отставший от нас, подбежал последним и заплакал. Рая успокоила его, поцеловала, и мы все вместе пошли в дом. Конечно, мы обрадовались гостинцам, что Раиса привезла нам, неизбалов-

ванным городскими сладостями, но ещё больше мы были рады снова видеть нашу старшую сестру.

Через несколько дней Рая сказала мне, что ей надо научиться ездить на велосипеде. У нас велосипеда не было, но он был у дяди Васи (один из младших братьев отца), дети которого Тамара и Коля уже могли управлять этой незатейливой техникой. Коля, мой двоюродный брат и одноклассник, был невысокого роста и не мог кататься на велосипеде как взрослый (его ноги не доставали до педалей), но он приспособился и не садился на сиденье, а, избоченившись, крутил педали с одной стороны велосипеда, то есть рама у него оставалась сбоку. Нужно было ещё изловчиться и сохранить равновесие, так как центр тяжести намного смещался. Поскольку мы с Колей были дружны, он предоставил нам велосипед на целый день. Сестра садилась на сиденье, держась за руль, и крутила педали, а я сзади удерживал велосипед от падения, бегом следуя за сестрой и держа велосипед за так называемый багажник. Таким образом сестра быстро освоила двухколёсный транспорт, а заодно научился и я.

Рая могла и умела подурачиться со мной и придумывала разные ситуации. Однажды, когда мы были дома одни, она рассказала мне, что из нашего подполья (помещение под полом жилого дома, его ещё называли почему-то погребом) есть замаскированный ход в большую горницу, которая якобы располагается ещё глубже, и что в этой горнице находятся всякие интересные вещи. Рая поведала мне, что если я хочу увидеть подземную горницу, то должен спуститься в подполье за ней не сразу, а через несколько минут после того, как спустится она. По лестнице, ведущей из кухни в погреб, спустилась сестра, немного погодя, туда же направился и я, но Раи там не увидел и никакой потайной двери тоже не нашёл, лишь картошка и соленья, какие-то кадушки и корзины были там. Я поднялся наверх, а затем вышла из погреба и сестра. Поскольку я был впечатлительным и доверчивым мальчиком, то, безусловно, поверил в её рассказ о таинственной комнате и просил показать мне её, но Рая не соглашалась, и этим лишь подогрела мой интерес. В очередной раз, когда я спустился вслед за сестрой в подполье и обследовал каждый закуток, стараясь найти вход в чудо-горницу, то увидел Раю, которая пряталась в уголке за лестницей. Миф, к моему большому огорчению, был развеян легко и просто.

Лето пролетело очень быстро, и к первому сентября Рая снова уехала в Великий Устюг. Добраться туда из Никольского района было непросто: самолёты из Никольского аэропорта тогда летали

только в Вологду и Шарью (рейс Никольск – Великий Устюг был открыт несколько лет спустя), а дороги были ужасными. Можно было добраться на попутках из соседнего районного центра Кич-Городок, но это как повезёт. Впоследствии Раиса приезжала и на зимние каникулы. В этом случае в обратный путь отец отвозил её на лошади через Горку до Красавино, а там Рая ехала на попутных машинах. Не обходилось без приключений, но природная находчивость и приобретённая коммуникабельность сестры позволяла ей благополучно добираться до места. Уже со второго класса я писал Рае письма. Адрес на конверте на первых моих посланиях дописывал отец, а вскоре я делал это самостоятельно, и сам же относил письма на почту в Калинино. Рая регулярно отвечала очередным письмом или почтовой открыткой.

Время в материальном отношении было очень непростое, если не сказать бедное. Как она, юная девушка, прожила вдали от семьи четыре года, трудно представить. Родители деньгами помогать могли совсем немного. В 1960-е годы сельские труженики, работая в колхозе, практически не получали наличных денег. На так называемые «трудодни» по итогам года колхозникам выдавали зерно, сено, солому и т. д. Чтобы купить что-либо детям или в дом, отец в межсезонье уходил на «шабашку»: мастерил печи в избах, строил дома, а весной, когда начиналось судоходство на реке Юг, разгружал баржи на Иваковской пристани. Но надолго отлучаться было нельзя – колхозная работа требовала немало сил и времени.

Рая получала стипендию, но это были мизерные деньги, а ведь нужно было не только питаться, молодой красивой девушке требовались соответствующие наряды. И здесь помогали домовитость, рукоделие и женская смекалка. Наряды перешивались из старых вещей, к ним добавлялись какие-то атрибуты. Многие умелицы сами шили юбки, платья, вязали платки и кофты, причём не всегда из нового материала. Так или иначе, но наша Рая одевалась уже в то время модно и современно.

В летние каникулы я любил ходить с ней в кино в Калинино. Ребятишки, молодёжь и некоторые взрослые из окрестных деревень (Челпаново, Подольская, Наговицино, Степшинский Починок, Иваково, Ковригино) собирались в сельском Калининском клубе на фильмы, на редкие концерты художественной самодеятельности и просто на деревенские молодёжные тусовки (их тогда называли «игрища»). Собираясь в клуб, Рая долго прихорашивалась перед зеркалом. У неё были тёмные волнистые, можно даже сказать кудрявые, волосы, и она вытворяла

с ними что-то невообразимое, делая различные причёски. Мама с отцом иногда ворчали, что у неё глубокий вырез на платье. По нынешним временам вырезы были абсолютно скромными, но в глазах родителей это выглядело не совсем приемлемым. Поздним вечером, вернувшись из клуба, мы с Раей доставали крынку молока из погреба, где оно даже в жаркие летние дни было прохладным, разливали молоко в чашки и пили с хлебом, переговариваясь шёпотом, чтобы не разбудить родителей.

Летом дети, как правило, спали на «повити» – это место, где хранилось сено. Там на летние дни мама стелила нам постели. В деревне даже летом хозяйки по утрам топили русские печи – надо было печь хлеб, готовить обеды для семьи и пищу для скота. В такой печи в больших чугунах всегда стояла тёплая вода для домашних нужд. В доме могло быть жарко от печи и шумно от рано встающих родителей, которые по утрам, занимаясь домашним хозяйством, громко разговаривали между собой, а на сеновале ничего не мешало и ребяташки могли выспаться. Могли, но часто не высыпались. С малых лет мальчишки управлялись с колхозными лошадьми, и утром нас будили родители, чтобы мы шли каждый за своей лошадью, запрягали в телегу и ехали на колхозную работу, чаще всего на сенокос или заготовку силоса. Я по природе «жаворонок», и вставал почти всегда сразу, как только меня окликали родители. Сложнее было с младшим братом Шуриком: ему по утрам хотелось спать, и вставать рано было нелегко. Бывало не раз, открыв глаза, но, видимо, ещё не проснувшись, он перебирал руками одеяло и спрашивал: «Где узда?»

С одной стороны, работа была непростой и иногда тяжёлой, с другой стороны, в детстве мы приобрели необходимые навыки управляться не только с лошадьми, но и выполнять многие виды работ наравне со взрослыми: косить сено, копать картошку, заготавливать в лесу дрова (причём делалось это ручной пилой и топором), плотничать и столярничать.

Как-то раз мы с Раей загребали сено на лугу, довольно далеко от деревни, и отпросились у взрослых сходить покупаться на речку. Речка протекала рядом, но в этом месте она имела очень быстрое течение, даже стоять в речке было трудно – вода буквально сносила с ног. Мы зашли чуть глубже, искупались, хотя нас сносило по течению. И тут Рая, показывая на другой, челпановский, берег (от названия деревни, расположенной на том берегу), сказала мне, что там, на крутом склоне, есть цветная глина, и она сейчас за ней направится. Мне она запретила следовать за ней, и я остался на берегу. Вброд до середины реки, а за-

тем вплавь она переправилась на другой берег, набрала глины и таким же образом вернулась обратно. То, что она принесла и показала, удивило меня, глина была действительно разного цвета. Голубые, фиолетовые, чёрные, жёлтые и красные кусочки мягкой мокрой глины, переливаясь на солнце, были необыкновенно яркими и как будто разбрасывали вокруг себя блёстки воды и солнца. Мы взяли их с собой, и, когда они высохли, я использовал их как цветной мел, рисуя на стене сарая.

Спустя годы я специально в этом месте переходил речку и искал цветную глину, но такого разнообразия так и не отыскал. Может, берег скрыл во времени своё изумительное многоцветие и больше не дарил людям загадочную красоту необыкновенной глины.

Рая была фантазёркой и хорошей рассказчицей. Она часто рассказывала мне занимательные истории, которые как бы само собой превращались в познавательные уроки. Например, рассказала, что однажды зимой она шла по улице в Великом Устюге, а навстречу ей шёл хорошо одетый, представительного вида молодой мужчина с большим букетом белых хризантем. Поравнявшись с Раей, он поздоровался, хотя они не были знакомы, и Рая впервые его видела, протянул ей букет цветов со словами: «Это Вам». Трудно сказать, была ли эта история с ней на самом деле, но Рае пришлось объяснять мне, что за цветы хризантемы, почему увидеть их зимой в далёком северном городе – это большая редкость, что означает слово «представительный» и, вообще, как надо дарить цветы.

В другой раз она говорила о дедушке, который ходил на лекции в техникум вольным слушателем, вызывал большое уважение профессоров и преподавателей и, в конце концов, даже получил диплом. Естественно, затем Рая объясняла мне, кто и как получает звание профессора, что такое «вольный слушатель», почему в техникумах и институтах учатся молодые люди и т. д.

Впоследствии я понял, что таким образом старшая сестра расширяла мой кругозор и развивала любопытство, причём делала это в лёгкой манере обычного, непринуждённого разговора.

Приезжая на каникулы, Рая всегда привозила разные иллюстрированные журналы, я смотрел их, читал и, естественно, задавал кучу всяких вопросов. Рая отвечала серьёзно и не как ребёнку, а как обычному собеседнику. Позже такую манеру отвечать на детские вопросы подробно, не упрощая тематики, я использовал, общаясь со своими детьми и внуками. Надо сказать, это приносит свои результаты.

В очередные летние каникулы, когда Рая была дома, а я закончил третий или четвёртый класс, она попросила меня сходить в Калининскую библиотеку и принести ей «Войну и мир» Льва Толстого. Я объяснил библиотекарше, что книга нужна моей сестре, которая учится в техникуме (библиотекарша была из местных и знала всё население ближайших деревень). Получив четыре тома известного произведения великого классика, я принёс их сестре. Уже в то время меня не устраивали детские книжки в нашей школьной библиотеке, и я брал для чтения хрестоматии по литературе у моего старшего друга Володи Лужинского (он был старше меня на 4 года). В нашей школьной и Калининской сельской библиотеках книги выдавали согласно возрастного ценза, смотря в каком классе учился школьник, ему полагалось читать и соответствующие книги. Книги для старшего школьного возраста детям начальной школы, конечно, не выдавали. Поэтому, как только Рая закончила читать первый том, его начал читать я, затем последовал второй том. Но сестра прочитала всё произведение быстрее, чем я закончил чтение второго тома, и поскольку ей нужно было брать и другие книги (наверное, было задание на летние каникулы), она отнесла «Войну и мир» в библиотеку. Но мне очень хотелось дочитать роман до конца, и когда сестра вновь уехала в Устюг, я пошёл в библиотеку и попросил «Войну и мир». Библиотекарша наотрез отказалась выдать роман, предлагая детские книжки, но оказалось, что почти все они мною прочитаны и вообще детская литература меня уже не интересует. Тогда библиотекарша компромиссно разрешила мне взять «Цусима» Новикова-Прибоя.

А к великому роману Льва Толстого я вернулся много позднее, в 9 классе, когда мы сами изучали его по программе литературы в Аргуновской средней школе. Причём книг в школьной библиотеке на всех не хватало, и мы вечерами в школьном интернате собирались на втором этаже, в комнате девочек (там было теплее), и я, сидя за столом, читал вслух «Войну и мир». Остальные одноклассники располагались кто где: на кроватях, тумбочках, стульях. Наверное, поэтому у меня к этому известному произведению особое отношение, и сочинения на выпускном экзамене в школе и на вступительном экзамене в институте я писал на темы этого замечательного романа.

На старших курсах техникума Раисе необходимо было пройти производственную практику, и ей удалось договориться с руководством техникума, чтобы она проходила её в Вахневе, это всего в 10 км от нашей деревни. Как раз в это время вахневская

молодёжь подготовила концерт художественной самодеятельности, с которым и выступила в Калининском клубе. Раиса тоже принимала участие в концерте. Её номер, танец «Цыганочка», был заключительным. Под звуки соответствующей музыки Раиса выбежала на сцену в длинной цветной широкой юбке, блузка её была увешана ожерельями из монет, которые беспрерывно звенели. Рая танцевала легко и непринуждённо. Мы с сестрой Валей присутствовали в зале. Я даже не подозревал, что наша Рая умеет так танцевать. Публика была очарована. Переполненный зал аплодисментами и криками вызывал «артистку» на бис. Сестра выбежала ещё раз и танцевала дополнительно несколько минут на радость зрителям. Некоторые местные ребята и девчонки даже не узнали в «цыганочке» бывшую деревенскую девчужку Раю.

Весной 1965 года наша семья переехала в Казахстан. Мы поехали, как говорили в то время, «на целину». Это было в конце марта во время весенних каникул. Рая заканчивала 4 курс техникума и, естественно, осталась в Устюге. Родители, сестра Валя, тогда семиклассница, я – пятиклассник и брат Шурик, ученик 2 класса, прибыли в совхоз «Астраханский» Астраханского района Целиноградской области. Родители наши были люди работающие, быстро себя зарекомендовали на работе, и вскоре нам дали квартиру в одноэтажном доме. В нашем распоряжении были две просторные комнаты, коридор, кладовка с отдельным из коридора входом, а во дворе – сарай и хлев для домашних животных. Отец с мамой сразу же завели корову, поросят, гусей – всё, что было принято иметь в хороших семьях зерносовхоза.

Родители стали зарабатывать неплохо по тем временам, и вскоре наша семья ничем не отличалась от других переселенцев, приехавших «на целину» раньше нас со всех концов Советского Союза. В посёлке жили и работали представители многих национальностей: русские, казахи, украинцы, армяне... Были выходцы из Северного Кавказа и Сибири, жители крупных городов, прибывшие в поисках романтики, и сельские жители из разных деревень и сёл России, надеявшиеся заработать на целинных землях. Не было не только национальной вражды, а даже каких-либо разногласий и недоразумений на этой почве. На весь большой посёлок и находившихся вокруг него коренных казахских поселений был всего один милиционер.

В школе работали секции по многим видам спорта. Мы с удовольствием занимались в спортзале, играли в волейбол, баскетбол, а на стадионе – в футбол. Зимой бегали на лыжах. Именно в Казахстане была заложена основа моего спортивного

развития, и здесь на долгие годы я приобщился к спортивным играм, а в футбол играл аж более пятидесяти лет. Рядом с посёлком был пруд, где мы с удовольствием купались и загорали.

Я также продолжал писать письма Рае. Она закончила техникум и работала старшим экономистом райфинотдела в городе Великий Устюг. После окончания шестого класса родители отпустили меня на побывку в деревню. В Вологодскую область я ехал вместе с попутчиком, взрослым парнем Сашей из Челпаново, который тоже приехал в целинные земли на заработки. На автобусе до Астраханки, затем до Целинограда, на поезде до Шарьи с пересадкой в Свердловске, далее самолётом от Шарьи до Никольска и на автобусе до Калинино – таков был наш маршрут.

Пробыв в деревне у бабушки несколько дней, я сразу же написал письмо Рае, а когда получил ответ, в котором она приглашала меня приехать в Устюг, быстро собрался к ней. Рая жила на частной квартире в чистой и хорошо обставленной комнате. Я пробыл у сестры несколько дней. Днём она работала, а вечером мы вместе гуляли по городу, ходили на стадион (она бегала, а я играл с более взрослыми ребятами в футбол), иногда ходили в кино. В те годы в нашей большой стране были свои преимущества. Когда у меня заболел зуб, и подруга Раи отвела меня к врачу (сама сестра была в это время на работе), то доктор в поликлинике не спрашивал никаких документов типа полисов, прописки и т. д., он просто в течение двух дней вылечил мой зуб, разумеется, бесплатно.

Уже тогда Рая более конкретно занялась моим эстетическим воспитанием. Например, случайно встретив на улице знакомого парня, она разговаривала с ним (я стоял рядом), а затем объясняла мне, что модного в его одежде, соответствует ли галстук его рубашке или пиджаку и т. д. Она детально объясняла, какие цвета в мужской или женской одежде подходят друг другу, какие нет. Мне много было знакомо из книг, но подробные объяснения о классической красоте, правильных и неправильных чертах лица, о соответствии стиля одежды месту и времени я услышал именно от сестры. Много лет спустя, неоднократно участвуя в качестве члена жюри в различных конкурсах красоты, я не забывал об уроках моей старшей сестры, и моя эрудиция в этом направлении начала развиваться именно благодаря Рае. Даже во время просмотра фильмов она успевала шепнуть мне на ухо о чертах лиц актёров и актрис: греческий профиль, открытый взгляд, пропорциональность телосложения, а когда шли домой после кино, рассказывала о чудесах грима и косметики, сочетании манер и интонации голоса.

Несколько дней у сестры пролетели быстро. Мы договорились, что через две недели я снова приеду к ней (тогда из Никольска до Великого Устюга уже регулярно ходили автобусы), и мы вместе поедem к родителям в Целиноградскую область. Мне трудно сказать, что случилось, но Раиса уехала, не дождавшись меня. В назначенный день приехав в Устюг, я узнал, что сестра уже в Казахстане. Это расстроило меня, я даже заплакал от обиды, но соседка по квартире успокоила меня, проводила до автостанции и в тот же день я вернулся в деревню.

Через несколько дней, уже один, я возвращался к родителям. Из Никольска до Шарьи летали самолёты АИ-2. Билет в кассе мне дали на основании свидетельства о рождении. На тот момент мне исполнилось 13 лет, и билеты на самолёт и поезда мне давали без особых проблем. В целом, до места назначения я добрался вполне удачно.

Это было моё первое самостоятельное путешествие в чередe многих поездок по стране, которые мне ещё предстояли. Люди в нашей стране в то время были доброжелательны и открыты, можно было рассчитывать на помощь абсолютно незнакомых мужчин и женщин, взрослых и детей. Что бы ни говорили, но в 1960-е годы в стране было гражданское общество, основой которого были патриотизм, порядочность и гражданский долг. Это сейчас эти слова звучат высокопарно и даже иронично, а тогда это было реальностью нашей жизни. Не было социального разделения, вражды, зависти. Одним из основных критериев поведения людей являлось отношение окружающих. Считалось очень важным, какое мнение о тебе и твоих близких имеют соседи, знакомые, коллеги, односельчане и т. д.

По приезду в целинный посёлок Рая устроилась на работу экономистом в совхозную машино-тракторную станцию. Она находилась недалеко от нашей улицы, где водители, трактористы, слесари и механики обслуживали и ремонтировали различную сельскохозяйственную технику, а высоко, почти под самой крышей, располагалось помещение для инженерно-технических работников. Две стены этой большой комнаты, где за канцелярскими столами сидели конторские служащие, были практически полностью стеклянными, и из неё, так называемой конторы МТС, можно было видеть всё, что происходит в производственном цехе. Подниматься к инженерно-техническим работникам нужно было по крутой лестнице. Рая не разрешала мне часто приходить на работу, а вскоре её, как перспективного специалиста, перевели в центральную контору совхоза, куда, в общем-то, дети и не заходили.

Рае на тот момент было девятнадцать лет, Вале шестнадцать, они были очень видными девушками, и многие совхозные парни мечтали познакомиться с ними. Отчасти поэтому я пользовался у взрослых парней определёнными привилегиями. Так, например, меня могли допустить на волейбольную площадку играть вместе со взрослыми, проводить до дома, если уже было темно, или помочь пройти на вечерний сеанс «взрослого» фильма.

Рая активно участвовала в общественной жизни, была всегда на виду. Яркая, с густыми тёмными волосами, она привлекала к себе внимание, но умела дипломатично успокоить чересчур навязчивых кавалеров. Был один случай, когда её коммуникабельность и даже строгость моих родителей не принесли успеха в разговоре с одним из претендентов на её руку и сердце. Это высокий парень, который будучи не совсем трезвым пришёл к нашему дому и сначала просил, а потом требовал, чтобы Рая вышла к нему для серьёзного разговора. Сестра не хотела видеть ухажёра в таком виде и отказалась выйти, но тот не уходил. Наш отец тоже попытался объяснить сначала доброжелательно, а потом строго, что сегодня разговора не будет, но молодой человек стоял на своём и зашёл уже в коридор. Тогда мама, как раз вовремя вышедшая из подсобных помещений, где ухаживала за домашним скотом, видя безуспешность всех мер, сняла свои калоши, которые были в навозе, и стала хлестать ими парня. Надо отдать должное: тот не сказал даже грубого слова. Остаётся только добавить, что и в последующем все ухаживания этого молодого человека не были приняты, но тот забавный случай мама часто вспоминала со смехом в кругу нашей семьи.

Когда я закончил семь классов, родители решили вернуться обратно в родную деревню. Инициатором была мама, она скучала по родным местам и деревенским подругам. И хотя родители неплохо зарабатывали в совхозе, а я уговаривал их дать мне возможность закончить восемь классов, решение было принято, и мы вернулись в свою деревню. Рая тоже уехала из посёлка, но не с нами, а в небольшой город Мичуринск. Наше общение снова стало происходить через письма: я писал сестре подробно и обстоятельно, она зачастую отвечала кратко.

Вернувшись в деревню, мы прожили год в нашем старом доме, который родители построили давно, когда только поженились. Прошло более 20 лет, и им хотелось иметь более удобный и просторный дом. Бабушка по отцовской линии Аксиныя Ивановна предлагала жить в её доме. Он, единственный, был оставлен при раскулачивании большой семье моего деда. Был ещё вариант – пе-

реселиться в большой пятистенок, что стоит на берегу Шарженьги. В этом старинном, но всё ещё крепком доме родилась наша мама, провела там детство и юность, а когда вышла замуж, а её братья Павел, Володя, Юра и сестра Нила уехали в Мурманск, в доме никто не жил. Однако, перебрав все варианты, родители решили строить новый дом. Отец самостоятельно изготовил чертёж будущего жилья, и мы стали заготавливать брёвна для строительства. В те годы в лесных массивах, что были рядом с деревней, подыскать подходящие деревья для сруба не было проблемой. Край Северных Увалов – это территория лесов и чистых речек. Когда лесоматериал был привезён, а затем изготовлен сруб, мы временно переехали в дом брата отца – Василия Александровича. К тому времени дядя Вася переселился в Никольск, дети уехали, и дом его пустовал. Мы разобрали на дрова наш старый дом и заложили фундамент под новое строительство, которое окончательно было завершено, когда я уже учился в институте.

Тем временем у Раисы изменилась личная жизнь. Она познакомилась с офицером – Митиным Александром, родом из Кич-Городецкого района, проходившим службу в Йошкар-Оле, в городе, о котором я никогда не слышал, несмотря на то что интересовался географией и неплохо её знал. Единственное упоминание о столице Марийской АССР я прочёл в газете, где сообщалось, что Марийский лесотехнический институт в городе Йошкар-Ола переименован в Марийский политехнический институт имени Горького.

Зимой, когда я учился в 8 классе, Раиса приехала к нам вместе с мужем в гости и сообщила, что они будут жить в Йошкар-Оле. Не знаю, почему, но мне и моей сестре Вале Митин не понравился сразу. Он был лысоватым, спортивного телосложения, обходительным с окружающими, но было в нём нечто такое, что сдерживало от общения с ним. Похоже, он это почувствовал и в друзья не набивался.

В этот период письма от Раи стали приходить реже, но она не забывала отчий дом, и на следующий год приехала снова к нам в гости уже с дочкой, маленькой Марианной, родившейся 31 мая 1968 года. Чаще мы стали переписываться, когда я после окончания Аргуновской средней школы поступил в Мурманский педагогический институт на физико-математический факультет. Хотя я получал стипендию, и родители регулярно высылали мне немного денег, их в студенческой жизни всегда не хватало. Рая сама была студенткой, и знала, что значит для молодого человека, живущего вдали от родного дома, материальная помощь.

Поэтому в силу возможности она иногда высылала мне по 20 рублей. Для меня тогда это была существенная помощь.

После первого семестра, зимой 1971 года, мы с однокурсником Аликом Драгулиным (он был ещё и мой земляк – из города Сокол Вологодской области) летели самолётом в Вологду с пересадкой в Ленинграде. У нас оставалось совсем немного свободного времени (прилетели мы ближе к вечеру, а уже утренним самолётом отправлялись в Вологду), тем не менее, вечером мы, впервые приехавшие в северную столицу, погуляли по городу и переночевали у моей двоюродной сестры Тамары, которая работала в швейном ателье и проживала с подругой в общежитии квартирного типа. (Стоит сказать, что Тамара и сейчас живёт в Санкт-Петербурге, а для её взрослых детей и внуков наша Северная Венеция – это родной город.) Утром Тамара проводила нас до аэропорта, и через пару часов мы были в Вологде. Алик сразу отправился на автовокзал, чтобы успеть на автобус, следующий в Сокол, а я пошёл в здание аэропорта. К моему удивлению и великой радости, я встретил там Раю, которая вместе с маленькой Марианной (ей было 2,5 года) тоже ехала к родителям. В те годы попасть из Вологды в Никольск можно было только самолётом. Из областного центра во многие районы области было налажено авиасообщение, но полёты в Никольск – это нечто особенное. Свободных билетов до Никольска никогда не было. Люди записывались в списки, которые передавали в кассу, а сами толпились у кассового окошечка в ожидании продажи билетов. В этот раз было вообще нечто невообразимое: пассажиры в Никольск не могли улететь по нескольку дней, так много было желающих попасть в этот небольшой город на Северных Увалах. Рае с маленьким ребёнком на другой день вне очереди продали билет на Кич-Городок (от Кич-Городка до Никольска всего 40 км), поскольку на Никольск даже пассажирам с маленькими детьми билеты достать было невозможно. Однако я должен был остаться в аэропорту на неопределённое время, т. к. не имел никаких льгот, а впереди меня, согласно записи, было огромное количество пассажиров. Рая решительно направилась в кабинет начальника аэропорта и потребовала ещё один билет на меня:

– Без брата не полечу, а если откажете, посажу Вам на стол ребёнка, и водитесь с ним сами, пока у брата не будет билета.

Начальник аэропорта привык к крикам, истерикам, требованиям, но однозначность слов сестры и её уверенный тон подействовали. Раисе тут же выдали билет на меня, и мы улетели

в Кич-Городок, а оттуда на автобусе с пересадкой в Никольске, наконец, добрались до дома, к чрезвычайной радости наших родителей.

Закончив первый курс института, я во время летних каникул не сразу поехал домой, а по приглашению старшей сестры отправился в Йошкар-Олу поездом через Москву. В Москве я всегда останавливался у своего дяди, Алексея Александровича Подольского, который закончил факультет физической культуры и спорта Архангельского пединститута, работал на кафедре физвоспитания Московского института стали и сплавов. Его двухкомнатная кооперативная квартира на седьмом этаже Профсоюзной улицы была моим пристанищем в поездках через Москву многие годы, вплоть до того момента, когда моя дочка Катя переехала в Москву, вышла замуж и приобрела собственное жильё. Останавливался у Алексея Александровича не только я, но и многие другие наши родственники, которые по тем или иным причинам ездили в нашу столицу. Поезд Москва – Йошкар-Ола после станции Зелёный Дол шёл очень медленно, останавливался на всех маленьких станциях. Наконец, наш очень «нескорый» поезд прибыл в Йошкар-Олу. Сестра заранее объяснила, как доехать от вокзала до Дубков (так называется и сейчас район города, где проживали преимущественно семьи военнослужащих), где она жила с Марианной. Митин в это время находился на поселении в Нижегородской области. За превышение должностных полномочий и незаконное занятие предпринимательской деятельностью с использованием техники воинской части и привлечением личного состава он был осуждён и направлен на принудительные работы. Рая работала недалеко от своего дома, и я, приехав, оставил вещи в квартире, пошёл к Рае на работу. Вечером мы взяли Марианну из садика, ужинали, пили чай, обмениваясь новостями и впечатлениями.

На другой день я поехал в центр города знакомиться со столицей Марийского края. Был июнь 1971 года, Йошкар-Ола утопала среди зелёных деревьев и кустарников, везде стоял аромат цветов и отдавало естественной свежестью от бесчисленного количества пышных веток, которые прикрывали тротуары от солнечного зноя. Прибывший из заполярного круга, я был поражён этим зелёным великолепием. За вечерним разговором сестра предложила мне перевестись из Мурманского пединститута в Марийский политехнический институт. Сказала, что разводится с Митиным, возможно, уедет в Оренбург, поэтому на время учёбы я могу жить в её квартире. Утром я поехал в

«политех» на площадь Ленина и, пообщавшись со студентами и встретившись с деканами разных факультетов, остановил свой выбор на инженерно-экономическом факультете. Мне было вручено официальное письмо за подписью декана факультета в адрес ректора Мурманского пединститута с просьбой оформить все необходимые документы для перевода в Марийский политехнический институт.

Выйдя из института, я шёл по проспекту Гагарина в сторону фонтана и был полон впечатлений. Мне всё нравилось: парки, скверы, фонтаны, здания и люди. Город мне казался очень красивым, современным, и я был рад, что буду здесь жить и учиться.

Всё так и получилось. Я съездил в деревню к родителям, а в августе оформил в Мурманске документы по переводу на второй курс МПИ им. Горького. Ректор, конечно, поворчал, но всё, что нужно, сделал). Соответствующий приказ был подписан, и к началу учебного года я прибыл в столицу Марийской республики.

В сентябре вместе со всеми студентами второго курса меня на месяц направили в дальний район республики на работу в сельхозпредприятие, как это тогда было принято, но сестра договорилась в деканате, чтобы меня не посылали «на картошку». За это время я смог подготовиться для сдачи экзаменов и зачётов по предметам, которые не изучались на первом курсе пединститута. Это химия, начертательная геометрия, немецкий язык, черчение, философия, научный атеизм и т. д. Трудности были с немецким, но я всё же сумел сдать и этот предмет, иначе не смог бы получать стипендию, а это было очень важным для меня фактором.

Осень 1971 года – прекрасный период, когда мы жили вместе с сестрой. Утром она уходила на работу, а я отводил Марианну в садик и занимался сначала дома, а когда мой курс вернулся из трудового семестра, уже ездил в институт на лекции и практические занятия.

В эти дни я познакомился с местными ребятами, мы с удовольствием играли в настольный теннис, вместе проводили свободное время во дворе или шли на «Улыбку». Так называлось известная на весь город танцплощадка за кинотеатром «Мир».

Однажды Рая купила мне билет на концерт ВИА «Мари», который проходил в летнем театре парка культуры и отдыха. Яркие костюмы, громкий звук стереофонических колонок, лирические мелодии в исполнении молодых музыкантов очаровали меня. Тогда ВИА «Мари» был на пике своей популярности,

музыкальный коллектив постоянно гастролировал по стране и в республике Марий Эл концерты давал нечасто. Это был тот редкий случай, когда жители Йошкар-Олы могли встретиться со своими музыкальными кумирами.

В сентябре приезжал Митин, но его попытки помириться с женой не увенчались успехом. Рая твёрдо решила разводиться и готовилась к переезду в Оренбург.

Этой же осенью я провожал Раю и Марианну. Они уезжали на поезде через Казань в далёкий, как мне казалось, город Оренбург. Из вещей она взяла с собой только одежду, в основном для Марианны. Когда они сели в поезд, и Рая смотрела на меня через окно вагона, я вдруг заметил, какие в этот момент у неё были грустные глаза. Это была даже не грусть, а скорее печаль. Но выбор сделан. Что ждет её на новом, незнакомом месте? С тяжёлым сердцем я возвращался с вокзала домой.

Хотя сестра и прописала меня на весь период учёбы в своей квартире, но прожил я в ней только до июня 1972 года. Рая в Оренбурге вышла замуж за Климентьева Александра Александровича, или как его называли – Сан Саныча. После окончания института с военной кафедрой он проходил воинскую службу в Йошкар-Оле (в офицерском звании) и познакомился здесь с Раисой. В Оренбурге они получили трёхкомнатную квартиру, и Раиса время от времени в наших телефонных разговорах, которые проходили с переговорного пункта почтамта, просила меня сдать квартиру в Йошкар-Оле, в противном случае её не прописывали в Оренбурге. После второго курса, летом 1972 года, я выписался из квартиры в Дубках, в которой мы с однокурсниками и однокурсницами не часто, но регулярно устраивали весёлые студенческие вечеринки, иногда шумные и бесшабашные, но такие приятные в наших воспоминаниях. После того как я освободил квартиру и сдал её, как положено, домоуправлению, от Раи пришло письмо, в котором она писала: «Толя, с пропиской всё устроилось, в квартире можешь жить до конца учёбы, а там будет видно». Письмо это, к великому сожалению, опоздало на несколько дней. Квартира была сдана, а мебель и вещи, как и просила сестра, я выслал железнодорожным контейнером Митину. Рая ничем не хотела ему быть обязанной.

С третьего курса я проживал в общежитии института, где сначала, после отдельного жилья со всеми удобствами, было не просто, а потом я привык и снова вернулся к обычной студенческой жизни.

Рая не забывала обо мне и по возможности помогала. Я учился хорошо, получал повышенную стипендию, к тому же родители тоже присылали денежные переводы. Этого было достаточно, чтобы одеваться и питаться, а для развлечений мы, ребята, которые не боялись физической работы, подрабатывали на выгрузке вагонов или на другой подвернувшейся «шабашке».

На ноябрьские праздники осенью 1972 года я самолётом из Казани прибыл на побывку к сестре в Оренбург. В это время она была в декретном отпуске – у них родился маленький Алёша Климентьев. Оренбург тогда был обычным областным центром со всеми атрибутами региональной столицы. Там я познакомился и подружился с музыкантами ВИА «Дуслык» (в переводе с татарского – «Дружба»). Этот казанский ансамбль был на гастролях в Оренбурге. Открытые, компанейские парни музыкального коллектива имели достаточно свободного времени. Мы гуляли по городу, сидели с бесконечными разговорами у них в номерах в гостинице «Оренбург» и зажигали в одноимённом ресторане. На память они мне подарили фотографию с полным составом ВИА с дарственной надписью и автографами всех членов ансамбля. Она до сих пор сохранилась у меня.

Студенческие годы пролетели быстро, затем были Братск и Тайшет, где я начинал трудовую деятельность, армейская служба в Забайкалье, после которой я вернулся в Йошкар-Олу.

За это время в Оренбург уехала и моя другая сестра Валя, а также двоюродный брат Коля Подольский. С Колей это случилось так: однажды Рая с детьми приехала летом в деревню к родителям. В это время Николай, закончив строительный техникум в городе Буй, работал в Никольском районе мастером в строительной бригаде без каких-либо перспектив. Рая предложила ему ехать с ней в Оренбург, что и было осуществлено. С лёгкой руки моей сестры Николай сделал неплохую карьеру в строительной сфере, а затем после перестройки – ещё более успешную в строительном бизнесе и теперь возглавляет собственную фирму «Оренбургспецстрой-10», в которой только строительной и дорожной техники насчитывается около пятидесяти единиц. Современная база, расположенная в черте города, производит впечатление рациональной планировкой. В последние годы, приезжая в Оренбург, я всегда останавливаюсь у брата, который кроме своего дома построил ещё два особняка для своих сыновей Александра и Алексея Подольских.

Надо сказать, что Рая умела и могла помогать другим людям. Она работала в системе Управления внутренних дел Орен-

бурга. Её очень ценило руководство, и когда нужно было решать важные вопросы в центральном аппарате министерства, в Москву направляли именно её. Алексей Александрович (наш дядя, проживавший в Москве) вспоминал позднее, что когда Рая приезжала в столицу и, как правило, останавливалась у него, сразу начинались телефонные звонки, разговоры, хлопоты и деловые встречи. Молодая, красивая, эрудированная женщина производила приятное впечатление человека, который прекрасно знает предмет разговора, и умела выстроить беседу таким образом, что необходимый для неё результат чаще всего достигался без видимых усилий. Как экономист с широкими, разносторонними познаниями, она была на высоте в кабинетах начальства, а как интересная, обаятельная женщина – всегда в центре внимания на праздниках и вечеринках. Когда она приезжала к родителям на родину, то старалась встретиться со всеми своими школьными подругами. Её наряды всегда были к лицу и соответствовали моде того времени, что нередко вызывало пересуды и сплетни в женской среде, но обаятельность и доброжелательность сестры брали верх и, несмотря на присущую часто зависть окружающих, её всегда принимали тепло и радушно.

Марианна ходила в школу, Алёша – в детский садик, Рая с мужем имели хорошую работу, друзья и родные всегда были рады общению с ними. Что ещё нужно для счастья? Но судьба приготовила для всех нас жестокое испытание.

В конце 1970-х годов у Раисы признали болезнь с пугающим диагнозом – рак. Мне сказали об этом не сразу. В 1978 году я звонил Рае с работы в Москву в госпиталь, где она проходила обследование и лечение, и сестра неожиданно сказала, чтобы я не забывал о её детях. Я начинал догадываться, что у Раисы обнаружили что-то ужасное, и спросил:

– Всё так серьёзно?

– Да, – ответила Рая. – Поэтому я тебя прошу отнестись к моим словам с полным пониманием.

Осенью 1979 года я вылетел в Оренбург. Там уже была наша мама. Мне самому требовалась операция, и мама настояла, чтобы операцию делали в Оренбурге. Когда я прилетел, Рая была снова в Московском госпитале. Положили меня в Оренбургскую областную больницу, в которой впоследствии успешно прооперировали. На всю жизнь я сохранил добрые воспоминания о тех врачах и медсёстрах, которые лечили и ухаживали с душой и искренней заботой. Там, кстати, я встретил и свою будущую жену Лидию Ивановну, в девичестве Гусеву, где она,

будучи студенткой 5 курса медицинского института, проходила в клинике лечебную практику.

Когда Раю привезли домой в Оренбург из Московского госпиталя, вся семья, друзья и коллеги знали о её безнадежном состоянии. Сестра Валя предложила ей:

– Толя может на несколько дней выписаться из больницы, чтобы повидаться с тобой.

Но Рая ответила:

– Нет, не надо. Пусть он меня запомнит такой, какой знал. Не хочу, чтобы он меня видел такой больной.

19 февраля 1980 года Рая умерла. Ей было всего 33 года. Перед смертью она написала письма, адресованные Марианне и Алёше. Похоронили её там, где она просила: на кладбище у деревни Неженка, недалеко от трассы в Оренбургский аэропорт. Врачи отпустили меня из больницы на похороны.

После похорон в семье произошла череда драматических событий. Маме, оставшейся некоторое время в Оренбурге, пожаловалась Марианна, тогда ученица шестого класса, на поведение её отчима. Мама приняла решение: забрать внучку и увезти в деревню. Это была почти детективная история. Надо было увезти девочку таким образом, чтобы Климентьев ничего не заподозрил до самого отлёта самолёта. В этой истории участвовали, кроме мамы, сестра Валя, соседи Раи по квартире и учительница Марианны. О том, что Марианну срочно и тайно вывезли из Оренбурга, мне по телефону рассказал Климентьев, позвонивший в тот же день поздно вечером мне в больницу.

Марианна заканчивала шестой класс уже в Калининской восьмилетней школе и жила у бабушки с дедушкой в деревне Подольская. В июне месяце после успешного лечения я тоже приехал к родителям. Мы долго обсуждали: как поступить с Марианной дальше. Возвращать Климентьеву было нельзя, хотя он очень просил меня об этом. Конечно, Марианне можно было жить и дальше у бабушки с дедушкой, но у них уже жила с малых лет одна внучка – Люда (дочка Вали), которая, кстати, до окончания десяти классов в Теребаевской средней школе воспитывалась дедушкой и бабушкой.

Мы вспомнили о Митине, родном отце Марианны, который жил со своей новой семьёй в Лысково Горьковской области. Я написал ему письмо о том, что хотелось бы обсудить ситуацию, сложившуюся вокруг Марианны. Митин неожиданно сразу приехал и предложил, чтобы Марианна жила в его семье. Надеюсь, что в материальном плане девочке будет лучше жить с

родным отцом, мы согласились, поставив условие, что он будет привозить её, по крайней мере, на летние каникулы в деревню – к бабушке и дедушке. К сожалению, о своих обещаниях Митин благополучно забыл, и Марианна вновь посетила деревню Подольская спустя годы, уже будучи взрослой, вместе со своим мужем. Только мой отец, её дедушка, не дожил до этого дня. Сейчас Марианна живёт в Подмоскowie в большом просторном особняке вместе с мужем и детьми, которых у них трое, и я думаю, её мать, моя сестра Рая, была бы за неё рада.

По-другому сложилась жизнь её брата Алёши Климентьева. В 16 лет он ушёл от отца, который жил с новой семьёй. Мы с женой не потеряли связи с Оренбургом и, несмотря на то, что живём в Йошкар-Оле, за тысячу километров от Оренбурга, регулярно навещали и навещаем родственников Лиды в Оренбурге. Кроме того, как я уже отмечал, там живёт со своей семьёй мой двоюродный брат – Подольский Николай Васильевич.

В один из приездов я отыскал Алёшу Климентьева. Он профессионально занимался спортом, проживал у друзей. Я рассказал о его матери, которую он помнил очень смутно, и вообще о нашей семье. Для него всё было откровением. Через несколько лет он погиб в автомобильной аварии, было ему всего 19 лет. Я не забыл просьбу сестры и стараюсь поддерживать отношения с Марианной и бывать на могиле Алёши на Оренбургском кладбище.

Рая для нашей семьи навсегда осталась звёздочкой, которая так ярко горела и так неожиданно погасла. Даже после её смерти я ощущал её участие. Когда меня готовили к операции, накануне мне приснился фантастический и одновременно пророческий сон: мы с Раей оказались в большом подземелье, под нашей родной деревней. Вокруг ходили знакомые, но уже умершие люди. Там не было совсем темно, но сумрак и холод окружали нас. Я сказал сестре, что хочу домой. Она подвела меня к лестнице, ведущей наверх, где был виден кусочек неба через отверстие, в котором проходила лестница.

– Поднимайся, – сказала сестра.

– А ты? – спросил я её.

– Я останусь здесь, – ответила Раиса.

И я полез наверх, где был солнечный свет. Я вышел из подземелья на берегу реки и побежал к нашему дому. Проснувшись, я сразу понял смысл этого сна. Мне предстояло жить в нашем мире, Рая оставалась в мире другом, может быть, несуществующем.

Мы никогда не забывали Раису. Мама часто рассказывала, что в свой последний приезд в деревню, когда Рая уже знала свой смертельный диагноз, она, проведя с родителями несколько дней, стала собираться уезжать. В день отъезда она зашла в каждый дом в нашей деревне и попрощалась со всеми жителями.

Спустя несколько лет мама попросила меня привезти с могилы Раисы горсть земли. Я выполнил её просьбу, и мама положила землю с могилы Раисы на кладбище около Старогеоргиевской церкви рядом с могилой своей мамы, моей бабушки Ульяны, и старалась как можно чаще бывать на кладбище.

В нашей квартире в Йошкар-Оле висит портрет Раисы. Это не просто память о старшей сестре. По нему я сверяю свои важные шаги и поступки в жизни. Мысленно пытаюсь представить, какой была бы реакция сестры на те или иные события, и стараюсь быть достойным её слов, которые она сказала за несколько дней до смерти: «Толя – хороший парень».

Теперь у меня самого взрослые дети и подрастают внуки. Другое время, другие условия, но есть черты, которые я стараюсь сохранить в нашей семье – это открытость, доброжелательность, интеллектуальность и чувство собственного достоинства.

Всегда много друзей и знакомых по выходным, в праздники, а иногда и в обычные дни в квартире моей дочки Кати в Подмоскowie. К ней, общительной, искренне сопереживающей за проблемы знакомых и близких, приезжают и звонят не только из Москвы, но и из других городов. Кате, единственной из наших детей, передались гены на выющиеся волосы, что любила подчёркивать наша мама, обладательница в юности роскошных кудрявых волос.

Старший сын Александр, с юности самостоятельный и всегда реально оценивающий жизненные ситуации, сохраняет в своих чертах признаки сходства с нашими предками по мужской линии.

Младший сын Игорь, эрудированный и целеустремлённый, имеет все шансы сделать служебную карьеру. Его обострённое чувство справедливости тоже от наших предков из генеалогического древа, живших с честью и верностью.

Всем им я рассказывал о непростой судьбе моей любимой сестры, которая стала для меня символом женственности и обаяния. Хочется верить, что черты её характера передались её внучке и двум внукам, но при всём этом, я надеюсь, они будут более счастливы.

НА БЕРЕГАХ ЮГА И ШАРЖЕНЬГИ

Деревня Подольская, откуда я родом, известна трудолюбивыми, гостеприимными, дружными жителями и имеет богатую историю. Предки наши поселились на этом красивом месте в конце XVI века. Писец Никита Вышеславцев, который проводил по указу Московского царя Михаила Романова в 1623–1626 годах перепись в Устюгском уезде, сделал следующую запись: «Деревня Подольская на речке на Шарженьге, а в ней крестьян: Харитонко Петров да Тимошка Дорофеев. Земли паханные... Сена на речке на Шарженьге двадцать копен. Лесу пашенного четыре десятины, а непашенного восемь десятин».

Сейчас с уверенностью можно сказать, что жители деревни, которые впоследствии имели фамилию Подольские, являются потомками Тимофея Дорофеева. Фамилии в наших краях появились позднее, а триста с лишним лет назад к имени сына просто добавляли имя отца: у Дорофея сын Тимофей, у Тимофея Дорофеева сын Фалалей, у Фалалея Тимофеева сыновья Авдей, Дмитрий и Фил, которым была уже присвоена фамилия Подольские.

Название деревни произошло от слова «подол», что значит низкое место у реки, а фамилию Подольские уже переписчики дали при переписи от названия деревни. Легенда о том, что фамилия Подольские в данном случае была занесена в наши места поляками в 1612 – 1614 годах во времена Польского похода на Русь, не выдерживает никакой критики. Дело в том, что деревня Подольская как поселение существует как минимум с конца XVI века.

Задумав составить генеалогическое древо своего рода, я обратился к известному краеведу, бывшему моему учителю истории и директору Калининской школы Алексею Александровичу Павлову и бывшему директору Нигинской средней школы Дмитрию Дмитриевичу Баданину. Они имели опыт работы со старославянскими текстами, и часть архивных материалов я получил через них уже в переводе на обычный русский язык.

Надо отметить, что древо охватывает 15 поколений, учитывая моих внуков. Прадед мой Александр Павлович Подольский (1867 – 1940) при царском режиме был одним из самых богатых и уважаемых людей в округе. От своего отца Павла Ивановича

он унаследовал пятистенный дом, хлева со скотиной и земельные угодья. В семье Павла Ивановича Александр Павлович был младшим из трёх сыновей.

Старший сын Дмитрий Павлович, человек образованный, жил в Санкт-Петербурге, владел книжной лавкой, но из-за романтической истории с замужней дворянкой вынужден был вернуться из столицы в деревню и занимался школьными ремесленными мастерскими.

Средний сын Иван Павлович сначала жил в доме отца и был настоящим помощником во всех делах в большом хозяйстве. Но когда пришла пора Ивану жениться, он не согласился свататься ни к одной из предложенных родителями невест из зажиточных семей всей округи. Ему давно очень нравилась Мария, милая и аккуратная девушка на выданье, но из небогатой семьи.

Павел Иванович, раздосадованный поступком старшего сына Дмитрия, который, вернувшись не солоно хлебавши из Санкт-Петербурга, женился на девушке без приданого, не соглашался на брак среднего сына с такой же бесприданницей. Глава семейства договорился со священником Старогеоргиевской церкви, чтобы тот не венчал его сына с Марией, если те придут без родительского благословения. Одиннадцать раз Иван и Мария приходили в церковь, преодолевая пешком почти 10 км в одну сторону, надеясь, что священник обвенчает их. Но священнослужитель, не желая терять благосклонность богатого прихожанина Павла Ивановича, который регулярно жертвовал церкви немалые деньги, отказывал в венчании. А жить вместе супружеской жизнью без родительского согласия и венчания в то время считалось прелюбодеянием и грехом. Но когда Иван и Мария в непогоду (в хорошие дни, как правило, было всегда много работы) в двенадцатый раз пришли в церковь и молча остановились перед священником, произошло то, ради чего юноша и девушка перенесли брань родителей, угрозы о лишении наследства, насмешки односельчан и многократные хождения под дождём и снегом в церковь.

То ли дрогнуло сердце у батюшки от такой преданности и настойчивости, то ли жена его, своенравная попадья, пристыдила служителя бога за неслыханное самоуправство, но только обвенчал священник молодых в этот раз. Жили они дружно, в своём доме, и когда родилась у них в 1905 году дочка Дуня, Павел Иванович смилостивился, простил упрямого сына и выделил молодой семье часть имущества и скота из своего подворья.

Спустя годы, Дуня вышла замуж за Матвея Евлагьевича Бороздина из Наговицино, жила вместе с мужем в деревне По-

дольская и было у них пятеро детей: Александр, Анна, Николай, Илья, Пелагея. И сейчас, приезжая в родные места, среди односельчан я встречаю потомков Ивана и Марии, которые через 3 поколения приходятся мне родственниками. А рассказ о необычном венчании Ивана и Марии до сих пор можно услышать от земляков.

Справедливости ради надо отметить, что потомков Дмитрия и его жены Марины тоже можно увидеть на своей родине, а некоторые из них живут в Санкт-Петербурге, чему бы, наверное, очень обрадовался сам Дмитрий Павлович, путешественник и романтик, любивший тогдашнюю российскую столицу и всколыхнувший её захватывающими слухами о любовной истории.

Одним словом, после неоднозначных историй со старшими сыновьями вся надежда патриархального и уважаемого главы семейства Павла Ивановича Подольского была возложена на младшего сына Александра Павловича. И, надо сказать, Александр не подвёл отца в его надеждах. Правда, он женился тоже по любви, но на девушке из хорошей, по мнению отца, семьи, из деревни Окислово, и звали избранницу Евдокия. Александр Павлович, как и его старшие братья, был очень хорош лицом и выделялся статной фигурой. А Евдокия и вовсе была красавица, к которой засылали сватов из разных деревень, далёких и близких, но она отдала предпочтение своему суженому, за которого и мечтала выйти замуж. Сватовство состоялось по всем правилам устоев тех времён, которые непременно должны соблюдаться, иначе семейная жизнь может не сложиться. Зимой на двух розвальнях и на лучших лошадях поехали сваты к дому родителей Евдокии. Процедура проходила неторопливо, степенно, что подчёркивало важность момента. Особой интриги не было, так как интерес жениха и невесты друг к другу не был тайной, но сторона невесты не сразу дала согласие, ссылаясь на молодость девушки, на её якобы отсутствие в доме и прочие нарочитые известные хитрости, которые применялись лишь для пушей важности.

Но дело, как и ожидалось, сложилось, и, на радость молодых, был назначен день свадьбы. Свадьба тоже проходила традиционно, сначала в доме невесты, потом у жениха. Правда, были и особенности. Отвергнутые женихи и их друзья, как бы согласно обычаям, несколько раз останавливали свадебный поезд из многочисленных упряжек, требуя угощения пивом. Сторона жениха поначалу, подчиняясь традициям, останавливала лошадей и давала угощение, но когда, уже в доме жениха, пришли, сторонние парни, незванные на свадьбу, попытались

как бы в шутку похитить и спрятать невесту, родня жениха не стерпела, и началась драка. Драка была настоящая, бывшие непризнанные ухажёры невесты дрались до последнего, несмотря на то что численное преимущество было на стороне жениха. Мутузили незваных гостей здорово, им пришлось уносить ноги. Некоторых избили так сильно, что их вели в сани под руки, но увечий тогда не допускалось. Родственники и гости заботливо осмотрели, не оставили ли в спешке своих лошадей незваные гости (такое тоже бывало, и тогда наутро ребятишки доставляли подводы хозяевам), и продолжали отмечать радостное событие. Свадебные гуляния продолжались четыре дня. Павел Иванович на радостях, во хмелю, громко заявил, что прощает все долги ему своих земляков. Это была такая купеческая замашка, хотя до звания купца отец жениха не дотягивал, тем не менее «слово не воробей», и его пришлось сдержать.

Восемь детей родилось в счастливом браке Александра Павловича и Евдокии: Феодосий, Андрей, Александр (мой дед), Ираида, Пелагея, Анастасия, Илья, Екатерина. Все дети позаимствовали от родителей красоту и статность, юноши имели хорошую осанку и широкие брови (генетическая наследственность рода, сохранившаяся до наших дней), а девушки – выразительные глаза и длинные красивые волосы. Семья жила в доме Павла Ивановича, чему он был очень рад. Все члены семьи, взрослые и дети, почитали и слушались Павла Ивановича не только согласно патриархальным неписаным законам того времени, но и по велению сердца.

Александр Павлович владел сапожной мастерской пошиву и ремонту кожаной обуви, сам был хорошим мастером, поэтому в округе его называли на хохляцкий (украинский) манер – чёботарем, а детей и внуков – чёботарятами. Семья жила в пятистенном доме, когда семейство не на шутку увеличилось, был срублен ещё один большой дом – шестистенный. Имелись собственные земельные наделы, десять коров, несколько лошадей, около трёх десятков овец, а также поросята, куры и другая деревенская живность.

Старшие сыновья Феодосий и Андрей, очень видные парни, преподавали в Калининской школе и обучали детей сапожному мастерству. Все другие дети занимались работой по хозяйству наравне со взрослыми.

Александр Павлович и Евдокия жили дружно, в постоянных заботах, труде, а также в радости и любви. Семья занималась не только делами сапожной мастерской, но и расширяла земельные

угодья. Пахотных земель в то время не хватало, а они были необходимы, так как поголовье скота в распоряжении семьи увеличивалось. Расширить земельные угодья для использования можно было лишь одним способом: сначала на выбранном и согласованном с деревенской общиной участке леса (других просто не было) вырубали молодняк и вековые деревья, обрубали сучья, на лошадях вывозили хлысты, собирали и сжигали сучья и корни. Затем предстояла самая трудная работа – корчевание пней. Это делалось вручную. Из инструментов – топоры, лопаты, лом и лаги.

О трудностях такой работы свидетельствуют рассказы земляков, передававшиеся из поколения в поколение. Например, известен такой случай: два брата Кондрашонковы, из нашей деревни, целый день корчевали пни на участке, который должен впоследствии стать новой пашней, то есть новыми сотками пахотной земли. Мужики так умаялись на работе, что, умывшись на реке, они сразу пошли в избу – обоим очень хотелось есть. С собой в лес они брали только хлеб, несколько варёных картошин и луковицу. Так было часто, когда работали без жён или сестёр. Вот если с мужчинами на работу в лес шли женщины, тогда и сало брали с собой, и варёные яйца и даже творог с молоком, не говоря уже о зелёном луке, квасе и огурцах. Одним словом, в этот раз «Кондрашата» проголодались больше, чем обычно. Дома никого не было. Старший брат привычно вынул ухватом из печи вместительный «чугун» (большой чугунок), деревянной половёшкой положил в большое глиняное блюдо «шти» (суп из овсяной крупы с мясом, который для готовности ставится на несколько часов в русскую печь в чугунке) и поставил его на широкий крепкий стол. Нарезал хлеб, положил рядом деревянные ложки, и они с братом за милую душу стали уплетать похлёбку. Когда плошка была ополовинена, младший брат заметил:

– А что матка мясо-то не положила?

На это старшой ему ответил:

– Давай доедим блюдце, а мясо на добавку из чугунка достану.

Но когда они уже почти опорожнили всю миску, то только сейчас заметили, что это не «шти» вовсе, а щёлок, который хозяйки в те времена варили из обычной золы и воды в больших чугунах в печи. Щёлок использовался для стирки белья (этакий предок нынешних стиральных порошков). Старший брат перепутал чугуны и вместо «штей» достал из печки щёлок...

Каждое утро за завтраком хозяин дома «давал наряды» всем членам семьи, то есть и старшие и младшие получали задания на

целый день и шли работать на конюшню, овин, в лес, поле и т. д. Несколько раз в году, в торговые дни, обычно в праздники, Александр Павлович со старшими сыновьями возил сапоги на продажу. В такие дни около церкви устраивались своеобразные однодневные ярмарки, куда привозили свои изделия местные умельцы: кузнецы, портные, сапожники, гармонщики и другие. Крестьяне несли лён, масло, яйца и прочее. Молодые парни устраивали в такие дни состязания на лошадях. Лошадей заранее подготавливали: тренировали, выгуливали, давали специальный рацион, чистили.

Раз в год глава семейства обязан был приходиться в церковь на исповедь. Кроме того, в церкви хранились соответствующие записи, куда вносились сведения о каждой семье и об изменениях в них: кто умер, кто родился, кто и куда уехал и т. д. Эти церковные записи сохранились в архивах Великого Устюга и были мною использованы при изучении истории нашего рода и составлении генеалогического древа. Также сохранились и списки, по которым в ещё более ранние времена направлялись на службу рекруты. Рекрут направлялся один от нескольких дворов (иногда разных деревень). О семье рекрута заботились всем миром, и она в материальном смысле часто даже выглядела более предпочтительно.

Дом, из которого парня забирали в солдаты, был сразу заметен тем, что на его фасаде у самой крыши устанавливался небольшой венок из хвойных веток, украшенных многочисленными разноцветными лентами таким образом, что снаружи веток вообще не видно. Такой красивый своеобразный букет изготавливали и украшали своими лентами местные девушки, как дань уважения солдату, дескать, не гулять тебе долго с красавицами, не водить с ними кадрили, не плясать под гармошку и не петь заливчастских частушек.

В церковь шли не только в праздничные дни, на исповедь или крещение младенцев, сюда приходили люди со всей округи, чтобы в родительские дни помянуть усопших и схороненных по христианскому обычаю на погосте. Старогеоргиевская церковь, расположенная на берегу реки Юг, рядом с деревней Ковригино, имела, да и сейчас имеет для нашего края масштабное значение, в том числе историческое. В период заселения необъятных просторов Севера русскими людьми – выходцами из Великого Новгорода, по течению реки Юг новгородцами было построено четыре городка-крепости: Орловец, Осинец, Кичменский Городок и Халезец, самый верхний по Югу опорный пункт, который был основан в XV веке. Племена, которые ещё до прихода

новгородцев жили в наших местах, назывались «чудь», и они не всегда были рады приходу новгородцев, которые несли в край новую веру – православную и новую цивилизацию.

Если до прихода русских поселенцев местное население жило за счёт рыболовства, охоты и собирательства, то новгородцы принесли в наш край топоры, ножи, крючки рыболовные. С их приходом начали развиваться земледелие и кузнечное дело. Местному населению приходилось платить дань новгородцам.

Однажды, объединившись, племена чудь окружили Халезец с целью взять его штурмом. Легенда возникновения церкви гласит, что после многодневной осады православные новгородцы – защитники крепости – обратились с молитвой к своим святым с просьбой о помощи. На молитвы откликнулся святой Георгий Победоносец, явившись под стены Халезца на белом коне и с копьём. Чудь в страхе разбежалась и больше не мыслила воевать с русскими. Благодарные халезцы срубили деревянную церковь в честь Георгия Победоносца.

Начался процесс заселения, а не завоевания края, и после смешения пришлой Руси с чудью возник единый народ с единой православной верой. Все последующие века на этом месте была церковь, о чём говорят письменные источники. Писец Никита Выпеславцев, который по приказу царя Михаила Романова проводил в 1623–1626 годах перепись в Устюгском уезде, писал в «Писцовых книгах»: «Волость Шарженга, и Халезец, и Березовец. В той волости погост в осыпи, где был городок Халезец, а на погосте церковь Стратотерпца Христова Георгия. А в церкви образы и книги, и свечи, и ризы, и сосуды церковные, и колокола, и всякое церковное строение мирских людей...»

Следующая перепись была проведена в 1678–1685 годах Алексеем Ладыженским, который записал: «Волость Халезская, а в ней погост на реке на Югу. На погосте церковь Стратотерпца Георгия. Тёплая. Деревянная. А в церкви царские двери. Столбы и стены писаны на красках. На пристоле книга Евангелие печатная...» Далее идёт перечисление церковной утвари и информация о семьях церковнослужителей.

Со временем деревянная церковь обветшала. В 80-е годы XIX века в основном на деньги прихожан была построена кирпичная церковь Старо-Егорьевского прихода в её нынешнем облике. Вокруг церкви была поставлена искусно выкованная железная ограда, которая радовала глаз.

К сожалению, в 30-е годы прошлого века церковь была закрыта, церковнослужители репрессированы. Затем разрушена

ограда, а помещение церкви вплоть до 1980-х годов было использовано как зерновой склад. Но даже с ликвидацией прихода в родительские дни и в церковные праздники сюда всегда приходили практически все жители местных деревень: помолиться и поклониться праху предков.

Сейчас церковь восстанавливается на средства жителей окружающих деревень. Уже отремонтирована крыша, и есть надежда, что она будет сохранена для потомков. Придут другие времена, и, может быть, церковь, построенная в честь Георгия Победоносца основателями нашего края, когда-то снова примет прихожан.

О служителях церкви сохранились и забавные истории, одну из которых считаю возможным изложить так, как я её услышал.

В конце XIX века заканчивалось строительство кирпичного здания Старогеоргиевской церкви. Уже были установлены кресты, оставалось установить большой колокол на готовую колокольню. Тогда башенных кранов и в помине не было, подобное оборудование на большую высоту поднималось по системе канатов. На канатах, переброшенных через специальные гнёзда в колокольне, колокол поднимался усилиями нескольких десятков местных мужиков. В один из погожих дней и началась эта ответственная работа. Колокол на высоту поначалу поднимался легко, священник только покрикивал на мужиков, давая команды: «Разом, пошёл... Не дёргать! Тянем, тянем. Не торопись! Держать, пошёл, пошёл...» Где-то на середине пути, когда колокол уже висел на уровне крыши церкви, и оставалось поднять его на высоту колокольни, дело застопорилось. Колокол, как заговоренный, остановился и, несмотря на окрики попа и нешуточные потуги мужиков, тянувших изо всей силы канаты, выше подниматься не хотел. Служитель церкви, ругаясь про себя, обежал вокруг мужиков, а потом отошёл от них на несколько метров, ближе к церкви, и крикнул:

– Богохульники, нехристи! Кто прелюбодействует со своими снохами – отойдите, не мешайте богоугодному делу.

Как ни странно, но трое или четверо мужчин оставили верёвки и отошли в сторону, как бы признавая свои грехи. И чудо! Колокол сдвинулся и, не спеша, под умелые действия сельчан и одобрительные команды священника благополучно был поднят до колокольни и там установлен. Когда раздались первые пробные удары в новоустановленный колокол, и долгожданные звуки, которые ни с чем не перепутаешь, накрыли притихшую округу, все присутствующие опустили на колени, и только

священник, потный от переживаний, быстро проходя мимо тех грешных бедолаг, тихо сказал:

– Вот я вас! Ироды! На исповедь ко мне придёте. А если узнаю, что ещё балуете, отлучу... Смотрите мне.

На том дело и кончилось.

Ездил семья Александра Павловича торговать и на Ильинскую ярмарку в город Никольск. Народ умел не только работать и торговать, но и с удовольствием устраивали себе праздники. В каждой деревне был определён день, когда раз в году одновременно все жители варили пиво (ничего общего с повсеместно принятым современным понятием пива оно не имеет) и звали в гости родных и знакомых из других деревень. Этот день так и назывался – Праздник.

В Калинино Праздник проходил в Заговинье (день начала сенокоса), в Челпаново – в Николин день (19 июня), в Наговицино – в середине сенокоса, в Подольской – в Вознесенье.

Процесс изготовления деревенского вологодского пива достаточно сложен и непременно требует практических навыков. Даже зная рецепт, неподготовленный человек не сможет сварить этот неповторимый напиток. После того как намечалась дата варки пива, сначала вымачивали в реке мешки с овсом, затем овёс просушивали и везли на мельницу. Там из него приготавливали солод – это основной компонент. Для варки пива необходимо заблаговременно взять у односельчан или у жителей соседних деревень, которые недавно варили пиво, так называемый «мел» – это неупотребляемый осадок от основного продукта. В те годы пиво варили часто и с «мелом» проблем не было, в наши дни иногда приходится ехать за ним довольно далеко, где недавно варили пиво. Без этого ингредиента и начинать бесполезно. Кроме того, обязательно нужен хмель, который раньше выращивался в каждом подворье, а в наши дни это тоже редкость. По готовности на улице разжигали большой костёр, поленья дров для которого складывались особым способом, так, чтобы внутри костра можно было положить большое количество речных камней. Камни нагревались докрасна, после чего несколько человек на вилах носили их от костра к пивовару, который принимал раскалённые камни в деревянный ковш с длинной ручкой и опускал в большой деревянный чан диаметром от полутора метра и больше). В чане заранее готовили специальный раствор из солода, мела, хмеля и воды. В центре бочки находился высокий деревянный штырь, который закрывал соответствующее отверстие в днище бочки. Мастер-пивовар, опуская в

раствор горячие камни, доводил его до кипения (даже зимой, в сильные морозы). Самое главное в процессе – удержать кипящий раствор в чане. Если переборщить с количеством камней, то от высокой температуры раствор «поплывёт» и буквально вывалится из чана белой пеной, как каша, оставленная на огне забывчивой хозяйкой. Мастер сам определял время готовности продукта. Из еловых веток делался специальный фильтр, надевался сверху на штырь и опускался на дно чана. Затем, когда содержимое чана остывало, пивовар укладывал поперёк бочки деревянное весло, которым он, как правило, размешивал раствор и осторожно с помощью ножа, для которого весло становилось опорой, начинал приподнимать штырь из чана. Это самый ответственный момент. Если всё сделано правильно, то из-под чана в специальное деревянное корыто (сам чан устанавливался на два толстых бревна, которые лежали на земле, а между ними ставили корыто) тонкой струйкой начинала течь прозрачная, с багровым оттенком жидкость, которая называлась сусло. Если сусло грязного цвета, с различными примесями или же оно не текло вовсе, то вся работа насмарку, исправить её невозможно. В таких случаях обычно говорили: «Сварил кисель». При подобном конфузе всё содержимое из чана вскармливали скоту, а горе-мастера уже не считали пивоваром. Но это бывало крайне редко. Прежде чем самостоятельно варить пиво, мужчины приобретали навыки от отцов, родственников, соседей...

Далее пивовар с помощью ножа регулировал струю сусла, затем устанавливал нож в соответствующее стационарное положение для равномерной струи. Женщины маленькими деревянными ковшками (сейчас уже и алюминиевыми) вычерпывали из корыта сусло и заполняли им другой чан, который помещался зимой в доме, летом в сенах. В этом чане сусло окончательно приобретало свойство пива и через два дня разливалось в лагуны (небольшие деревянные бочки с маленьким отверстием в верхнем днище, которое закрывалась деревянной пробкой). Лагуны с пивом опускались в погреб, где оно могло храниться 3–5 дней, но, как правило, оно употреблялось сразу, как только разливалось в лагуны. Такое пиво может иметь достаточно высокое количество градусов: 10–12.

В Праздник в каждом доме гостей угощали пивом и разными закусками. На столах стояло варёное, жареное, сушёное мясо, солёные грибы, картошка и капуста в различных вариациях, пироги, которые хозяйка обязательно пекла сама, мочёная брусника, рыба, холодец и разные другие блюда. Гости тоже не приходили

с пустыми руками. Женщины несли с собой большие корзины с пирогами, испечёнными по этому поводу из белой муки, а также конфеты, печенье и другие сладости. За столом непроизвольно проходил своеобразный конкурс среди хозяек – у каждой пироги имели свою неповторимую особенность, и каждая по очереди угощала ими хозяйку и гостей с непрерывной подачей белушки пива. Мужчины-гармонисты брали с собой на Праздник гармошку.

Одевались по такому случаю в лучшие наряды. Для женщин это были, как правило, нарядные «тройки», то есть сарафан, кофта и фартук, отороченные цветными лентами. На голове обязательно должен быть платок или полушалок. На ногах в большинстве своём были лапти, но в такие дни можно было увидеть женщин и девушек в сапожках, а мужчин и парней в сапогах. Молодые девушки, которым родители строго наказывали беречь дорогие сапожки, обычно шли на Праздник в другую деревню в лаптях, а сапожки несли в узелке. Не доходя до деревни, где предстояло гулянье, они надевали сапожки, а лапти прятали в стогу сена или в кустах. После Праздника, возвращаясь домой, они снова надевали лапти, а сапожки несли в руках. Эта традиция сохранилась до 40-х годов XX столетия.

Мама рассказывала, как однажды в предвоенные годы она вместе со своей подружкой Манькой Ираидкиной пошла на Праздник в Оксилово. Они, как обычно, переобулись у деревни, а лапти спрятали в стогу соломы. На Празднике они гуляли со знакомыми парнями, которые явно проявляли к ним интерес. Вместе они плясали, водили хороводы, а когда девушкам пришла пора возвращаться домой, ребята запросились провожать их. Девушкам парни тоже нравились, да и знакомы они были давно, поэтому поначалу очень были рады, что их провожают. Проходя мимо стога, подружки переглянулись, но при парнях признаваться, что они пришли в лаптях, конечно, не захотели. От Оксилова до Подольской километров шесть. Так и шли они четвером, разбившись парами, до самой деревни. На опушке, у деревни, девушки попрощались с провожатыми и пожелали им счастливого пути. Когда парни скрылись, подружки несколько минут непрерывно хохотали, а потом отправились обратно до Оксилова за лаптями. Две Мани дружили с этими ребятами до самой войны. Парней призвали на фронт во время Великой Отечественной войны, и оба не вернулись.

На Празднике всюду звучали мелодии гармон и тальянки. Девушки, молодые женщины вставали в ряд человек по 6–8, брали друг друга под руки, с боку крайним пристраивался гар-

монист, и такими шеренгами, одна за другой, с песнями и частушками, шли вдоль центральной деревенской улицы. Затем на площади водили хороводы, плясали и непременно снова пели частушки про милёночков, дролей, зазноб и ягодиночек. Здесь парни плясали с девушками, общались с ними и высматривали себе будущих жён. Праздники носили подчёркнуто светский характер. При строгом патриархальном укладе жизни девушкам не позволялось в обычные дни гулять с парнями, тем более из других деревень. Парень мог открыто приходить к девушке на свидание только когда она была уже за него сосватана. Видимо поэтому, чтобы в деревнях были определённые дни, когда девушки и парни могли запросто общаться, наши предки и придумали в давние времена такие праздники. Да и вполне взрослым людям хотелось отдохнуть от повседневных дел.

Более 20 лет душа в душу прожили вместе Александр Павлович и Евдокия, и ничто не предвещало беды, но в 1910 году Евдокия тяжело заболела. Она уже знала, что близок её смертный час и дала напутствие мужу и детям. Поскольку семья большая, отцу будет трудно, а потому в доме со временем должна появиться другая хозяйка – новая жена Александра Павловича, детей просила принять это как должное и слушаться её. Евдокия благословила по очереди всех своих детей, с тем и отошла. Старшему из сыновей тогда было 22 года, а самой младшей дочери всего 5 лет.

Но Александр Павлович не привёл в дом чужую для детей женщину. Сначала потому, что очень любил свою покойную жену и даже не думал жениться второй раз, а потом дети выросли, и уже управляться с хозяйством стало легче. А если семья не успевала с сенокосом, строительством нового дома или другими работами, нанимали работников, постоянных и временных. Одним словом, овдовев, Александр Павлович 30 лет один растил и воспитывал детей и внуков. Старшие сыновья, Феодосий и Андрей, занимались преподавательской деятельностью в Калининской школе. К большому сожалению всех жителей местных деревень, умерли они очень молодыми в возрасте 28 лет от неизвестной болезни в 1916 году. Гранитный памятник в их честь и ныне стоит на Староегорьевском кладбище, на могильной площадке нашего рода, около церкви, и на нём ещё можно разобрать некоторые слова и даты. В том же году умер Павел Иванович на 84 году жизни. Вскоре скончалась Настя, ей едва исполнилось 16 лет.

Основной наследник и продолжатель рода по генеалогическому древу Александр Александрович Подольский (мой дед) проявил незаурядные способности как в крестьянской жизни, так и в овладении сапожного мастерства. Со всей округи и из далёких деревень ехали к нему местные жители и приезжие люди заказывать пошив кожаной обуви.

Александр Александрович взял в жёны Аксинью Ивановну из Наговицино. Она была из бедной семьи, но отец Александр Павлович не препятствовал браку, так как и сам он, и его братья Дмитрий и Иван женились по любви и этим заложили семейную традицию (кстати, это не мешало Александру Павловичу дочерей своих выдавать замуж, не спрашивая их согласия).

Бабушка моя, Аксинья Ивановна, рассказывала, что когда она была маленькой, а семья была большой и многодетной, то в зимнее время в просторной избе на пол устилалась солома, а маленькие дети бегали между овечек, которых приносили в дом, чтобы они не замёрзли в хлеву в сильные морозы. А по весне, когда становилось тепло, все женщины и девочки семьи устраивали генеральную уборку: вычищали следы пребывания домашних животных в доме, но всё равно устойчивый тяжёлый запах оставался до самых летних дней.

Ещё одна особенность, сохранявшаяся с древних времён: несмотря на то что с конца XVII века жителям нашего края переписчиками были даны фамилии, в обращении к имени сына или дочери добавлялось имя отца или матери. Так всех детей Александра Александровича называли Олексины (Олекся – Александр), Толя Олексин, Вася Олексин и т. д. Это имело немаловажный смысл, так как, например, в нашей деревне большинство жителей имели фамилию Подольский (Подольская), но для удобства всегда говорили Шурка Яшин (по отцу), Коля Ираидкин (по матери) или к имени добавляли прозвище – Вася Матаня, Петька Оглобля, Миша Белый...

В начале первой мировой войны Александра Александровича взяли на фронт. Его жена в это время была в положении с первым ребёнком, который родился в ноябре 1914 года и назвали его Анатолием. Александр Александрович вернулся домой только в 1918 году. Во время боёв и химических атак немцев он попал в плен и несколько лет жил в Германии, работая у одного из немецких фермеров. Как он вспоминал, работы у фермера было много, но кормили и одевали его хорошо. Даже письма домой в деревню писал. Сейчас трудно сказать, но вполне воз-

можно, что его пристрастие к постоянному порядку в доме и делах было позаимствовано от немецкого фермера.

Старшая дочь Александра Павловича, сестра Александра Александровича Ираида, вышла замуж в деревню Вшивец и жила там со своей новой семьёй. Ещё один сын Илья служил в Красной Армии, затем работал учителем Ентальской школы Кич-Городецкого района и директором школы в городе Тихвене. Он пропал без вести на фронте в годы Великой Отечественной войны.

Судьбы сестёр Пелагеи и Екатерины сложились по-разному, но шли параллельно с многочисленными неожиданными поворотами. Пелагея, повзрослев, слыла очень завидной невестой: дорогие наряды, включая городские платья и пальто, богатое приданое, приготовленное и сложенное в специальном сундуке, целая очередь ухажёров, готовых в любое время взять на себя статус жениха Пелагеи. Но Поля не спешила выбирать, ей жилось в родном доме очень комфортно, и она отказывала всем претендентам её руки. Шли годы, и Александр Павлович, наконец, сказал свое веское слово:

– Скоро приедет свататься Степан Камкин с Пятакова Починка – дашь согласие. И так в девках засиделась.

Не помогли ни слёзы, ни уговоры. Отец был непреклонен. Жених Степан был из зажиточной семьи и сам считался трудолюбивым удачным мужиком, у которого в руках всё спорилось. Одним словом, «деловой» того времени. Венчаться со Степаном Пелагею повезли в церковь, где венчались её отец, дядьки, да и вся родня.

На свадьбе Пелагея сидела отрешённой и грустной. По обычаю, подружкам невесты было положено немного плакать и причитать, Поля плакала вместе с подругами, но если те делали это понарошку, то невеста обливалась слезами по-настоящему. Она жалела и грустила о своём несбывшемся счастье в лице скромного парня из соседней деревни, который опоздал сделать ей предложение. Когда Полю, как жену Степана, привезли к нему в дом в Пятаков Починок, она совсем отчаялась и заперлась на несколько дней на мезонине (на втором этаже пятистенного дома). Сначала еду ей туда приносила сердобольная мать Степана, затем Поля сама стала спускаться на обед, но ночевала наверху, не допуская к себе мужа. И только спустя четыре дня, после увещаний хозяйки дома, матери Степана, которая рассказала Поле о своей судьбе, как её выдавали замуж за незнакомого, чужого парня, но он оказался хорошим человеком, и они прожили много лет обычной

деревенской и даже зажиточной семьёй, Пелагея спустилась в спальню для молодых. Впоследствии у Степана и Поли родилось трое детей: Анна, Александр, Александра.

Сестра Поли, Катя, тоже вскоре вышла замуж. Дело было так: Илья, служивший в то время в Красной Армии, прислал в конце 20-х годов прошлого века письмо домой, где предупреждал родных, что вскоре грядут тяжёлые для крепких крестьян времена и советовал распродать большую часть скота, а мужчинам – уехать в город. Александр Павлович бранился по этому поводу: «Вишь, что пишет, нерабочая кость. Скот продать. А как жить?»

Тем не менее, в семье было решено выдать Катю замуж и отделить с частью имущества. Один из работников, работавший несколько лет в семье у Александра Павловича, Фёдор Васильевич Кокшаров из Наговицино, зарекомендовал себя очень дельным работником. Он закупал у крестьян от имени хозяина шкуры, отвозил их в Никольск или ещё дальше на выделку, а обратно вёз кожу, из которой в сапожной мастерской шили обувь. Конечно, Фёдор обрадовался, когда ему дали понять, что Катю за него выдадут замуж. У Екатерины уже был жених, но её убедили, что в интересах сохранения семейного дела надо выходить за Фёдора. Катя не стала перечить «тятеньке», хотя и переживала сильно. Так уж сложилось в семье Подольских: мужчины добились права жениться по своему выбору, но девушкам таких привилегий дано не было. Да и сами главы семейств с возрастом становились жёстче и патриархальнее в этом отношении. Никто бы Катю и слушать не стал. Она была девочкой умной, закончила 4 класса, читала на старославянском языке церковные книги, писала письма от односельчан родственникам на «чужую сторону».

Едва успели отделить Катю (новая семья стала жить в Наговицино), началось в нашем крае, как и по всей стране, явление чудовищное силой своей несправедливости и жестокости под названием «раскулачивание».

Первым из братьев и сестёр удар приняла семья Александра Александровича и Аксины Ивановны. К тому времени у них было восемь детей (девятый – сын Алексей родился в 1939 году, через 10 лет после начала коллективизации). Старшему сыну в семье Анатолию (моему отцу) было тогда 15 лет. В тот день он косил сено на Круглой (название пожни), когда к нему прибежали соседские девушки и, запыхавшись, рассказали, что приехали чужие люди и сейчас будут разбирать дома и забирать скот. Анатолий прибежал домой. Уполномоченный из сельсовета в это время давал указания: кому какой дом разбирать. При-

влечённые к такой неблагодарной работе мужики из Калинино были уже готовы приступить, и тут на взвоз (настил из брёвен, по которому на лошадях доставляли сено на второй этаж хлева) вбежал с топором в руках Анатолий и громко сказал:

– Мужики, всех не успею, но кто первый полезет, тому руки отрублю.

Мужики нерешительно потоптались, а затем, не обращая внимания на окрики уполномоченного, сели в телеги и уехали.

На другой день к усадьбе приехали милиционеры, и уже под их присмотром нанятые мужики начали разбирать дома в хозяйстве. Состарившийся Александр Павлович лежал на печи даже тогда, когда разбирали потолок в горнице, и только горько повторял:

– Не ладно делаете, мужики. Бог накажет.

Два больших дома (пятистенный и шестистенный) разобрали и увезли. Один дом оставили, так как семья была многодетная, и местные власти не решились ребятишек мал мала меньше оставить на улице.

Всех коров, которых забрали у семьи, угнали за реку в Калинино, поместили в стареньком сарае. Вечером коровы, привыкшие в это время быть в своём хлеву, разломали сарайчик и пришли к своей деревне, но она была за рекой. Коровы стояли на берегу и долго мычали, призывая хозяек впустить их в свой хлев и подоить. На другом берегу стояли и плакали женщины от жалости, горя и беспомощности. Вскоре коров обратно угнали в Калинино, а оттуда увезли в Никольск.

Сам хозяин семейства Александр Александрович, подвергшийся раскулачиванию, и его сын Анатолий скрылись в этот же день, их предупредили, иначе их ожидал арест и суд. Рано утром ни свет ни заря отец и сын отправились пешком в Шарью. За спиной Анатолия висела огромная котомка, которая была нагружена хлебом, сменной одеждой и обувью. Отец в своих рассказах вспоминал, что когда он шёл, котомка из-за своих размеров касалась даже его ног, из-за чего идти было очень неудобно и тяжело.

Сначала Анатолий жил и работал в Мантурово, а затем переехал в Мурманск. Его отец, Александр Александрович, тоже одно время жил в Костромской области, изредка тайно посещая семью. Он вернулся домой в 1933 году, когда кампания по раскулачиванию закончилась, вступил в колхоз и жил до самой старости в родной деревне.

У его детей судьба сложилась по-разному: старший Анатолий тоже иногда тайно посещал деревню, а однажды сделал это от-

крыто. В Мантурово у него имелась работа и жильё, но не было паспорта. Однажды он попросил у начальства справку с места работы для получения дубликата свидетельства о рождении, которое он якобы потерял. Начальник, ничего не подозревая, написал справку, что Подольский А. А. работает там-то и направляется по месту рождения для получения свидетельства о рождении. Бумага была заверена печатью и вручена Анатолию. Когда молодой человек рассматривал готовую справку, то заметил, что после слов «для получения свидетельства о рождении» осталось свободное место, и он такими же чернилами дописал «и паспорта».

В Никольске сдал справку и фотографии в паспортный стол местного отделения милиции и через несколько дней пришёл получать в назначенное время готовые документы. Сотрудник, занимавшийся выдачей паспортов, уже был готов выдать желанный документ, оставалось только расписаться в получении, как вдруг в кабинет зашёл начальник милиции:

– Так! И что это? Подольскому паспорт?! Да его арестовать надо. Это беглый сын кулака.

Паспорт не выдали, но и арестовывать не стали. К тому времени вакханалия с кулачеством уже закончилась, в стране началась масштабная индустриализация. Паспорт Анатолий вскоре получил в Мантурово и мог спокойно и легально приезжать домой. Но этому предшествовали несколько лет скитаний, и за эти годы у Анатолия было немало романтических историй. Вот одна из них.

Во время своих тайных посещений родной деревни (тайных только для властей, все односельчане были в курсе) Анатолий, тогда ещё совсем молодой человек, завёл роман с девушкой-землячкой со странным именем Паранька. Но свидания их были крайне редки, да и Анатолий не думал ещё обзаводиться семьёй. Однажды зимой он отпросился на работе на несколько дней, чтобы навестить родных в деревне. В леспромхозе, где он работал на заготовке леса и числился хорошим работником, ему дали лошадь, и он на санях поехал домой. С ним напросилась ехать молодая женщина из нашей деревни – Опрошка, жена Сергея Подольского, расстрелянного большевиками как организатора молебен и откровенно ругавшего при его аресте советскую власть, как власть бесовскую. Опрошка во время раскулачивания и ареста мужа убежала и спряталась, а впоследствии уехала в Мантурово. Но у неё в деревне был дом, оставленный властями при экспроприации для прислуги, работавшей в доме Опрошки, и она время от времени тоже скрытно приезжала в деревню. Когда до

Подольской оставалось совсем ничего, спутница, сидевшая на саях сзади, вдруг сказала Анатолию, который возжами управлял лошадьё:

– Толя, а ты знаешь, сегодня твоя Паранька замуж выходит? Свадьба у неё в деревне.

– А что ты раньше-то не сказала?!

– Боялась, что ты расстроишься и не поедешь домой, а мне очень надо. Давно не была.

Когда Анатолий вошёл в родной дом, его мать Аксинья Ивановна (её все называли «маменька») собиралась на свадьбу. Она рассказала сыну, что Параньку сосватали и выдают сегодня замуж. Анатолий дал маменьке 50 рублей, немалые по тем временам деньги, на которые если не корову, то телёнка точно можно было купить, и попросил передать деньги с поздравлениями его возлюбленной, которая выходила замуж за другого.

Маменька всё сделала, как велел её сын. Когда невеста взяла деньги, то сразу поняла, от кого такой подарок. Только и промолвила:

– Толя приехал?

Потом она долго плакала, её никак не могли успокоить. На другой день невеста с женихом уехали жить в Челпаново, но всего через несколько дней они развелись, и Паранька вернулась в родительский дом. Затем она уехала в Мурманск, вернувшись через несколько лет, вышла замуж в деревню Вшивец. По рассказам моей матери, интерес Параньки к нашему отцу не пропадал ещё долгие годы. Даже когда отец после Великой Отечественной войны в декабре 1945 года вернулся в деревню бравым военным моряком, бывшая подружка старалась напомнить ему его прошлые похождения и всячески пыталась обратить на себя внимание.

Кровавый топор раскулачивания непосредственно коснулся и семьи Пелагеи и Степана, которые жили в Пятаковом Починке. К тому времени у них уже было трое маленьких детей. Но здесь и в помине не было какого-либо снисхождения. Степана сразу арестовали, а Полю с детьми выставили на улицу. Дом разобрали и увезли. Бравый Степан, который всегда отличался храбростью и крутым нравом, не захотел дожидаться несправедного суда и последующей высылки и, проявив завидную, свойственную ему прыткость, в тот же день сбежал от конвоиров, раскидав их, как мешки с картошкой. Милиционеры долго его искали, но найти не смогли, а местные жители не выдали «нехристям» своего земляка.

Тогда многие из крепких крестьян жили как бы на нелегальном положении, скрываясь от местных властей, однако работали на предприятиях в Шарье, Никольске, Мантурово, Великом Устюге, и даже навещали свои семьи. Спустя несколько недель Степан устроился на работу в одну из артелей, там вскоре и погиб от несчастного случая на производстве.

В это время, характерное своей несправедливостью и жестокостью, в местных лесах иногда находили укрытие жители окрестных деревень, вынужденные скрываться от властей. Один из таких крестьян, небритый и обросший «как чёрт», а ещё и голодный, встретил Феклушу, которая пришла в лес за ягодами. Феклуша жила в нашей деревне, была одинока, нелюдима. Она часто ходила в лес не только за ягодами и грибами, но собирала там различные травы и корни. Своей скотины не держала, зимой за дровами ходила в лес с большими санками, хотя все остальные жители ездили на лошадях. Когда из чащи вылезло человекоподобное обросшее существо и направилось к ней, Феклуша рванула от него что было сил куда глаза глядят. Страх гнал её через лес, болото, а потом и через поле. Но «чёрт» не отставал. Это один из раскулаченных крестьян бежал за ней, надеясь догнать и объяснить, чтобы Фекла сказала его родне, куда принести еду. Кричать он не стал, так как тоже боялся, что могут услышать те, от кого он скрывлся. Так и бежали они несколько километров. Обессиленная женщина уже добежала до плетня, там за «огородом», чуть ниже, начинались первые избы, но сил перелезть через забор у неё уже не было. Фекла упала на землю и, думая, что сейчас «нечистый» её будет убивать, встала на колени и начала молиться. Мужик, тяжело дыша, кое-как выговорил:

– Фекла, ты чего? Не узнала поди? Это я... – И мужик назвал своё имя.

Фекла пришла в себя, поняла, кто за ней бежал, отряхнула фартук и с криком «Да ты меня до смерти напугал, я сейчас тебя!» схватила кол от огорода и побежала за «чёртом». Но теперь они бежали недолго, через несколько метров Фекла бросила кол, и незадачливый беглец объяснил ей, что ему нужно...

Но вернёмся к нашим родственникам. Поля с детьми после раскулачивания жила у Кати с Фёдором, семья которых переехала из Наговицина в Никольск. Фёдор имел четыре класса образования, по тем временам считался довольно образованным человеком и, когда в Никольске открылся сушильный завод, его назначили директором нового предприятия и выделили для проживания с семьёй дом рядом с заводом. Катя к мужу переехала не сразу. Долгое время жила одна с ребёнком в Наговицино, но затем ей в Николь-

ске нашлась работа, и семья воссоединилась. Едва Катя переехала в Никольск, пришлось приютить у себя сестру Полю с двумя детьми (старшую дочь Поли Анну отправили в Ленинград к дяде Илье).

Постепенно всё улеглось. Поля устроилась работать санитаркой в больнице. В отличие от своей сестры Кати она не имела образования, но у неё были «золотые» руки, потому как она могла сшить любое платье. Вечерами, после работы, когда сестра занималась домашними делами, а дети играли во дворе или доме, Пелагея сидела за швейной машинкой и выполняла очередной заказ городских модниц или просто знакомых (о её мастерстве вскоре узнали очень многие). Заказчицы не всегда рассчитывались деньгами. Из-за их нехватки несли масло, яйца, белую муку, которая считалась дефицитом, или кусок материи. Через несколько лет Фёдора назначили председателем объединения артелей, куда входило несколько предприятий: сапожная мастерская, хлебозавод и другие. К тому времени в их семье было двое детей: Василий (1929 года рождения) и Александра (1933 года рождения), ещё трое детей умерли при эпидемии менингита. В 1939 году началась финская война, Фёдор был призван в армию, участвовал в боевых действиях на фронте и получил контузию. После госпиталя он вернулся с фронта, работал в райпотребсоюзе и был народным заседателем в суде. В 1940 году родилась младшая дочь Фаина. В Великой Отечественной войне Фёдор из-за контузии не участвовал, работал на ответственных должностях. После войны на него начались гонения, стал неуютен начальству, припомнили ему и родство с кулаками.

Друг его, с которым вместе воевали на финской войне, прислал письмо из Донбасса: «Приезжай. Заработки здесь хорошие». В 1948 году, несмотря на возражения жены, Фёдор уехал в Донбасс на заработки. Работал в шахте, заработки и в самом деле были неплохие, и за неполный год он накопил немалую сумму, сам жил скромно, снимал маленькую комнату, все заработанные деньги берёг для семьи. Перед самым Новым годом он получил на шахте окончательный расчёт и хотел после Нового года выехать в Никольск. Но 2 января 1949 года его ограбили и убили, прямо в комнате, которую он снимал. Преступники, заметая следы, уже мёртвого Фёдора повесили. Следствие так ничего и не дало.

Сёстры Поля и Катя долгое время так и жили вместе со своими детьми. Поля переехала от Кати только тогда, когда её младшая дочь Александра вышла замуж за Николая Зубова, они построили дом в Никольске, и Поля стала жить вместе с дочкой и зятем.

В послевоенные годы стало традицией на семейные праздники всем родственникам собираться в Подольской, в доме Алек-

сандра Александровича и Аксины Ивановны. У них было девять детей: Анатолий (1914–2000), Нина (1919), Феодосий (1921–1943), Александра (1922–2004), Андрей (1924–1978), Василий (1927–1996), Валентина (1929–1998), Александр (1931–1960), Алексей (1939–2008).

Я хорошо помню, как в 60 – начале 70-х годов в доме моего дедушки Александра Александровича собирались все родственники с жёнами, мужьями, детьми. Александр Александрович был худощавый, крепкого телосложения, суровый на вид мужчина. Его слушались дети, даже будучи совсем взрослыми. Аксинья Ивановна с возрастом стала полной женщиной и занималась только домашними делами. Даже после раскулачивания семья никогда не бедствовала. В доме деда у первого в деревне появились патефон, радиоприёмник с огромными батареями, велосипед, выписывались газеты и журналы. В комнатах всегда было чисто прибрано, на окнах висели тюль и шторы, на столах лежали скатерти, в большой вазе стояли цветы, а в стеклянных с узорами конфетницах всегда были конфеты и сушки, привезённые из города. Дети и внуки Александра Александровича первыми из всей округи получили среднее и высшее образование.

С домом деда связаны и некоторые загадочные факты. Когда мне было лет десять, бабушка подарила мне несколько больших монет (от времени они были зеленоватыми) и пару десятков крупных ассигнаций XIX века, причём их номинальная стоимость 25 руб и 100 руб для своего времени была очень значительной. Крестьяне во второй половине XIX века такими деньгами владели крайне редко, что означало только одно: деньги где-то были припрятаны, да так и остались невостребованы хозяином. (Впоследствии я передал их коллекционеру-нумизмату.) Сама бабушка после смерти мужа, в начале 70-х годов, «нашла» в огороде небольшой клад, уже настоящий, а может, просто знала, где он был закопан. Там были золотые и серебряные монеты, которые она подарила младшему сыну Алексею. Он в то время проживал в Москве.

Старшему сыну Анатолию (моему отцу) в детстве досталось сполна, так как ему приходилось с ранних лет работать по хозяйству и нянчить младших братьев и сестёр. После Мантурово он жил в Мурманске, ходил в море на рыболовных судах, а во время Великой Отечественной войны сопровождал на кораблях охранения в качестве рулевого американские и английские суда, которые шли в порты Мурманска и Архангельска. Немецкие самолёты старались не допускать, чтобы нужные для фронта

грузы дошли до места назначения, и ожесточённо бомбили суда союзников и наши корабли сопровождения, а подводные лодки противника незаметно подбирались и пытались торпедами подбить суда и корабли. Три раза Анатолий оказывался в ледяной воде Баренцева моря, когда их корабль был подбит, и звучала команда «Всем за борт!», но каждый раз он успевал доплыть до наших, остававшихся на плаву кораблей и ухватиться за брошенный с палубы канат. В холодных водах северного моря погибли тысячи советских, американских и английских моряков. Отец рассказывал, что это были почти все молодые ребята.

Когда корабли находились в Мурманском порту, наши военные моряки иногда общались с американскими и английскими моряками и даже обменивались подарками. Среди наших офицеров и матросов ценились фонарики и зажигалки от союзников, а те в свою очередь с удовольствием принимали наши прочные перчатки из натуральной кожи. Любое общение с иностранцами было запрещено после Победы, но тогда уже все наши моряки ждали, когда их демобилизуют и им представится возможность побывать в родном доме. Анатолия очень уважали братья и сёстры, все родственники и знакомые за рассудительность и доброжелательность. Он умел поддержать разговор, выслушать собеседника и сам был интересным рассказчиком. Отец иногда рассказывал мне о своей жизни, а потом и мама со мной, уже взрослым человеком, делилась своими воспоминаниями. Так, например, она рассказала, когда в декабре 1945 года Анатолий вернулся с фронта, демобилизовавшись из Северного флота, его родители по традиции уже подобрали ему невесту и очень хотели, чтобы он её взял в жёны. Девушка жила в Кузнецове и, по слухам, была хороша собой. Отец, не решаясь расстраивать родителей категорическим прямым отказом, ему уже тогда нравилась наша мама – Мария (Маня Воробьенкова, как называли её в деревне), решил воспользоваться хитростью. Анатолий сказал родителям:

– Прежде чем свататься, дайте возможность посмотреть на девушку.

К нему навязывались в провожатые многие родственники, но он сказал:

– Негоже моряку толпой ездить. Сам всё сделаю. – Запряг лошадь и поехал в Кузнецово, где жила претендентка. Он доехал до Теребаева, остановился у знакомых, пил чай и рассказывал о войне, городской жизни и о своих планах. Так, погостив часа два, довольный и сытый, он поехал обратно, даже не завер-

нув в Кузнецово. Приехав домой, распряг лошадь, зашёл в дом и сказал родителям: – Метель там. Всё вокруг замело, дороги на Кузнецово нет. Как ни бился, проехать не смог. Не судьба, видно, а против судьбы – что против ветра...

На том тему и закрыли.

Когда было решено брать в жёны Маню, свататься вызвались многие представители многочисленной семьи жениха. Мама была предупреждена, но когда ей сказали, что к их дому идёт целая толпа родни Анатолия, она от неожиданности и не зная, как принимать многочисленных сватов, закрыла двери на засов изнутри и залезла на печь. Но её младшая сестра Нила, которая очень хотела посмотреть на настоящую свадьбу (во время войны свадеб было мало и проходили очень скромно), втихаря открыла засов и впустила гостей. Мама ещё больше смутилась, когда в дом вошли не только знакомые, но и представительные мужчины из Никольска, как например, Фёдор, который шутками-прибаутками и деликатной речью городского человека убедил её слезть с печи и пообщаться со сватами. Жена Фёдора Катя, в свою очередь приготовившая для Анатолия другую избранницу, свою знакомую из Никольска, неожиданно сказала:

– Ну, уговаривать-то не будем. Ты, Маня, не малина, не обсыпешься.

Но мои будущие родители уже сделали свой выбор, решив соединить свои судьбы. В доме Александра Александровича было наварено много пива по этому поводу... Так создалась новая семья в роду Подольских.

Вскоре молодые построили свой дом, но жить было трудно. Неурожайные послевоенные годы принесли немало горя. Люди в округе просто умирали от голода. Мама рассказывала, что семьи участников войны получали продовольственный паёк, и пусть не сытно, но прожить было можно. Сложнее всего было людям пожилым и старым, так как пенсии в те годы никто не получал, работать в колхозе они уже не могли, а дети их зачастую жили на чужой стороне. Появились нищие и попрошайки. Даже из соседних деревень приходили старички с одной просьбой: «Покорми, Маня, ради бога». Мама подавала, но, как она говорила, всех накормить было невозможно и безрассудной добротой можно было обречь свою семью на голод.

В трудные 50–60-е годы в колхозах начислялась не зарплата в рублях, а «трудодни», и на них колхозникам выдавалось зерно, мука, сено, солома и даже маленькие поросята. Денег давали совсем немного, по итогам работы колхоза за год. Итоги зависели

от выполнения плана, а план доводили «сверху», не спрашивая мнения «колхоза». Наш отец умел класть печи и печки, был хорошим плотником, и это помогало ему зарабатывать на стороне хоть какие-то деньги. Но работы частного характера можно было выполнять лишь в нерабочие дни или вечерами. За невыход на работу с колхозника спрашивали строго.

Отец был очень начитанным человеком, и мог разговаривать с любым образованным горожанином, руководителем, учителем на равных. Одна из его любимых тем в беседах со мной – как люди будут жить в будущем. Этот вопрос он мне задавал и спустя много лет, когда я начал заниматься литературной деятельностью. Меня, например, в период реабилитации репрессированных (конец 90-х годов) интересовало, как он сам, его отец и дед, так сильно пострадавшие во время коллективизации приняли Советскую власть. Анатолий Александрович ответил, что дед его, Александр Павлович, не верил, что безбожная власть надолго, а отец Александр Александрович никаких высказываний против новой власти не говорил. Что касается лично его, то отец честно признавался, что в коммунизм никогда не верил и программу КПСС считал обычной пропагандисткой бумагой. Но быстрые повороты в истории страны в 90-е годы тоже не одобрял и считал, что они проводятся не в интересах народа. К религии относился скептически, объясняя это тем, что со времён фараонов в этой сфере «люди много лишнего напридумывали». За его рассудительность, компромиссный характер и умение работать односельчане выбрали его бригадиром в колхозе.

Нина, сестра Анатолия, худошавая женщина, вышла замуж в деревню Челпаново за Павлова Петра Петровича и родила шестерых детей. Она прожила долгую жизнь и умерла в 2016 году, когда ей было уже 98 лет.

Феодосий погиб на фронте во время Великой Отечественной войны. Александра вышла замуж в деревню Наговицино за Тельминова Михаила Михайловича (Мишу Болотова). Тётя Саня, громкоголосая, всегда нарядно одетая, чаще других бывала у нас в гостях. Своих детей у неё не было, и она позаимствовала у своей сестры Валентины одну из младших дочерей – Сашу.

Александр уехал в Мурманск, там жил и работал. На сохранившихся фотографиях это парень-красавец. В 1960 году на глазах наших родственников (тогда в Мурманск уезжали очень многие) его сбила машина на городской улице, даже до больницы не успели довезти. Мой отец ездил к нему на похороны. Это было последнее посещение отцом любимого города.

Андрей, получивший неплохое образование, работал бухгалтером в деревне Кожаево и жил там же с женой Валентиной, интеллигентной учительницей иностранных языков. У них родилось двое детей.

Василий, его называли последний чёботарь (так на украинский манер называли в наших деревнях мастеров по пошиву и ремонту обуви), был известен в округе и как умелый мастер плотницкого дела. Несмотря на неустроенность в личной жизни и многочисленные браки, сумел воспитать троих детей.

Валентина вместе с мужем Камкиным Василием Васильевичем жила в Пятакове Починке и родила семерых детей. Их дочка Саша на время была передана тётё Сане. Этот случай стоит того, чтобы о нём рассказать подробнее. Дело было в конце 1960-х годов. Сёстры Александра и Валентина договорились, что одного ребёнка из семи временно передадут из семьи Камкиных бездетной паре Александре и Михаилу. Когда тётя Саня и дядя Михаил приехали в Пятаков Починок за обещанным ребёнком Валентина сказала:

– Выбирайте. Все тут.

Старшие дети невозмутимо молчали, они понимали, что без их согласия никто их не заберёт, а младшие в испуге разбежались и спрятались: кто в поле за скирдой, кто в сарае. Лишь маленькая Саша растерянно стояла на полу и не понимала, почему её братья и сёстры убегают от нарядной тётё и доброго дяди. Её и увезли на воспитание. Так и прожила она несколько лет у тётё Сани в Наговицино, приезжая к братьям и сёстрам во время школьных каникул.

У меня есть и личные воспоминания о забавном случае, связанном с тётёй Валеё. Дело было зимой, когда родня в очередной раз собралась у дедушки с бабушкой. Мне было лет пять, не больше. Тётя Валя сидела около печки-голландки с недавно родившимся ребёнком на руках, закутанным в многочисленные пелёнки и одеяла. Я стоял рядом, и мне очень хотелось посмотреть на маленького человечка. И я попросил тётю Валею:

– Покажи хоть ребёнка-то.

Тётя Валя осторожно стала раскутывать одеяла, платки и пелёнки. Их было так много, что мне стало даже неудобно, ведь это я заставил тётю их так долго разворачивать, и, наконец, решил пошутить, сказав такую фразу: «Не ребёнок, а одни тряпицы». Хохот потряс всё помещение, смеялись все: дедушка, бабушка, все тётё и дяди, и что особенно меня задело: смеялись вместе с ними и мои родители. Уж они-то знали меня и должны были понять шутку. Нет, все подумали, что серьёзный мальчик Толя сделал такой оригинальный вывод, глядя на манипуляции тётё Вали со свёртком.

Алексей, самый младший из детей Александра Александровича и Аксины Ивановны, первым из нашей деревни закончил Аргуновскую среднюю школу, затем служил в армии, учился в Архангельском пединституте, работал в министерстве обороны, позднее – в Институте стали и сплавов на кафедре физвоспитания. Жил в Москве. Жена Людмила Сергеевна родила ему двух дочерей.

Я намеренно не описываю жизнь и события, связанные с тремя последними поколениями нашего рода, это дело будущего времени и, быть может, даже другого автора. Отмечу только, что в детстве я особенно дружил с тремя своими двоюродными братьями: Валеркой из Кожаево, Колей из нашей деревни и Васей из Пятакова Починка. Конечно, двоюродных братьев и сестёр у каждого из нас наберётся не один десяток, но мы, четверо, были примерно одного возраста, и часто во время школьных каникул проводили время вместе. Мы с Колей жили рядом, и поскольку наши отцы были родными братьями, общались почти ежедневно, а Валерка и Васька приезжали к деду и бабушке на каникулы, жили у них неделями, поэтому летние и зимние дни мы проводили вместе на речке Шарженьга, в солнечные дни – купаясь часами в прозрачной чистой воде, тогда полной рыбы и раков, а в морозы катались на санках и лыжах с её крутых берегов.

Как всегда, не обходилось без забавных случаев. Дед наш, Александр Александрович, любил пить чай из самовара, и воду для этих целей старались брать проточную, хрустальную из реки. Хотя колодцев в деревне было немало, очень часто на реку за водой ходили и взрослые, и дети. Однажды, когда мы зимним вечером сидели у дедушки, он сказал, чтобы мы принесли ведро воды из речки для самовара. Пошли втроём: Вася, Коля и я. Была метель, спуск к реке замело, но я осторожно начал спускаться.

– Ты куда? – услышал я голос братьев. – Не надо туда переться. Видишь, дорога обледенела. С ведром не поднимемся.

– Так ведь дедушка велел воду с реки принести.

– Принесём, из колодца. Какая разница?! Да не трусь ты, мы не впервой.

С этими словами Вася и Коля живо начали опускать деревянную бадью на железной цепи колодца Санка Приемка, стоящего рядом, на берегу реки. Вода была доставлена, самовар вскоре вскипел, и дедушка, сидя за столом, неспеша попивая чай из чашки с блюдцем, витиевато разрисованных, говорил:

– Совсем другое дело, когда вода речная. Её ведь сразу распознать можно.

Я сидел на лавке ни жив ни мёртв. Это был первый для меня урок по неизбежному в жизни лукавству. И хотя этот детский обман был без всяких последствий, я помню его.

В те времена субординация в семье деда соблюдалась беспрекословно. Например, у меня до сих пор перед глазами такая картина из детства: после работы в лесу мы возвращаемся домой. Впереди идёт дедушка, за его спиной за ремень заткнут топор; он идёт не торопясь, но его никто из нас не обгоняет. В нескольких метрах сзади от дедушки идут мой отец и дядя Вася (отец Коли), о чём-то разговаривая. И, наконец, за ними, тоже на расстоянии нескольких метров, идём мы с Колей. В руках у нас небольшие, в отличие от взрослых, топоры. И хотя дедушка был от нас на приличном расстоянии, он заметил, что мы с Колей время от времени срубаем ветки с деревьев или просто помашем топориком. Тогда он остановился (остановились и отцы наши), сделал нам внушение, и все продолжили движение в таком же порядке, только мы, мальчишки, уже притихшие, шли, лишь переглядываясь между собой.

Летом 1964 года, когда мы с Колей закончили четвёртый класс, и в один из летних дней я на лошади, запряжённой в коробок (небольшая телега на двух колёсах) возил силос для складирования. Мне сообщили, что умирает дедушка. Придя в дом деда, я увидел, что все наши родственники уже сидят на стульях и лавках в большой комнате. Дедушка лежал на кровати. Сыновья, дочери, зятя, невестки по очереди подходили к кровати, опускались на колени перед дедом со словами: «Благослови, тятенька». Дедушка уже совсем слабой рукой делал движения, чтобы перекрестить голову преклонённого, затем прощающийся родственник целовал деду руку и освобождал место для следующего. Через несколько часов дедушка умер в окружении своих детей и внуков.

Уместно отметить, что все четверо внуков, о которых я упомянул, успешно получили среднее, затем высшее образование и нашли своё место в жизни: Валерий Андреевич посвятил свою жизнь газовой отрасли, Василий Васильевич после окончания военного училища дослужился до подполковника, Николай Васильевич стал руководителем крупной строительной фирмы.

Всего у Александра Александровича и Аксиньи Ивановны 24 внука и внучки. Мы живём в разных городах и регионах, но свято чтим корни и ветви нашего рода, помним о своей малой родине, стремимся туда и встречаемся там. Нам есть что рассказать уже своим внукам о наших дедах и прадедах, и мы гордимся, что являемся маленькой частью нашей великой страны – России.

ВОСПОМИНАНИЯ О САШЕ СМИРНОВЕ

Ранним летним утром 1970 года отец провожал меня из деревни. Я закончил десять классов Аргуновской средней школы Вологодской области и решил покинуть свою родную деревню Подольскую. Мы перешли вброд речку Шарженьгу на челпановскую сторону, отец поставил мой чемоданчик на берег и пошёл обратно. Я посмотрел ему вслед, взял свою небольшую поклажу и пошёл на автобусную остановку.

Уезжал я в Мурманск. В этом городе отец некоторое время жил до войны, ходил в море, а потом воевал, сопровождал английские и американские суда, которые шли в Мурманский порт. Он много мне рассказывал о Заполярье, и я знал, что после школы уеду в город его молодости.

Добирался на автобусе до Никольска, самолётом до Шарьи, и поездом до Мурманска. Северный город встретил меня лёгким туманом и летним полярным днём, который, казалось, не прерывался на вечерние и ночные часы. Я хотел учиться в Мурманском высшем мореходном училище, но там был строгий медицинский отбор, и хотя я с детства занимался спортом, и у меня не было проблем со здоровьем, врачи на комиссии обнаружили у меня «периодическое покраснение век», что не позволило мне стать курсантом. В тот же день, как только я услышал объяснение докторов училища, я подал документы в Мурманский государственный педагогический институт, был признан абитуриентом, и мне выделили место в общежитии.

Пятиэтажное общежитие, что находилось в центре города, было заполнено абитуриентами, которые приехали не только из Мурманской области, но и из многих регионов страны. В 1970-е годы молодёжи были присущи романтические настроения, и многие юноши и девушки приезжали в Заполярье, в том числе и в Мурманский пединститут. Не все поступили, но многих я помню до сих пор, хотя мы были знакомы всего несколько недель. В те годы была распространена практика организации занятий и консультаций для абитуриентов в течении месяца до вступительных экзаменов, поэтому днём мы встречались на подготовительных занятиях, затем обедали в городских столовых, благо, их было множество, гуляли по Мурманску и шли в общежитие.

Среди нас было много начитанных, по-настоящему эрудированных молодых людей. Но мы не только готовились к экзаменам: вечерами (это условно, т. к. в Заполярье летом светло почти всегда) мы спорили на возвышенные темы, мечтали и верили, что нас ждёт прекрасное будущее. Новые впечатления буквально захлёстывали нас.

В те дни я познакомился с Сашей Смирновым из Йошкар-Олы. Название города мне было знакомо: там жила моя сестра Рая, выйдя замуж за военного, но я и не предполагал, что через несколько лет судьба меня сведёт с ним уже в Йошкар-Оле. Смирнов всегда был интересным собеседником, душой компании. У современной молодёжи есть такой термин-определение: прикольный. Наверное, в полной мере оно характеризует семнадцатилетнего Сашу Смирнова. Ему были присущи ирония и особый взгляд на окружающий мир, людей и события. Он легко знакомился с людьми и имел успех у девушек. В то время у нас были другие приоритеты – ценился багаж знаний, начитанность и образованность. Было особое отношение к книгам. Так, например, не было удивительным заявление одного парня из нашей компании, что если он не поступит в вуз (а конкурсы были по-настоящему большими и жёсткими), то устроится на работу на маяк, чтобы ничто не мешало читать книги.

Мы были молоды и общительны. Это оправдывало всякого рода невинные приключения. Часть окон нашего общежития располагалась напротив обычной жилой пятиэтажки. Окно нашей комнаты, которая располагалась на третьем этаже, было раскрыто, и мы могли наблюдать, как в квартире напротив группа девчонок отмечала какой-то праздник, как выяснилось позднее – день рождения одной из девушек. Наша компания знаками поприветствовала их компанию, и поскольку окно у девчонок тоже было открыто, мы через несколько минут уже могли, пусть громко (между нашими зданиями была всё-таки небольшая, но улица), но что-то прокричать друг другу. Девушки пригласили нас к себе. Мы совещались недолго, так как Саша сказал самую убедительную фразу:

– По крайней мере, поедим что-то вкусное.

Стол действительно был богатым: коньяк, фрукты, салаты. Мы очень мило пообщались, договорились вместе сходить на танцы в ДК, но как-то не сложилось.

Не знаю, почему, но Саша завалил сочинение, поступая на филологическое отделение. Мы провожали его всей компанией, девушки даже плакали. Ночным поездом Саша возвращался в

Йошкар-Олу, откуда он приезжал в Заполярье, по его словам, «в поисках романтики».

Через год после успешного окончания I курса физико-математического факультета Мурманского пединститута я перевёлся на второй курс инженерно-экономического факультета Марийского политехнического института в г. Йошкар-Оле.

Судьба вновь свела меня с Сашей Смирновым, когда я учился на V курсе. Студенты ИЭФ жили в первом общежитии, что и сейчас стоит рядом с главным корпусом Волгатеха – так теперь называется «политех». В тёплый весенний день прогуливаясь с приятелями у музыкального театра, я совершенно случайно встретил Сашу Смирнова. Мы обнялись. Он удивился: почему я в Йошкар-Оле. Взяли пару бутылок вина и расположились в комнате общежития. Целый вечер мы вспоминали лето 1970 года, Заполярье, наши абитуриентские дни. У меня была фотография: Саша в вестибюле около доски объявлений в Мурманском пединституте. Он очень обрадовался, увидев фотографию, и даже попросил сделать ему копию в фотоателье.

Мы виделись ещё несколько раз, а затем я после окончания института уехал в Сибирь, потом была армия и возвращение в Йошкар-Олу. Обратился к Саше в период, когда мне нужно было жильё в городе на пару недель. Он без проблем помог мне. Пользуясь своими связями в студенческих кругах университета, познакомил меня с председателем студсовета, который смог неформально выделить мне комнату в общежитии на несколько летних дней, когда студенты были на каникулах. Через два-три дня я решил свой квартирный вопрос, и жить нелегально мне не пришлось.

Жизнь всё расставила по местам. Александр закончил Марийский государственный университет, и как-то сразу занял своё место в журналистике республики. Он владел не только пером, но и фотоаппаратом, с которым практически не расставался. Его острые ироничные статьи вызывали неоднозначную оценку, но они всегда были востребованы читателями. За его публикациями следовали вопросы и споры. Он не боялся разоблачать и обличать, но боролся не ради разрушения, хотя его и обвиняли в том, что он «раскачивает лодку», а ради высшей справедливости, о которой многие говорили и мечтали, но только избранные могли открыто противостоять злу. Причём зло это не какой-то абстрактной формы, а в образах вполне конкретных лиц. При всём этом Александр оставался компанейским парнем и настоящим семьянином. Но даже в этих незыблемых для него

сферах он вносил свой экстремальный подход. Например, ради своей возлюбленной Саша ездил в археологические экспедиции. Принцип отрицания отрицаний безусловно присутствовал в его мировоззрении, но в жизни его всегда имели место идеи и люди, которым он оставался верен. Были и другие ценности, о которых он говорил искренне и без иронии. В конце 80-х, случайно встретившись на улице в Йошкар-Оле, Саша с гордостью показал мне удостоверение члена Союза журналистов и сказал, что это единственное его достижение, имея в виду, что нет у него ни должностей высоких, квартиры и машины. Он не был бессребреником, но своё духовное предназначение ставил выше материальных благ, прелести которых наше поколение уже могло оценить и принять в те годы. Смирнов стал известным в республике журналистом, и это воспринималось среди его друзей и знакомых как процесс естественный, вытекающий из его импульсивного, творческого начала. Я в то время возглавлял экономические службы ряда предприятий. Мы редко виделись, но сохраняли приятельские отношения.

Наступившая перестройка, а затем другие перемены, изменившие страну и нас, позволяли надеяться, что из хаоса, в который сползала великая страна, общество выйдет другим. Никто не ведал, каким оно будет, но большинство людей ждало перемен к лучшему. В конце 80 – начале 90-х годов я работал заместителем генерального директора кооперативного объединения «Ладога». Лесозаготовка, деревообработка, производство железобетонных изделий приносили немалый доход, а поскольку в начале 90-х складывались своеобразные экономические, или скорее околэкономические отношения, то не обошлось без предложений «поделиться». «Ладога» обходила все препоны, пока требование передавать ежемесячно сумму в размере 10% от всей реализации не поступило от руководителя объединения «Марийскмелиорация» К. В. Ефимова, известного впоследствии своим молниеносным переездом в США, куда он прихватил с собой 1 млн долларов бюджетных средств.

Ефимов подключил административный ресурс, и наше противостояние с высокопоставленным чиновником привело к падению объёмов производства нашей фирмы. Но мы тогда верили в перемены и демократию. Время было такое – всё менялось, и хотелось верить – в лучшую сторону.

Я подготовил обстоятельную статью о сложившейся ситуации, она так и называлась: «Противостояние». Её рассмотрели даже в редакции «Литературной газеты», тогда это был рупор

демократии (по этому вопросу мне специально пришлось ехать в Москву), но всё-таки посоветовали опубликовать в местной – республиканской прессе.

Статья с конкретными фактами мздоимства известных в республике людей могла наделать много шума, и поэтому была проблема с публикацией. Несмотря на провозглашённую гласность и демократию, редакторы осторожничали. Смелости продвинуть статью хватило только у Саши Смирнова, которому я откровенно рассказал про сложившуюся ситуацию. У него уже был тогда имидж журналиста, непокорного властям. Кстати, один из редакторов мне откровенно сказал, что «опубликовать вашу статью может лишь один человек в республике – Александр Смирнов». Обстоятельства сложились таким образом, что на Совете директоров «Ладоги» было решено повременить с публикацией, а потом мы создали другую независимую фирму, и необходимость в публикации статьи отпала, но повторяю: в те непростые дни Смирнов Саша не испугался последствий и единственный был готов опубликовать разгромную для чиновников статью.

Своим друзьям Саша говорил: «Когда я умру, меня будет хоронить весь город». Слова его оказались пророческими: о его смерти узнала вся страна.

Александр Смирнов погиб в 1993 г. в Москве у стен Белого дома, и сообщение об этом неоднократно передавали центральные средства массовой информации. Несколько лет спустя в Марий Эл была учреждена премия имени Александра Смирнова для журналистов республики за принципиальность и смелость. В журналистику приходят новые поколения, но имя Саши Смирнова, человека, журналиста, правдоискателя, навсегда останется светлой страницей в истории республики.

Многое изменилось в моей жизни, в республике и стране. В 2005 году я приехал в Мурманск, город моей юности, и был тепло встречен сокурсниками и деканатом пединститута. Майским поздним вечером я стоял напротив здания, где когда-то было общежитие пединститута (сейчас там расположены офисные помещения), и вспоминал далёкие дни моей юности. Эти воспоминания остаются со мной навсегда: молодые, задорные мальчишки и девчонки семидесятых с верой и надеждой в лучшее будущее своей страны и своей судьбы.

ТАКИЕ ЛЮДИ – СОВЕСТЬ ОБЩЕСТВА

Памяти А. А. Павлова

Алексей Александрович Павлов – учитель, краевед, литератор. Патриот и правдоискатель. Его известность далеко перешагнула границы Никольского района и Вологодской области. Он был человеком, чьи убеждения, а тем более поступки основывались, в первую очередь, на его совести и внутреннем восприятии мира.

А всё начиналось с Никольского педучилища. Закончив его, молодой преподаватель-историк начал работать в Калининской семилетней (потом стала восьмилетней) школе. Это были 50-е годы. И с той поры вся его жизнь была связана с этой школой. Когда мы отмечали столетие Калининской школы, собралось немало выпускников. Было сказано много хороших слов в адрес учителей, но самые тёплые слова предназначались, в первую очередь, для учителя-патриарха Алексея Александровича. Так уж получилось, что он многие десятилетия был олицетворением нашей школы. В каком бы качестве за эти годы он не работал – учителем, директором, библиотекарем, – он всегда играл первую скрипку, потому что за профессионализм, эрудированность, принципиальность уважала его не просто вся школа – вся округа, а впоследствии – весь район и область. (К сожалению, отметив столетний юбилей, Калининская школа в скором времени была закрыта в связи с малочисленностью учеников.)

А. А. Павлов никогда не ограничивался школьной программой – для него она была слишком узка. Приносил на уроки различные статьи из газет и журналов, книги из своей личной библиотеки и рекомендовал не просто ознакомиться, а внимательно прочитать. Его дом был всегда открыт для его учеников. И мы, бывшие его ученики, шли к нему, как только приезжали из городов и весей в родные места.

По его совету, уже будучи молодым специалистом, я начал читать Александра Солженицына и Василия Белова, причём первые их произведения получил непосредственно от Алексея Александровича (Солженицын был напечатан в журнале «Новый мир», который он выписывал регулярно).

Любовь к книгам он пронёс через всю свою жизнь. Причём не просто читал, а делал пометки, перечитывал, вёл переписку со многими писателями.

Алексей Александрович был краеведом и патриотом нашего Северного края. Он как никто другой знал историю наших древних поселений и собрал богатый материал. Вёл записи о деревнях, районе, области, а также о конкретных семьях и людях, записывая в свои тетради даты, события, впечатления.

С 1957 года Алексей Александрович работал в архивах Вологды и Великого Устюга. Как результат его исследовательской работы – появлялись статьи в прессе. Первая его публикация появилась в 1954 году, в его первый учебный год в Калининской школе, с тех пор и до конца дней он являлся внештатным корреспондентом районных и областных газет. Он не только изучал, но и сам вёл летописи деревень Калинина, Челпанова, Иванова, Ковригина, Подольской, Степшинского Починка. Я неоднократно пользовался его записями о моей родной деревне Подольской – это несколько сшитых тетрадями (более 300 листов) с фотографиями и вырезками из газет, где в хронологическом порядке следуют регулярные переписи жителей деревни (каждой семьи) с указанием: кто родился, уехал, приехал, когда были свадьбы и похороны. И так по всем шести деревням, начиная с 1958 года. Незадолго до своей смерти Алексей Александрович передал мне материалы по деревне Подольской.

Когда я начинал составлять генеалогическое древо своего рода (15 поколений с первой четверти XVII века до наших дней сведены в таблицу с датами и комментариями), непосредственное содействие в этом мне оказывали два бывших школьных директора: А. А. Павлов (д. Калинино) и Д. Д. Баданин (д. Нигино). В их распоряжении были переведённые со старославянского материалы писцовых книг волостей Устюжского уезда, записи в которую вносил во время переписи 1623–1626 годов писец Никита Вышеславцев, а также другие более поздние архивные, в т. ч. церковные, письменные источники.

В круг интересов Алексея Александровича входили не только история, краеведение, педагогика, политика, но и насущные дела хозяйства, района, области. Он жил среди людей, знал их проблемы и пытался их решать. Далеко не всем он был удобен за его принципиальность и правдоискательство. Надо признать, высокое и не очень высокое начальство его не жаловало, ведь он никому не давал спуска – мог открыто критиковать губернатора, называл вещи своими именами, когда выводил на чистую

воду зарвавшихся или даже заворовавшихся разного рода чинуш, мог спросить и с друзьями.

Однажды, будучи первым заместителем главы администрации Медведевского района Республики Марий Эл, я вместе с семьёй и друзьями приехал домой (в деревню Подольская) на двух машинах, одна была личная, вторая служебная. Когда я, как обычно, пришёл навестить своего учителя и мы беседовали за чаем, он без всяких церемоний спросил:

– Позволяешь, значит, себе использовать служебную машину в своих личных целях?

И хотя машина использовалась с разрешения моего начальства и тем более не в ущерб бюджету района, больше на служебном транспорте на свою малую родину я не приезжал.

О его принципиальности говорит и другой случай: во время очередной ежегодной Ильинской ярмарки в Никольске колонна машин с именитыми гостями ехала через Блудново к памятнику А. Яшину на Бобришкинском угоре. Алексей Александрович сидит со мной в машине и говорит:

– Знаешь, наверное, Яшину больше по душе были бы не речи хвалебные и не столы богатые (кстати, за чей счёт банкет?), а чтобы вместо репья на полях наших зерно колосилось.

В поле у Блуднова уже действительно одни сорняки росли – никто его не пахал и не сеял.

Но Алексей Александрович мог не только критиковать – он мог и наставить на путь истинный и совет дельный дать. В 1990-е годы появились в печати первые публикации моих стихов. Алексей Александрович ознакомился и решительно посоветовал, чтобы я заехал в Никольске к Василию Мишневу и Музе Вячеславовне Бересневой. Эти люди впоследствии помогли мне в становлении как поэта.

У Алексея Александровича была ещё одна удивительная черта характера: в самые сложные моменты он сохранял чувство юмора. Однажды, в конце сентября, во время урока завхоз школы Кирилл Петрович громко крикнул, что горит дом директора. (Дом, где проживал директор школы Павлов А. А. со своей семьёй, находился рядом с Калининской школой. Он и сейчас там стоит, но без хозяев, по соседству с пустующей школой.) Мы, учащиеся разных классов и учителя, прибежали к месту пожара. Возгорание в сених дома было совсем небольшим и было быстро потушено. Алексей Александрович перед многочисленными учениками развёл в стороны руки и сказал:

– Извините, представление не состоялось.

Он поддерживал любую инициативу по сохранению традиций малой родины. Мечтал о восстановлении Старогеоргиевской церкви у деревни Ковригино. В своё время жители наших деревень шли к ней помолиться и посетить кладбище.

В 2005 году мы с односельчанами организовали День деревни, на который собрались выходцы из деревни Подольской, их дети и внуки. Открывал праздник наш учитель Алексей Александрович, он одобрил идею сделать встречи земляков традиционными, пожелал всем помнить о своей малой родине. В 2007 году он в качестве почётного гостя также присутствовал на нашей встрече, которые сейчас уже регулярно, раз в два года, проводятся в первую субботу июля. Последующие встречи проходили без участия нашего учителя.

В последние годы жизни как результат многолетних изысканий и размышлений вышли в свет несколько книг Алексея Павлова: «Моя судьба – в судьбе Отечества», «Образование и воспитание Гражданина», «Высоко пылают сосны над Юг-рекой» и небольшие брошюры о деревнях, расположенных рядом с Калининым. Тираж изданных книг невелик. Но он успел главное – донёс до читателя историю нашего края через судьбы людей.

Трудно представить, что больше не будет писем от Алексея Александровича, написанных разборчивым, но своеобразным почерком, не будет бесед за чаем, новых статей и книг. Настоящий анализ его творчества – впереди. Сейчас важно сохранить то, что он создал и написал. Его архивы, библиотека, переписка представляют особую ценность и, наверное, должны находиться в областной библиотеке и музее Никольска. Надеюсь, дети и родственники Алексея Александровича сделают всё, чтобы эти материалы были должным образом сохранены и могли использоваться в дальнейшем. А память о нём всегда будет с нами.

ВЫПЬЮ Я ГЛАЗАМИ РОДИНЫ ПРОСТОР

Памяти В. Г. Попова

Выпью я глазами
Родины простор:
Речку за лугами
И далёкий бор.
Обниму руками
Широту полей.
А за облаками –
Клики журавлей.

Вячеслав Григорьевич Попов родился 17 сентября 1936 г. в селе Чкарино (ныне Советский район Республики Марий Эл), где и прошло его детство. Он из поколения, представителей которого называют – дети войны.

Отец – Григорий Фадеевич – сельский учитель. Мать, Анна Трофимовна, работала в колхозе. В семье было шестеро детей. Когда отец уходил на фронт, старшая дочь Люда ходила в 8 класс, а младшая Лида только ползала. Семья познала всю тяжесть военного лихолетья. Григорий Фадеевич считался уважаемым человеком на селе и отвечал за обеспечение дровами учителей школы. Всем работникам школы под его началом завезли дрова на зиму, а себе не успел – ушёл на фронт, оставив жену и маленьких детей. Отец регулярно писал письма, но в 1942 году весточки с фронта перестали приходить в семью Поповых – отец пропал без вести. В те годы мама часто и долго болела, поэтому детям приходилось самим управляться с домашним хозяйством. Корову пришлось продать, купили козу. Дрова заготавливали зимой в лесу. Двуручной пилой сёстры спиливали деревья, обрубали сучья, пилили хлысты на чурбаки, а братья на санках возили домой. Когда маленький Слава тащил за собой тяжёлые санки, рассказывала его старшая сестра, то он сгибался почти до колен.

Весной все вместе копали огород. Маму берегли и не позволяли делать тяжёлую работу. Девочки мыли полы, зашивали одежду, мальчишки кололи дрова для печи, носили из колодца воду. Дружную семью односельчане жалели, и в военные годы помогали чем могли. Особенно дети радовались, когда кто-то

из соседней приносил крынку молока. Старшая сестра Люда несколько раз ходила в райцентр и выпросила, наконец, чтобы семье давали паёк, так как главный кормилец ушёл на фронт и пропал без вести. Паёк выделили только на четверых: по 200 г. – на иждивенца, 400 г. – работавшим в колхозе.

Несмотря на скудное питание, в семье никто не умер, хотя в те трудные военные годы это нередко случалось в каждой деревне. Мать поправилась и стала работать в колхозе. Слава сначала учился в Чкаринской общеобразовательной школе, а затем в Ронгинской средней школе, которую и закончил.

Любовь его детства – река Шуля, где он пропадал днями и ночами и бежал туда при первой же возможности в любое время года. Протекала она в хвойном лесу, окаймлённая ольховыми зарослями, выбегая иногда на обширные заливные луга.

Местом его времяпровождения чаще всего был сеновал огромного сарая, который в народе называли дворцом. На стлани одного из хлебов он обнаружил большой ящик с журналами и книгами. До войны отец его был преподавателем русского языка и литературы, в доме собрана хорошая библиотека. А здесь были книги, сокрытые от постороннего взгляда. В тиши сеновала Вячеслав зачитывался стихами Николая Клюева и Сергея Есенина, которых не было в Чкаринской библиотеке. Позже ему стало понятно, что у отца рука не поднялась уничтожить книги, запрещённые в те лихие годы. Он отобрал их из своей библиотеки и схоронил в сарае. В душе Вячеслава эти книги оставили глубокий след, сыграв немаловажную роль приобщения к поэтическому творчеству.

Закончив школу, Вячеслав поступил в Йошкар-Олинский строительный техникум и в 1957 году закончил его, приобретая специальность профессионального мастера-строителя, которой был предан всю свою жизнь. Через несколько месяцев в том же 1957 году Вячеслав ушёл служить в Советскую Армию. Он вернулся из армии в 1960 году и вскоре в своей родной деревне Чкарино встретил молодую учительницу немецкого языка Римму Васильевну, которая жила на частной квартире в доме неподалёку от дома Поповых.

Когда я начал готовить эту статью, то в одну из встреч с женой Вячеслава Григорьевича спросил её, помнит ли она их первую, такую судьбоносную встречу, и услышал простой ответ:

– Да, конечно. У меня была гитара в доме, и Вячеслав, когда пришёл якобы к своим родственникам, у которых я снимала угол, стал на ней играть.

Они стали встречаться и вскоре поженились. На долгие годы Римма Васильевна стала музой и вдохновительницей Вячеслава Попова. Сначала в романтическом стиле:

Я приду. Меня ты встретишь,
Ключ беззвучно повернёшь.
И улыбкой ночь расцветишь,
И руками обовьёшь.

Ты сама, чуть-чуть робея,
Круг заветный разомкнёшь
И меня, как в сказку фея,
До утра в него введёшь.

Затем с философским уклоном, оптимизмом и любовью к жизни:

Нет из прошлого привета,
Но, родная, погляди:
Сколько солнечного света,
Сколько жизни впереди!

И наконец, в грустных строках осознанности пройденных дорог:

В сердце моём ты всегда,
Боль и радость необъятная.
На краю горит звезда
Не восходная – закатная.

После свадьбы молодые жили в Йошкар-Оле, снимая комнату в частном доме, затем Вячеславу на работе дали комнату в коммунальной квартире. Там родился их первый сын Сергей. В это же время Вячеслав учился заочно в политехническом институте. Вскоре семья молодого специалиста-строителя получила двухкомнатную квартиру на ул. Эшпая, где вместе с ними почти 10 лет жила и мать Вячеслава – Анна Трофимовна. Вспоминает Римма Васильевна: «У Вячеслава были золотые руки. Всю мебель в квартире он сделал сам. Никогда не вызывал на дом специалистов из ЖЭК – любые неполадки устранял самостоятельно. Когда родился второй сын Александр, наша семья переехала в трёхкомнатную квартиру. Вячеслав любил заниматься с сыновьями, читал им сказки, а потом и рассказы. Очень любил порядок и не разрешал в квартире переставлять мебель. В этом отношении он был настоящим консерватором. Его ценили на работе, но, к сожалению, из-за житейской нелепицы, после пропажи всех его конспектов и учебников, Вячеслав оставил учёбу в институте».

Стихи Вячеслав Попов начал писать рано. Ещё в 1957 году они печатались в газете Дальневосточного военного округа во время службы в армии. С армейской службы привёз тетрадь со стихами. Но напряжённая работа в строительных организациях не оставляла времени для творчества. И только с 1994 года в «Марийской правде» стали появляться стихи В. Попова в рубриках «Лира», «На поэтической волне», «Поэзия», «Фонарь». Затем появились публикации в журналах «Дружба» и «Ончыко».

Особую роль в творческом становлении Вячеслава Попова как поэта сыграли два человека – Геннадий Калинин и Виктор Кислицкий.

Кислицкий Виктор Дмитриевич – организатор и душа литературно-художественного объединения «Патриот», привлёк начинающего автора к участию в этом клубе, а немного позднее Вячеслав Григорьевич сам возглавил это творческое сообщество литераторов-патриотов. Вот уже 15 лет каждую третью субботу месяца поклонники его величества Слова собираются в Общественно-политическом центре города Йошкар-Олы. Их объединяет не только любовь к поэзии, они издают очерки и воспоминания, выпускают книги для детей и философские сборники, рисуют картины, собирают материалы и изучают документальные сборники о Великой Отечественной войне и локальных войнах. Из всех существовавших и существующих ныне литературных групп в нашей республике («Поиск», «Четверг», «Свеча», «Круг», «Вдохновение») «Патриотом» выпущено в свет наибольшее количество книг и альманахов: 17 сборников различной тематики и 34 авторские книги. Пять участников клуба «Патриот» стали членами Союза писателей России, это Г. Г. Калинин (2001), М. Г. Смоленцев (2001), Е. С. Стариков (2005), В. Г. Попов (2006), Ю. В. Цветкова (2011).

Именно за период с 2000 по 2006 годы, когда Вячеслав Григорьевич был сопредседателем и председателем литературно-художественного объединения «Патриот», оно увеличило число своих членов с 8 до 40 и развернуло работу по повышению мастерства литераторов, по пропаганде патриотизма, изданию альманахов, сборников, авторских книг. В сообществе стали бывать не только поэты и прозаики, но также учёные, историки, художники, композиторы, музыканты. Укреплялась связь с местным радио, телевидением, с общественными организациями.

В 2006 году Вячеслав Григорьевич передал должность председателя избранному на очередном собрании клуба новому ру-

ководителю – Наталье Викторовне Семьянской, которая успешно возглавляет это литературное объединение уже 10 лет.

В наших разговорах с В. Поповым на тему влияния группы на становление индивидуального творческого начала мы сошлись во мнении, что научить технике стихосложения можно, и даже стихи получаться будут, но занять своё место в поэзии может только сам автор. Стихи и поэзия – это не синонимы, это разные субстанции, и, чтобы стать настоящим поэтом, не обязательно быть в каком-либо сообществе или учиться в Литературном институте, а вот талант и труд просто необходимы.

С Вячеславом Поповым я познакомился на одной из презентаций, когда он давал интервью республиканскому телевидению. Случайно услышал его откровенные рассуждения о русской литературе в Марий Эл (в эфире была представлена только малая часть его интервью), подошёл, представился. Но он меня заочно знал давно, читал мои публикации, и нам не было нужды даже в первые минуты разговора говорить какие-то общие фразы. Было очевидно, Вячеслав Григорьевич живёт литературой, знает не только писательский бомонд, а гораздо более широкий слой литераторов нашей республики. Он был прост в общении, деликатен и очень предупредителен. Мы стали встречаться не только на писательских собраниях и различных презентациях, которые стали модным явлением нашего времени, но и как приятели.

Несмотря на доброжелательность и миролюбивый характер, Вячеслав Григорьевич проявлял систематическую принципиальность, выступая на собраниях регионального отделения Союза писателей России, а впоследствии и на заседаниях коллегии журнала «Литера».

В. Г. Попов оказал существенную поддержку и при открытии журнала «Литера». Вячеслав Григорьевич был принципиален не только во взглядах, но и в поступках. Едва «Литера» получила статус журнала, в «Марийской правде» была опубликована статья по этому поводу с некоторыми искажениями фактов. В. Г. Попов тотчас обратился с письмом в редакцию газеты, и уже через несколько дней я, как инициатор создания журнала, давал интервью «Марийской правде» о задачах и целях нового журнала.

Вячеслав Григорьевич был одним из самых активных членов редакционной коллегии вышеупомянутого журнала. Он не просто ставил неудобные вопросы, но и предлагал способы их разрешения, причём не только озвучивал свою позицию, но и официально обращался к главному редактору журнала и в министерство культуры республики.

Так случилось, что несколько лет назад мой офис был перемещён на новое место и оказался относительно недалеко от дома, где проживал Вячеслав Григорьевич. Первое время он заходил ко мне запросто, без звонка, но когда несколько раз не смог застать меня на работе, стал перед выходом предварительно звонить по телефону. Зайдя в офис, здоровался, неторопливо проходил к кожаному дивану для посетителей, усаживался и почти всегда начинал наш разговор с какой-либо шутки. Говорили с Вячеславом на разные темы, иногда с юмором, но ирония и шутки сразу исчезали из лексикона, как только мы начинали обсуждать литературные вопросы. На эту тему Вячеслав Григорьевич говорил только серьёзно. Худощавый, опрятный, с бородкой и тростью – он выглядел классическим писателем, тихо и спокойно излагая свои суждения на волнующие его вопросы, то снимая, то поправляя свои очки, при этом он и вовсе смотрелся как-то по-чеховски. Неоднократно, когда я знакомил с ним своих коллег и говорил при этом: «Хочу представить – Вячеслав Попов, поэт, писатель», в ответ можно было услышать: «Сразу видно».

Первый сборник стихов Вячеслава Попова «Стихотворения» увидел свет в 2001 году. Составитель сборника Л. Г. Богомолова так представила его читателям: «В настоящем сборнике произведения расположены в строго хронологическом порядке по месяцам и годам их написания, так как за каждой строфой, даже строкой, будь то лирика, юмор, сатира или стихотворения публицистической направленности, видится сам автор: он как бы на ладони последнего десятилетия ушедшего века. А это десятилетие – на его ладонях».

По сердцу мне природы странность.
Любой день чуден на заре:
Прекрасны утренняя ранность
И запах марта в январе!

Кроме явной лирической направленности в сборнике прослеживаются переживания и боль от негативных изменений в его родном краю:

На заречном поле, словно на погосте,
От конца до края скорбь и тишина.
В опустевшем поле не приветят гостя,
За застольем тихим не нальют вина.

Утро кроет поле саваном тумана,
Позабыло поле ласку да любовь.

Нет уж больше в поле сладкого дурмана.
В сердце поневоле остывает кровь.

В 2004 году вышел второй поэтический сборник В. Попова «На берегах Шули». В предисловии к сборнику профессор, доктор филологических наук Александр Липатов написал: «С любовью к своей малой родине начинается любовь и к своей великой Родине – матушке России. О ней-то, малой родине, стихи Вячеслава Попова, включённые в поэтический сборник «На берегах Шули». В нашу нелёгкую пору российской действительности, как поганки на навозной куче, множатся сонмы злопыхателей, кои тасуют, перекраивают наше прошлое, нашу историю, чернят даже её самые светлые страницы. Поэма «На берегах Шули», давшая название поэтическому сборнику, – это своеобразный спор сына России с её очернителями. Обращаясь к поре детства, он прокладывает туда свою поэтическую стезю. Оттого и по-сыновнему исповедална сама поэма: она – что сказ про возвращение её лирического героя в его военное детство – несъёмное и суровое, «без отцов и материнского надзора», но овеванное ореолом памяти.

У Вячеслава Попова своя манера поэтического видения, зоркий, цепкий взгляд на колдовскую красоту родной стороны: «Смежили веки тополя у ленты дремлющей дороги» («Летняя ночь»), «В зеркала опрокинулась дрема донага облетевших ракет» («Осень»), «Куда-то ночь умчала созвездий поезда» и «Намокнувшим подолом обвис шушун берёз» («Родной передел»).

Александр Тихонович Липатов хорошо знал поэтическое творчество В. Попова и посвятил ему одну из своих критических статей в журнале «Литера» «А реченька Шуля – оси земной частица...». Можно сказать, они (А. Липатов и В. Попов) были друзьями, но у них в оценках поэтических произведений оставались разные подходы, а потому их мнения часто не совпадали. И хотя Вячеслав Попов признавал превосходство Александра Липатова в профессиональном, детальном анализе стихотворений как своих, так и коллег, но не всегда соглашался с мнением Патриарха (так мы между собой звали Александра Тихоновича). Когда профессор А. Т. Липатов передал мне первый вариант своей статьи о творчестве В. Г. Попова для публикации в «Литере», а я, в свою очередь, прочитав статью, пригласил Вячеслава, чтобы он ознакомился с критикой, то мне пришлось успокаивать поэта Попова, так как он был категорически не согласен с конкретными высказываниями нашего известного литературоведа. Пришлось звонить Липатову и согласовывать текст, сглаживая острые углы в его статье. Мы с автором статьи вычеркнули не-

которые строчки только потому, что Вячеслав Попов очень трепетно относился к своим стихам, более трепетно, чем к своей прозе. Он всегда говорил, что принят в Союз писателей как поэт и искренне переживал от любых замечаний в адрес его стихов. Когда я приносил ему очередной номер журнала с публикацией его рассказов, он всегда спрашивал: «Почему рассказ, а где стихи?»

Мы успели опубликовать небольшую подборку стихов Вячеслава Попова в «Литере» при жизни автора. Банк произведений для публикаций, как правило, формируется на ближайшие два номера, но мы учли состояние нашего коллеги (Вячеслав уже был серьёзно болен), и стихи В. Попова были включены в текущий номер, т. е. раньше, чем планировалось.

Я, радостный за Вячеслава, вёз ему только что выпущенный номер журнала. Поэт, измученный болезнью, но сохранивший спокойствие духа и присущее ему чувство юмора, встретил меня лёжа в кровати, со своей очередной шуткой. Читать он уже не мог даже с двумя очками. Иногда пользовался сильной лупой, но она так увеличивала размер текста, что было трудно находить следующее слово, поэтому я читал ему вслух. Я прочитал его стихи со страниц журнала, мы немного побеседовали, и Вячеслав попросил прочитать ему опубликованные стихи ещё раз. Было заметно, как много для него значила эта небольшая публикация его стихов в «Литере». Стихи Вячеслава Попова публиковались в журнале «Ончыко», в альманахе «Дружба», в различных сборниках и книгах, но, несмотря на своё видение развития журнала «Литера», он выше всего ценил наличие своих публикаций именно в этом журнале.

Читать вслух мне приходилось Вячеславу часто. Он был первым слушателем многих моих очерков и рассказов. Слушал он всегда очень внимательно, не перебивал никогда. И только когда текст был весь прочитан, задавал уточняющие вопросы, разбирал удачные и не очень удачные фразы и предложения, и, естественно, давал оценку. Это с его искреннего одобрения я направлял свои рассказы и очерки в редакции.

В конце августа 2015 года Вячеслав позвонил мне и сказал, чтобы я в ближайшие дни приехал к нему. На следующий день я сидел у него в комнате, являющейся одновременно рабочим кабинетом и его спальней. Вячеслав разговор начал неторопливо и, как мне показалось, совершенно спокойно: «Жить мне осталось совсем немного, силы покидают. Хочу через тебя передать всему литературному сообществу, что умираю от рака. Это на тот слу-

чай, чтобы всякие превратные толкования исключить. Обезболивающие принимаю сильные, поэтому, надеюсь, уйду без особых мучений. Вот возьми две подборки стихотворений, если когда-либо представится новая возможность, опубликуйте».

Я пробыл в этот раз с Вячеславом не более получаса (он быстро уставал), но за это время я два раза выходил в прихожую, чтобы не показывать своих слёз. А когда вышел из квартиры, то долго не садился в машину, настолько сильно было впечатление от мужества Вячеслава, его душевного спокойствия в минуты нашего прощания. Я ещё два раза приходил к Вячеславу, но он уже не вставал и узнавал меня лишь по голосу.

Вячеслав Попов умер 17 сентября 2015 года, в день своего рождения.

Несколько лет назад, в очередной приезд в Москву в Союз писателей России я, беседуя с председателем правления Валерием Ганичевым в его кабинете, передал ему в качестве презента только что вышедшую книгу Вячеслава Попова «Красный город», с одноимённой поэмой. Валерий Николаевич полистал книгу, прочитал выборочно несколько строф и сказал:

– Какие вы молодцы! Вы так любите свой город! Душой любите. Это из каждой строчки сочится. Хорошо, что у вас такие поэты есть.

Вячеслав Попов действительно любил свой город, свою родную деревню, свою жену и семью. Он любил жизнь, хотя она не делала ему шикарных подарков, и всё, чего он достиг – достиг трудом и талантом.

У САМОГО БЕЛОГО МОРЯ

Побывать у Белого моря я задумал давно. Ещё в детстве, читая рассказы архангельских писателей о трудной, но романтической, постоянно связанной с морем жизни поморов, я мечтал побывать в местах, где Пётр I построил свой первый корабль «Святой Павел», и где родился основатель русской науки Михаил Ломоносов.

Шли годы. Мне привелось жить на берегу Баренцева моря, купаться в Средиземном, плыть по Балтийскому и отдыхать у Чёрного моря. В многочисленных поездках мне удалось познакомиться с жизнью разных народов в различных регионах нашей необъятной страны, побывать в Европе, но мечта увидеть Белое море и город Архангельск не оставляла меня. Наконец, нашёлся повод, а точнее, я получил приглашение посетить северный край от друга детства, который всю жизнь прожил в Архангельске, Сергея Алешинцева.

Познакомились мы с ним в моей родной деревне Подольская Вологодской области. Его отец каждое лето, как только заканчивались занятия в школе, отправлял Серёжу на «трудотерапию» в нашу деревню. У Сергея в Подольской, на самом берегу реки, жила тётка – Анна Санкова (Подольская Анна Александровна). Всё наше деревенское поколение 60-х годов помнит её. Тогда ещё не было удобного навесного мостика через речку Шарженьгу, и для переправы с одного берега на другой использовались большая лодка и несколько маленьких лодок, которые были выдолблены из больших брёвен, – их называли «бусы». Случалось так, что возвращаясь вечерами из кино, которое показывали в клубе деревни Калинино, расположенной за рекой, мы, подольские парнишки и девчонки, видели, что все лодки на другой стороне. Если это было в июне-июле, то кто-то из ребят переплывал речку и возвращался за остальными на лодке, если же это было в более холодное время, то оставалась одна надежда – на Анну. Мы громко кричали:

– Анюшка, перевези! Анюшка, перевези!

Конечно, немолодой женщине после крестьянской работы не очень-то хотелось вставать с кровати во внеурочное время и перевозить ораву ребятешек, но мы своими криками всё равно

не давали спать, и Анна, как правило, нас доставляла-таки на наш берег.

Сергей не просто жил у своей тётки все летние каникулы, он работал в колхозе наравне со взрослыми и другими деревенскими ребятами. Так продолжалось несколько лет, пока Сергей успешно не закончил школу. Нелёгкий колхозный труд в деревне не только укрепил его физически, дал многосторонние навыки в разнообразной работе, но и изменил его духовно. Сергей успешно окончил среднюю школу и больше не возвращался в деревню. Потом и я покинул родные места, но, регулярно навещая родителей, всегда интересовался у Анны Александровны, где и как живёт Сергей. А он сделал неплохую карьеру и, наконец, вспомнил о деревне, где проводил летнее трудовое перевоспитание.

Я получил от него весточку несколько лет назад. Мы стали переписываться, созванивались и старались во время отпусков одновременно приезжать в Подольскую. Как-то раз было решено, что я побываю у него в Архангельске. И вот в майские дни я собрался и поехал на Север.

Через час после прибытия из Йошкар-Олы в Москву, перейдя с Казанского на Ярославский вокзал, я уже сидел в поезде Москва – Архангельск. Время до Ярославля (первая большая стоянка) пролетело незаметно, а в древнем городе, названном в честь великого русского князя, я прямо с перрона смотрел на памятник Савве Мамонтову. Памятник установлен в честь заслуг известного промышленника и мецената в строительстве Северной железной дороги, по которой и двигался наш поезд. В 1859 году при участии семьи Мамонтовых было создано общество Московско-Ярославской железной дороги. Это было началом. Впоследствии Савва Иванович Мамонтов на собственные деньги построил железную дорогу от Ярославля до Вологды, а затем до Архангельска. Строительство было сопряжено с большими инженерными сложностями в связи с тем, что большая часть дороги проходила по тайге, тундре и болотам. Неоднократно проложенные полотна и рельсы уходили в топь. Снова забивались сваи, насыпался камень и прокладывались рельсы. Так была построена Северная железная дорога, впоследствии переданная в казну, то есть в государственное управление.

Чем дальше поезд уходил на Север, тем заметнее менялся пейзаж за окном: болота, непроходимая тайга, сквозь которую виднелись небольшие речки и ручейки, редкие станции и полустанки.

Зелёное море нарядных деревьев и кустарников сменилось на серый ряд тонких берёзок с ещё нераскрывшимися почками

вдоль железнодорожного полотна, за которым стояла тёмная масса хвойного леса. Кое-где можно было увидеть нарастающий снег. Начиналась северная тайга, а потом и тундра, куда весна только добиралась, осматривалась, но полную власть свою ещё не использовала, хотя дни стояли солнечные и тёплые.

Мне повезло с попутчиками: два офицера с Плесецкого космодрома рассказывали об изменениях, происходящих в армии и непосредственно на их космодроме.

Плесецкий космодром – самый северный в мире полигон для пуска космических ракет, расположенный в 180 км от Архангельска. Космодром ныне переживает финансовое и техническое возрождение. Мои попутчики рассказали, что служить в армии, а тем более в Плесецке, стало гораздо комфортнее, учитывая повышение заработной платы для офицерского состава и стопроцентное обеспечение благоустроенным жильём. Один из собеседников поведал даже, что он отказался от перевода в центральную часть России.

– Край этот суровый, но я здесь родился, вырос, теперь на воинской службе. Здесь мои родители и семья, знакомые места, рыбалка, охота и хорошая работа. Бывал я в регионах с тёплым климатом, но отсюда уезжать никуда не хочу. Да и нужен я здесь.

На станции Плесецкая офицеры попрощались со мной и вышли из вагона, а я стал готовиться к встрече с Архангельском. За окном увидел несколько горельников, вид которых оставлял удручающее впечатление. После лесных пожаров здесь, по видимому, никаких работ по уборке и использованию горелых деревьев не производилось. В стране ежегодно сотни тысяч гектаров леса подвергается лесным пожарам. Марий Эл, где я прожил всю сознательную жизнь, не исключение, но у нас на горельниках оперативно производят соответствующие работы, причём лес, пострадавший от пожаров, передаётся предпринимателям для использования без оплаты. И уже через пару-тройку лет на месте выгоревшего лесного массива можно увидеть новые насаждения – это заслуга работников лесного хозяйства республики.

Утром наш поезд прибыл в Архангельск. Сергей с сыном Павлом, который был у нас в этот и последующие дни моего пребывания в поморской столице в качестве водителя, встретили меня тепло и радостно, и мы поехали в сторону Соломбалы, где они проживали. Ехали мы по центральным улицам Архангельска, и я с удовольствием смотрел из окна машины на новый для меня город, о котором так много читал и слышал. Под под-

робные комментарии Сергея об улицах, зданиях и памятниках города мы скоро были в квартире Алешинцевых.

Затем мы поехали в Малые Корелы – так называется место на выезде из города, где расположен этнографический музей под открытым небом. Здесь расположились строения, привезённые из различных поморских сёл и деревень. Деревянные церкви и часовни, избы в несколько секций, сделанные без единого гвоздя, приобретённые у владельцев в архангельских деревнях, были разобраны на брёвна и перевезены в Малые Корелы. Вновь собранные и поставленные здесь, они радуют и удивляют горожан и туристов.

Окна в домах поморов располагаются гораздо выше, чем это принято в Ярославской, Костромской, Вологодской и других областях северных и средних широт. Этому есть своё резонное объяснение. Кроме сильных морозов, зима приносит в край поморов невероятное количество снега, который засыпает дома по самые окна, и его не убирают – это даёт возможность более надёжно сохранять тепло. Деревенские жители на протяжении веков очищали снег только от входной двери в жилое помещение и в хозяйственные пристройки, в скотный двор, где находилась домашняя скотина: коровы, лошади, овцы. Дома у поморов, как правило, из нескольких помещений, сделанные из строевого леса, причём сам дом, хлев, дровяник находятся под одной крышей. Над хлевом был ещё один этаж, где складировалось сено, туда вёл специальный въезд, или как его называли, «взвоз» из бревенчатого настила, по которому на лошадях, запряжённых в сани, доставлялось сено. Когда требовалось кормить скотину, хозяева через специальное отверстие сбрасывали сено вниз на оборудованный деревянный приёмник, как бы обеденный стол для крупного домашнего скота, его называли «ясли».

В этот день в Малых Корелах проводился детский фестиваль поморского творчества. На празднике музыки, песни и танцев собралось 65 детских коллективов области, это около тысячи участников. Вся этнографическая деревня была заполнена участниками фестиваля, одетыми в русские национальные наряды, гостями и многочисленными зрителями, которые стояли около сценических площадок, прогуливались возле домов, церквей и часовен или сидели в тени на скамеечках.

Среди участников и отдыхающих выделялись репортёры с фотоаппаратами и телевизионщики с аппаратурой. Принимающая сторона «слила» представителям местного телевидения информацию, что на фестивале присутствует писатель из Ма-

рий Эл, и те тотчас же решили взять у меня интервью. Свежий взгляд на фестиваль, видимо, им был интересен и через несколько минут я с воодушевлением говорил на камеру о возрождении духовности России, о культуре Северо-Запада нашей страны и, естественно, о гостеприимстве архангельцев. Надо отдать должное: интервью на следующий день демонстрировалось по местному телевидению.

Осмотрев всё, что было возможно, пообщавшись с участниками фестиваля и купив в сувенирной лавке берестяной оберег, мы покидали этот чудесный праздник русского духа, который свято сохраняется в поморском крае и который не нужно искать в глубине души местных жителей – он весь на виду, в гостеприимстве и доброжелательности, независимости и упорстве, неторопливости и чувстве единения с природой и обществом.

Я не зря сказал о независимости поморов и жителей других северных областей нашей страны. У крестьян и поморов, населявших эти края веками, была нелёгкая жизнь: приходилось трудиться от рассвета до заката, чтобы в далеко неблагоприятных климатических условиях, в местах сплошной тайги получать урожай достаточный, чтобы прокормить многочисленную семью. Не менее трудно давался улов рыбы с лодок и небольших карбасов. С другой стороны, эти края, включая Вологодскую и Костромскую области, никогда не страдали, например, от нашествий монголо-татар, от этого великого бедствия Руси, здесь никогда не было крепостного права, отсутствовало помещичье землевладение. Свободные трудолюбивые люди всегда доброжелательно встречали путников и пришельцев, не ожидая от них зла. И даже гражданская война, голодные тридцатые годы, коллективизация, политика государства в части «неперспективных» деревень в шестидесятые годы прошлого века и развал сельского хозяйства в девяностые не смогли коренным образом изменить душу и философию русского северного крестьянина и помора, сложившуюся во глубине веков. Здесь живут не просто исконно русские люди с христианской верой, а носители русской национальной идеи. Не надо писать многочисленные трактаты о её поиске и, рисуясь, срывать голос на телепередачах. Приезжайте, смотрите, разговаривайте – и всё поймёте.

Многочисленные встречи в этой поездке ещё раз подтвердили моё убеждение в этом важном вопросе. Тысячелетие ушло на укрепление единства русского народа, но при всём при этом каждый город, каждое село оставались строго индивидуальными

и неповторимыми. Не зря в ходу у поморов поговорка «Что ни город – то норы, что ни двор – то обычай».

Вечером мы с Сергеем пошли прогуляться по Соломбале. Этот остров является неотъемлемой частью Архангельска, но он имеет не менее древнюю историю, чем сам Архангельск. Впервые Соломбала упоминается в списке Двинских земель, составленном после победы московской рати над новгородцами в битве у Шиленьги в 1471 году. Архангельск же основан по указу Ивана Грозного в 1584 году вблизи Михайло-Архангельского монастыря (отсюда название города). С конца 80-х годов XVI века Архангельск (Новые Холмогоры) становится столпом русской внешней торговли, приносившим до 60 процентов доходов государственной казны.

Рост торговли сопровождался развитием города. Его центром стал порт. К концу XVII века и в последующем столетии город рос вдоль Северной Двины. Таким сложился Архангельск к эпохе Петра I.

Интерес Петра Великого к единственному в то время русскому морскому порту возник одновременно с замыслом о строительстве флота. 18 сентября 1693 года Петр I собственноручно заложил здесь торговый морской корабль «Святой Павел», а в свой следующий приезд, 20 мая 1694 года, подрубил опоры уже построенного корабля и спустил его на воду. За полтора века здесь было построено около 700 больших и малых судов.

Однако начиная с 1713 года, царь своими указами начал стеснять торговлю через Архангельск, фактически жертвуя его интересами в пользу нового балтийского порта – Санкт-Петербурга. В Архангельск он разрешил ввозить только такое количество товаров, которое было необходимо «для прокорма населения». В 1718 году Петр I издал указ, запрещающий экспорт хлеба и импорт большей части заграничных товаров через Архангельск. Число кораблей, приходивших в Архангельск, резко сократилось. Если в 1715 году в порт пришло 230 судов, то в 1724-м – всего 19.

И хотя во времена правления Екатерины I, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II ограничений на внешнюю торговлю через Архангельск уже не было, город не смог вернуть себе статус главного порта России, но оставался крупным кораблестроительным центром.

В конце XIX – начале XX века Архангельск превратился в крупнейший лесопромышленный и лесозэкспортный центр страны. Город также служил важной базой для освоения Арктики и налаживания судоходства по Северному морскому пути. От

причалов порта отправлялись многие полярные исследовательские экспедиции, в том числе В. Я. Чичагова, Ф. П. Литке, В. А. Русанова, П. К. Пахтусова, Г. Я. Седова. В 1915 году при управлении Архангельского торгового порта было открыто ледокольное бюро, в составе которого насчитывалось 13 ледоколов и ледокольных судов, положивших начало ледокольной флотилии. Эти суда в зимнюю навигацию обеспечивали проводку судов от горла Белого моря в Архангельск.

С разговорами об истории Архангельска и его нынешней судьбе мы гуляли по берегу речки Соломбалки, затем шли вдоль речки Кузнечихи. На острове Соломбала сохранилось много частных домов. Местами рядом с ними лежали опрокинутые вверх дном лодки. Было видно, что многие из них давно уже не использовались.

Вечером я сидел перед телевизором и смотрел местные вечерние новости. Один из сюжетов мне запомнился: крупным планом на экране был продемонстрирован небольшой пассажирский теплоход речного класса «Балхаш», совершающий регулярные рейсы по Северной Двине вот уже 70 лет. Телеведущая уточнила, что это самый старый эксплуатируемый теплоход в стране, а, возможно, и в мире. Я ещё не подозревал, что вскоре увижу его воочию.

На следующее утро мы поехали в центр города, осмотрели Воскресенский проспект, или, как его называют сами горожане, улицу Рябиновую. Неформальное название получено из-за большого количества растущих вдоль проспекта рябин. Ближе к обеду мы приехали на причал, чтобы на каком-либо рейсовом теплоходе совершить небольшое путешествие по Северной Двине. На набережной центральное место занимало большое классическое здание, у самой крыши которого была видна надпись крупными буквами: «Пассажирский речной порт». Мы зашли туда посмотреть расписание, выбрать подходящий маршрут и купить билеты. Но, к нашему удивлению, всё здание было переоборудовано в торговый центр, видимо, только вывеску не удосужились сменить новые владельцы. Поскольку шопинг не входил в наши планы, мы покинули торговые залы. На улице я спросил продавщиц, которые непринуждённо болтали с сигаретами в руках:

- А где же пассажирский причал?
- Идите по набережной – увидите.

Мы нашли то, что нам было нужно, но это привело меня в некоторое замешательство: три дебаркадера на расстоянии 150–200 метров друг от друга и будка на берегу, на которой размеще-

но расписание теплоходов. Сам берег, который по определению должен быть причалом, укреплен со стороны реки деревянными столбами и брёвнами, которые обветшали от времени и воды. Всё это выглядело очень печально. Рядом возвышалась стройка: возводился новый храм Михаила Архангела, и за деревянным забором виднелись складированные стройматериалы.

Мы не успели толком изучить расписание, как наше внимание привлёк шум приближающегося теплохода. К моему удивлению, это был «Балхаш», раритетное судно, претендующее на место в книге рекордов Гиннеса.

– Замечательно! Вот на нём мы и поплывём, – услышал я голос Сергея.

– Только не это! – воскликнул я. – Давай подождём что-нибудь другое. – Меня совсем не радовала перспектива путешествия на столь древнем теплоходе, который помнил времена, когда его двигатель был ещё газогенераторным.

Но принимающая сторона была непреклонна. Меня спасло лишь то обстоятельство, что «Балхаш» отправлялся в рейс только через час. Мы благополучно взошли на борт другого, уже современного, теплохода, и я, успокоенный и довольный, взирал на удаляющийся город с верхней палубы, обдуваемой ветром и мелкой освежающей россыпью воды. С упоением я смотрел на речную гладь великой реки и на острова, что встречаются повсеместно, если плыть по Северной Двине. В дельте этой северной реки располагается около 300 больших и малых островов, имеющих странные и одновременно остроумные названия: Долгое, Пустошь, Хвосты, Свинец, Пустой двор, Ластокурья и т. д.

Мы причалили у Кегострова. На острове поразило большое количество бараков, построенных ещё в 1950 – 1960-е годы, когда здесь было организовано крупное лесоперерабатывающее предприятие, а также развивалось морское рыболовство. Всё это в прошлом, а сейчас оставшиеся без работы люди просто выживают и доживают в старых домах барачного типа. Конечно, молодёжь и люди среднего возраста уехали, но перебраться на постоянное место жительства в другой регион могут далеко не все. Кстати, это проблема не только отдельного посёлка, но и всего Архангельска. Бараков здесь не просто много – их несметное количество. Это целые улицы и районы города, построенные во времена промышленного послевоенного подъёма, когда лесоперерабатывающая и рыбная отрасли требовали десятки тысяч новых рабочих рук. Двухэтажные деревянные бараки с печным отоплением и без удобств были построены в основном как временное жильё

и давно выполнили своё предназначение, но сносить их в массовом порядке и предоставлять людям другое благоустроенное жильё не было финансовой возможности ни в бюджете города, ни в бюджете области. Когда-то Архангельская область считалась «всесоюзной лесопилкой». Заготовка леса, сплав его и переработка приносили доход региону и хорошие заработки населению. Здесь постоянно требовались трактористы, вальщики леса, сплащики и другие работники. В начале 90-х годов всё изменилось: леспромхозы и лесокомбинаты или перешли в частную собственность, или были ликвидированы через банкротство. Новые владельцы предприятий «сняли сливки» от хищнической заготовки леса в мутные 90-е годы, а когда возникла необходимость дальнейшего производства, для чего надо было углубляться в тайгу, соответственно строить дороги и необходимые коммуникации, многие хозяева предпочли распродать имеющееся оборудование и технику и вовсе уехать из мест, что дали им возможность столь быстрого обогащения, а тысячи и тысячи людей, работавших в лесной отрасли, остались без работы и продолжали жить в типовых, сложенных из бруса бараках.

На обратном пути я сделал несколько снимков Архангельска и Соломбалы со стороны реки. Наш комфортный теплоход благополучно причалил к совершенно некомфортному причалу, и мы отправились дальше на автобусе. К слову сказать, автобусное сообщение в Архангельске заслуживает бесспорной похвалы. Здесь нет маршруток в нашем понимании, но их роль выполняют небольшие автобусы, которые курсируют с завидной регулярностью, позволяющей пассажирам не стоять в томительном ожидании на остановках. Когда-то в городе функционировал трамвайный и троллейбусный транспорт, но сейчас их полностью и довольно успешно заменили вездесущие автобусы с бесчисленным количеством маршрутов.

Вечером того же дня я поехал на железнодорожный вокзал, где по предварительной договорённости должен был встретиться с тётёй Нилой (родной сестры моей мамы), двоюродной сестрой Ириной, её мужем Александром и внуком Кириллом. Все они проживают в городе Кола Мурманской области, но на летние месяцы поехали в Архангельскую область, где в отдалённом районе, в деревне, недалеко от посёлка Березник, построили дом. Деревня, куда они направлялись, – родина родителей Александра. Зов предков – только так можно охарактеризовать желание построить дом в таком далёком районе. Не испугало ни отсутствие хороших дорог, ни расстояние. Решили и построили.

Из Мурманска до Архангельска поездом, далее на автомашине, до предела загруженной вещами.

Мурманск – близкий для меня город, и я с радостью встретился со своими родственниками, прибывшими из Заполярья. У русских людей очень чётко прослеживается тяга к родным местам. Мы преодолеваем большие расстояния – даже по меркам нашей страны, не считаясь со временем и неудобствами, лишь бы снова прикоснуться к той земле, где прошло детство, где похоронены родители, деды и прадеды и где сама природная аура возвращает тебя в мир малой родины, без любви к которой не может быть любви к Родине как стране.

Третий день моего пребывания в столице Поморья был посвящён делам литературным и непосредственному знакомству с Белым морем. К десяти утра мы отправились в редакцию литературно-художественного журнала «Двина», где состоялась встреча с редактором этого ежеквартального издания Михаилом Поповым и другими писателями. Оказалось, что у журнала «Двина» и журнала «Литера», который издаётся в Марий Эл, похожие, если не сказать одинаковые, проблемы, что меня, как члена редакционной коллегии, особенно заинтересовало. Содержательная беседа позволила привезти в Йошкар-Олу несколько идей, контур которых вырисовался в разговоре с Михаилом Поповым и его коллегами. Но говорили не только о литературе, а в первую очередь, о России, о развитии северных регионов, патриотизме и молодёжи.

Литературное сообщество Архангельска может гордиться не только известными на всю Россию – в прошлом и настоящем – фамилиями писателей, у него постоянные крепкие связи с писательскими организациями других регионов: Москвы, Мурманска, Ярославля. Меня особенно впечатлили традиционные творческие связи с вологодскими писателями. Да и как иначе, если такие авторы как Николай Рубцов, Александр Яшин, Ольга Фокина справедливо считаются как вологодскими, так и архангельскими писателями и поэтами, поскольку их жизнь связана с обоими регионами. Точнее – это писатели Русского Севера, писатели России.

Сам журнал «Двина», можно сказать, является зеркалом словесности Русского Севера. В нём представлены национальные классики – уроженцы Поморья: Борис Шергин, Степан Писахов, Фёдор Абрамов, Алексей Чапыгин. Среди авторов журнала – практически все известные писатели и литераторы Архангельской писательской организации. Круг авторов широк и разнообразен и не ограничивается представителями Поморья –

здесь печатаются писатели со всего северо-запада России, Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов.

Листая подборку журнала за последние два года, любезно подаренную мне Михаилом Константиновичем, я был приятно удивлён спектром тем и проблем, поднимаемых журналом. Это не только литература в обычном понимании этого слова. Здесь регулярно печатаются публицистические, исследовательские, исторические материалы, очерки о прошлом и статьи о современных проблемах общества. Причём Михаилу Попову, который допускает на страницах журнала альтернативные суждения и взгляды авторов, что поддерживает постоянный интерес читателя к журналу, удалось решить непростую задачу – выдерживать основной курс патриотического и гражданского направления издания.

После обеда на автомашине, водителем которой привычно был Павел (рядом с ним сидела его жена Наташа – разработчик маршрута на этот день), мы отправились к Белому морю. Это был апогей моей поездки в Архангельск, ради которого всё и было затеяно. По ровной дороге мы быстро одолели 35 км и оказались в городе Северодвинске – центре атомного судостроения России. Город изначально строился как градообразующий для судостроительных заводов, расположенных в дельте Северной Двины, в наиболее защищённом месте, благодаря узкой горловине Белого моря. Сейчас на верфях Северодвинска строятся и ремонтируются атомные и дизельные подлодки. Один их вид вызывает чувство гордости за наш военный флот. Но посмотреть нам удалось только издалека, близко подъехать мы не смогли – не положено. Северодвинск – это современный ухоженный город. Мой придиричивый взгляд не нашёл ничего, в чём можно было бы упрекнуть северодвинцев – всюду порядок и чистота.

Порадовавшись за Северодвинск и за весь флот нашей страны, мы поехали дальше – к морю, куда проезд уже был абсолютно свободен. День был солнечным, небо светилось необыкновенной северной голубизной, стоящие вдоль дороги сосны были не очень высокими, но крепкими и ветвистыми. Это был не корабельный лес, который отличается высотой сосен и отсутствием сучьев в нижней и средней части деревьев, а настоящий сосновый бор, как будто предназначенный для того, чтобы люди здесь наслаждались чистотой воздуха и первозданностью природы. Мы оставили машину на импровизированной стоянке и пошли пешком. Море открылось как-то сразу, внезапно, и своей широтой и лучезарностью сразу покорило меня. В этот день оно

как будто оправдывало своё название больше светлой, чем синей или голубой бирюзовостью, с лёгкой расплывчатой дымкой, улывающей к горизонту. В чистом мелком песке, образующем природный пляж, ноги утопали в самом настоящем смысле слова; я снял ботинки и, радостный, пошёл к самому берегу, где невысокие волны накатывались на белый песок, оставляя за собой шлейф из маленьких камушек и ракушек. Я шёл, широко распахнув руки, словно хотел обнять это необъятное, пьянящее море в солнечных лучах заканчивающегося дня.

– Здравствуй, море мечты моей! Как долго я шёл к тебе! – Загнув штанины джинсов и закатав рукава у рубашки, я шагнул в воду, которая совсем не была холодной, а скорее прохладно-обволакивающей, щемяще-приятной, ласкающей меня с истинным поморским гостеприимством.

Слева были видны очертания домов Северодвинска, а справа – бесконечная, безудержная и манящая гладь Белого моря. Море, затем берег с тёплым песком и через 100–150 метров стена соснового бора с широкими причудливыми стволами сосен и такими же крепкими ветками – всё это не создавало иллюзию гармоничного сочетания элементов природы, а было самой гармонией, которой я безудержно и открыто наслаждался и восхищался.

Восхищаться можно не только настоящим Белого моря, но и его историей. До XVII века море называлось Студёное, Соловецкое, Северное, Спокойное, Белый залив. В скандинавской мифологии оно было известно под названиями Гандвик и Залив змей из-за изогнутой береговой линии.

Насыщенная эмоциями наша группа вернулась в Архангельск. После доброго ужина я пожелал Сергею набраться терпения ещё на два дня, которые я проведу в его обществе. Эти дни были посвящены встречам с интересными людьми и дальнейшему знакомству с городом. Я уже упоминал об открытости и душевности потомков северных поморов, которые позволяют себе вести беседы и разговоры легко и непринуждённо. А когда собеседник является очевидцем каких-либо важных событий, то это не просто интересно, в этом случае ты осознаёшь, что один человек – это целый мир со своей судьбой и предназначением.

Одна из таких встреч состоялась с бывшим капитаном дальнего плавания, участником Великой Отечественной войны, Копытовым Юрием Петровичем, который юнгой, с 14 лет, принимал участие в Северных конвоях. Тема Северных конвоев мне близка, так как мой отец, Подольский Анатолий Алексан-

дрович, был непосредственным участником тех событий и сопровождал на кораблях охранения американские и английские суда, шедшие с военной и гуманитарной помощью в Мурманск и Архангельск. Юрий Петрович хорошо помнит события тех лет и свято чтит память о совместных с союзниками походах в северные порты нашей страны. Походы эти носили иногда трагический характер: в пучинах северных морей погибло немало русских, английских и американских моряков. Но грузы, которые доставлялись Северными конвоями, были просто необходимы для успешного ведения боевых действий против фашистской Германии во второй мировой войне.

Вся жизнь Юрия Петровича связана с морем: многие годы уже после окончания войны он плывал на торговых судах, в том числе и в качестве капитана. Сейчас ветеран войны и труда находится на заслуженном отдыхе, пишет мемуары и участвует в общественной жизни. Регулярно в мае он ездил в Лондон по приглашению английской стороны на праздничные мероприятия в честь Победы над фашистской Германией. На обеде, по случаю встречи участников Северных конвоев, всегда присутствовала королева Елизавета II со своим мужем. Нынче ветеран по состоянию здоровья не смог поехать на встречу с ветеранами, но он знает, что на этот раз королева Елизавета II не почтила своим присутствием участников встречи. Английские традиции, как правило, сохраняются даже не десятилетиями, а веками. Что такого из ряда вон выходящего должно было случиться, чтобы английское королевское семейство нарушило устоявшуюся традицию? Сообщений о болезни королевы не поступало, значит, вывод один: причина в оголтелой, агрессивной кампании, развязанной правящими кругами Запада и средствами массовой информации против России в связи с событиями на Украине. У ветеранов Северных конвоев с английской стороны позиция другая: с Россией надо дружить и, как минимум, находить компромисс. Это аксиома. Если политики не помнят истории, история не запомнит этих политиков.

Я пожелал Юрию Петровичу здоровья и попросил передать самые добрые пожелания его знакомым из Англии – ветеранам Северных конвоев.

В этот день состоялась ещё одна встреча с очень интересным человеком, директором и хранителем Архангельского литературного музея – Егоровым Борисом Михайловичем, который на протяжении более 20 лет собирает материалы для музея, устраивает экспозиции и сам выступает в качестве экскурсовода и консультанта. Кроме того, помогает в издании книг архангель-

ским писателям и ведёт переписку с огромным количеством корреспондентов из разных стран.

Здесь я увидел книги с дарственными надписями, присланные в музей из своих личных библиотек многими известными государственными и политическими деятелями.

Борис Михайлович после долгой беседы и чаепития показал мне небольшую брошюру, присланную через Латиноамериканский отдел Министерства иностранных дел РФ из Южной Америки. Это был единственный экземпляр перевода одного из стихотворений А. С. Пушкина на язык племени бао-бао. На этом языке говорят местные индейцы, есть даже письменность, а вот теперь и перевод стихотворения великого Пушкина.

Борис Михайлович – это сгусток энергии, деловитости и вместе с тем бескорыстная, глубоко порядочная натура.

– Вот намедни, – рассказывал он, – в выходной день губернатор области Игорь Сергеевич Орлов заходил вместе с сыном. Пришёл как частное лицо, мы пили чай, беседовали.

Губернатор, видимо, был наслышан о литературном музее и, как человек интеллигентный, не упустил возможности увидеть воочию экспозицию музея.

– Вы хоть воспользовались случаем и что-то для музея попросили или хотя бы намекнули? – не удержался я от естественного вопроса.

– Нет, – был ответ бессменного хранителя уникального музея. – У власти все что-то просят. Мы же с губернатором просто беседовали. Ему было легко со мной, и я вёл себя непринуждённо. А если захочет, он сам, без подсказки поможет. В нашем деле без души нельзя.

И я понимал, что этот седой, с аккуратной бородкой человек, отдающий все силы и собственные сбережения на благородное, но не всегда благодарное дело, абсолютно искренен.

Музей занимает довольно просторное помещение старинного деревянного особняка на пешеходном проспекте Чумбарова-Лучинского и имеет несколько комнат, где расположены сотни различных экспонатов. Здесь собраны книги архангельских писателей и поэтов, редкие, уникальные экземпляры старинных книг, письма и рукописи известных писателей. Имеется экспозиция вещей, утвари и посуды из поморского быта. Борис Михайлович постоянно реализует какие-то проекты. В настоящее время он занят большой работой, связанной с изданиями произведений А. С. Пушкина. До поры до времени он просил не разглашать суть проекта, поэтому скажу только, что проект уникален. Дого-

ворившись поддерживать контакты, мы расставались с Борисом Михайловичем уже единомышленниками и друзьями.

Четвёртый, последний, день моего пребывания не был днём разгрузочным, а скорее таким же интересным и насыщенным, как и предыдущие дни. С утра мы отправились гулять по городу и продолжить знакомство с достопримечательностями и памятниками. Каждый город имеет свои изюминки и особенки не только в архитектуре, но и среди памятников. Архангельск – не исключение. На набережной я фотографировался рядом с обелиском Петра I, стелой Воинской славы и памятником тюленю, который благодарные горожане поставили в память о трудных голодных годах войны, когда многие архангельцы выжили только благодаря мясу и жиру этого полярного животного.

На проспекте Чумбарова-Лучинского я поздоровался со скульптурой Степана Писахова и по принятому обычаю потёр ладонью его блестящий от многочисленных прикосновений бронзовый нос. Затем я сфотографировался рядом с фигурой помора в шапке-ушанке, посидел на памятнике селёдке и постоял рядом с памятником поморке, ожидающей мужа.

О поморах, их жёнах и укладе семейной жизни шёл наш разговор с потомственным рыбаком-помором Алексеем Прохоровичем, с которым мы встретились в просторном, очень приличном и уютном кафе. Всю жизнь его дед, отец и он сам ходили в море. Но о жизни моряков и рыбаков Алексей Прохорович говорил с печалью. Просто в последние годы в рыболовной отрасли севера многое идёт «наперекосяк». С удовольствием вкушая селёдку, поданную нам к пиву, и отпустив очередной комплимент качеству рыбы (а селёдка в самом деле была отменной, свежей и необычайно вкусной), я сразу спросил:

– А что именно наперекосяк?

– Говорить можно долго и много, проблем немало, но главное – это то, что суда, занимающиеся промыслом рыбы, не выгружают рыбу в порту Архангельска, а делают это в портах Норвегии. Там закупочные цены более высокие, а разгрузка рыбы занимает гораздо меньше времени, к тому же норвежцы оперативно делают необходимый ремонт на наших судах, что при сезонной работе рыбаков много значит. Вот и получается, что рыба выгружается в Норвегии, там перерабатывается, а затем продаётся в Россию по соответствующим ценам. Что-либо сделать с этим, наверное, можно, но скорее всего на федеральном уровне, потому как рынок определяет цену и место сбыта.

Сам Алексей Прохорович уже давно плавает на судах под флагами иностранных государств, а когда приглашений на работу нет, занимается на такси частным извозом, но дело это невыгодное, так как дороги в Архангельске оставляют желать лучшего, и его иномарка требует частого ремонта после поездок по разбитым улицам и переулкам.

Разговор плавно перешёл к культуре поморской кухни, и на мой вопрос: «Почему сёмга и селёдка здесь, в Архангельске, гораздо вкуснее, чем в средней полосе России?» Алексей ответил, что архангельцы традиционно разбираются в морских продуктах и готовят, как правило, свежую, а не размороженную рыбу. Что касается семейных ценностей, то мне было поведано, что издревле в поморских семьях было принято не возражать мужу, а послушаться его считалось большим проступком.

Традиционные семейные ценности – это основа архангельских ячеек общества в самом лучшем значении этой фразы. Верность, послушание жены и почитание мужа – вот столпы, на которых всегда держались архангельские семьи. Наглядным примером слов моего собеседника было какое-то внутреннее единение приютившей меня на временный постой семьи Алешинцевых. Создавалось впечатление, что жена Сергея – Елена Геннадьевна – загодя знает, что будет говорить, а тем более делать её муж, а если он что-то делает не так, она очень мягко и деликатно поправит его, при общем впечатлении, что жена в семье лишь во всём соглашается с мужем. На самом деле хозяйка дома просто знает, как сохранить покой и доверительную атмосферу в семье.

В этот день у нас оставался ещё один визит: в школу ремёсел Владимира Бурчевского. К этому времени я уже посетил не одну сувенирную лавку в городе и имел представление о ремёслах и декоративно-прикладном творчестве поморского края. Но то, что нам показали сотрудники школы ремёсел, превзошло все ожидания. В школе в различных секциях занимаются дети разных возрастов, они создают не просто поделки, а можно сказать, произведения искусства. Фигуры из дерева, вышитые узоры, картины из различных материалов, глиняные скульптуры и т. д. Ещё до посещения этого центра детских ремёсел я уже знал, что в Архангельской области развиты в детской и юношеской среде хореография, различные музыкальные направления, бальные и спортивные танцы. Всё это в основном зиждется на энтузиазме конкретных педагогов и руководителей секций, которые сохранили традиционные направления внеклассной работы с детьми с советских времен. Школа Владими-

ра Бурчевского, безусловно, дополнила мои представления о развитии детского творчества в Архангельске – городе, в котором я провёл четыре насыщенных дня.

Люди – вот главная ценность этого сурового, но гостеприимного края. Алмазные разработки, грандиозные судоверфи, космодром, запасы леса и рыбы – это основа экономики области. Петр I, северные исследователи и первооткрыватели, Михаил Ломоносов, оккупация во время гражданской войны и Северные конвои в годы второй мировой – это история Поморья. Экономика и история создаются и совершаются людьми. А народ здешний воплотил в себе не только радушие и гостеприимство, мудрость и интеллект, но и умение вершить великие дела и радоваться жизни.

Рано утром следующего дня я отправлялся из Архангельска в обратный путь до Москвы и дальше – в родную Йошкар-Олу. На вокзале меня провожали Сергей и Павел – мои спутники в Архангельске.

Позади остались Белое море, Северная Двина и Соломбала, но впечатления, которые подарил мне этот чудесный северный край со всеми его гротесками и парадоксами, великолепием и неповторимостью, навсегда останутся в моей душе как нечто родное и близкое и в то же время далёкое и непознанное.

Спустя два года после посещения Архангельска и побережья Белого моря, которые оставили навсегда неизгладимые впечатления, я получил письмо от губернатора Архангельской области Орлова Игоря Александровича, которое считаю возможным привести здесь полностью:

Уважаемый Анатолий Анатольевич!

Благодарю Вас за статью «У самого белого моря». Прочитал, как говорится, «на одном дыхании». Для меня самое важное, что Вы, независимый наблюдатель, гость нашего края, простым, душевным слогом описали Архангельскую область такой, какая она есть: неповторимая природа, огромный экономический потенциал, особенное положение в истории страны, богатое историко-культурное наследие и – главное – душевные, открытые, трудолюбивые люди. Радует, что это действительно непредвзятая оценка нашего региона.

Мне бы хотелось, чтобы как можно больше россиян, следуя Вашему примеру, «задумали побывать» у Белого моря. Чтобы каждый гость, кто приезжает к нам, нашёл здесь частичку чего-то своего, родного, того, что позволит

ему полюбить Архангельскую область так, как любим её мы. Чтобы как можно больше жителей России узнали о нашем северном крае, а жители Архангельской области гордились тем, что живут здесь и создают историю своими добрыми делами.

Анатолий Анатольевич, за короткий промежуток времени, что Вы гостили у нас, Вы увидели очень многое, но далеко не всё. Желая Вам продумать новые маршруты по Архангельской области, которые позволят открыть для себя неповторимую красоту Соловецких островов и суровой Арктики, первозданную природу Кенозерского национального парка, великолепие храмов Каргополя и Сольвычегодска, обаяние архангельских деревень, а также тех мест, в которых проживали Ломоносов, Писахов, Абрамов, Бродский, Рубцов. Мы всегда готовы делиться этим. До новых встреч на архангельской земле!

С уважением И. А. Орлов

ВПЕРВЫЕ В ТАРНОГЕ

За месяц до Нового года мы с женой получили приглашение на юбилей к моему двоюродному брату Василию Камкину в Тарногский Городок Вологодской области. Юбилейное мероприятие было назначено на первую декаду января, и у нас было время подготовиться к поездке. Внимательно изучили на карте местонахождение древнего села, основанного как один из опорных пунктов новгородцев во времена освоения севера.

Я родился и вырос в Никольском районе, а когда пришло время покинуть родные места, приезжал на побывку домой, как правило, через Вологду, а затем самолётом до Никольска. Позднее, когда личные автомашины стали делом обыденным и даже необходимым, неоднократно всей семьёй мы ездили из Йошкар-Олы через Урень, Шарью, Кострому, Ярославль, Вологду, Тотьму в Никольский район. Но в последние 12–14 лет уже нет необходимости делать тысячекилометровый крюк от Шарьи на Вологду и Тотьму: от узловой станции Шарья на Никольск ведёт новая асфальтовая дорога, по которой мчат современные иномарки. Этот факт сократил наши путешествия в разы, и сейчас расстояние по шоссе от столицы Марий Эл Йошкар-Олы до районного центра Никольск составляет всего 500 километров.

Бывал я и в Великом Устюге, в городе, поражающем и радующем обилием церквей и старинных деревянных зданий, которые так искренне передают дух древних русских городов. Ещё со школы знаем, что наша речка Шарженьга впадает в реку Юг, которая соединяется у Великого Устюга с Сухоной, а та, в свою очередь, смешав свои воды с Вычегдой у Котлоса, образует Северную Двину.

Однажды, почти 30 лет назад, когда наша дочка Катя была ещё совсем маленькой, мы добрались до Котлоса поездом, затем на речном катере до Устюга, откуда самолётом АН-2 улетели в Никольск.

В 1970–1980-е годы, когда дороги на Никольск практически не было, пассажиры в основном пользовались услугами аэрофлота. Бывали случаи, когда в Вологодском аэропорту не было билетов на Никольск (в кассах Вологды всегда была очередь, и билеты продавали по записи), тогда я летел до Кич-Городка,

оттуда на автобусе или на попутках добирался до Никольска. Были и другие путешествия, связанные с восточной частью Вологодской области, но ни одно из них не предполагало посещение Тарноги. И вот есть повод...

Из Йошкар-Олы выехали около восьми часов утра. Проехали Килемары (Марий Эл), Шарангу, Тонкино, Урень, Ветлугу (Нижегородская область), Шарью (Костромская область) и около двух часов дня были уже в Никольске, славном представителе Вологодчины на Северных Увалах. Никольск – мой родной город, и при каждом его посещении стараюсь встретиться с разными людьми, как правило, это родственники, творческие или просто интересные люди. Кроме того, надо посетить редакцию местной газеты, библиотеку, администрацию района. Но в этот раз мы прибыли в дни новогодних каникул, народ отдыхал, и наши встречи были сокращены до минимума. Переночевав в доме двоюродного брата Саша Камкина, мы уже на двух машинах выехали в Тарногский Городок. Выехали не рано, поскольку Александру с утра необходимо было решить деловые вопросы. Он по дороге куда-то звонил, заезжал, и в итоге вторая машина, за рулём которой он находился, прибыла в Тарногу позднее нас.

Дорога до поворота у Великого Устюга не вызывала никаких нареканий, была очищена и удобна, ехали мы не напрягаясь, и я своим родственникам – спутницам Любе и Фае, которые ехали со мной на юбилей из Никольска, рассказывал, что Великий Устюг занимает особое место в истории нашего Северного края. Он уникален уже потому, что никогда не подвергался разорению и пожарам, которые зачастую уничтожали города в истории Руси. Захватчики неоднократно пытались овладеть этим городом. Так, например, черемисы, проживавшие на месте нынешней Республики Марий Эл, во времена древней Руси и в средние века имели очень воинственные племена, вооружённые копьями и стрелами, они совершали неблизкие походы с разбойничьими целями. Так казанский летописец пишет: «...Черемиса кокшайская и ветлужская живёт в пустынях лесных, ни сеют, ни орут, но ловом звериным и войною питаются». Один из современников того времени, Герберштейн, в своей книге при описании пути из Галича к Вятке замечает, что «помимо того, что путь затруднён болотами и лесами, там повсюду бродит и разбойничает народ черемисов. По этой причине туда едут более длинным, но более безопасным путём через Вологду и Устюг». Воинственные отряды черемисов однажды дошли до стен Великого Устюга, но, как пишет летописец, «были биты» славянскими воинами этого

славного города, «полон отбит», был возвращён и весь обоз с награбленным добром у жителей местных деревень и городков. Это было в 1478 году, когда черемисские племена, соединившись с татарскими отрядами под предводительством хана Ибрагима, решили попытать счастье через опустошительные набеги до Устюга.

Происходило это несколько веков назад, но ещё раньше основная река черемисов была названа Кокшагой. Каким образом это увязывается с Кокшеньгой, что течёт около Тарноги, и связаны ли названия этих рек между собой?

За рассказами об исторических казусах и загадках мы свернули с тракта на Нюксеницу, а затем и на Тарногу. Чем ближе мы подъезжали к Тарногскому Городку, тем чаще охала и ахала моя жена Лида, сидевшая рядом со мной на переднем сиденье, но не от дорожных ям и выбоин, которые время от времени заставляли то притормаживать, то объезжать кочки и неровности, а от красот северного великолепия, неожиданно открывшегося нам.

С обеих сторон дороги стоял лес из высочайших корабельных сосен, которые как сказочные гренадеры стояли молча, лишь изредка покачивая белыми шапками из снега и инея. Деревья были столь мощными и стройными, что если бы я видел их не воочию, а, допустим, на фото, предположил бы, что это фотомонтаж. Но сосновый бор был настоящим, наполненный соснами-близнецами, причём сучья у деревьев были, как правило, ближе к верхушкам, а потому видеть можно было не только первые ряды сосен, но и глубину всего лесного массива, поразившего наше воображение.

Вскоре мы въехали в Тарногу, но это не означало, что деревья остались позади; они, высокие и красивые, только более ветвистые, росли рядом с селом и даже между домами. Подобное я видел только в Братске, но там город возводился прямо в тайге, и строители не спиливали деревья между домами, где это было возможно.

Я спросил своих спутниц:

– И куда дальше?

К моему удивлению, они не могли указать дорогу к дому, где нам предстояло остановиться, хотя бывали там неоднократно. Какое-то время мы просто ездили по селу и смотрели по сторонам. Районный центр вобрал в себя целый спектр строений разного вида, возраста и назначения: обычные деревянные дома с вологодским колоритом, которые для нас, родившихся в глу-

бинке России, всегда остаются милыми и родными; двухэтажные многоквартирные здания, похожие на бараки, построенные в 1950–1960-е годы, но до сих пор продолжающие служить жильцам; типовые кирпичные трёхэтажные здания со всеми удобствами и, отличительная черта всех городов и посёлков России нашего времени – частные коттеджи со своими архитектурными особенностями, от одноэтажных домов до навороченных замков в несколько уровней и с высокими заборами. Пока мы с женой с любопытством осматривали городок, а наши спутницы пытались вспомнить, по какой улице ехать (компактное на первый взгляд село, оказалось, имеет десятки улиц и переулков), при попытке развернуться на подъёме у одного из перекрёстков наша машина, скользя как санки по льду, оказалась в сугробе, на обочине дороги, рядом с калиткой частного дома. А сугробы, скажу я вам, здесь настоящие, из пушистого, ещё не слежавшегося снега, в которых можно упрятать любую машину целиком. Благо, с некоторых пор у меня в багажнике всегда имеется про запас сапёрная лопатка, и пока мои спутницы звонили брату юбиляра Николаю Камкину с требованием подъехать и уже не только встретить, но и вытащить иномарку из кювета, я, поработав лопаткой, освободил-таки наш транспорт из снежного плена, а тут и Николай подъехал. Мы, оказывается, кружили совсем недалеко от его дома.

Когда загнали нашу машину во двор, женщины пошли в дом, а мы с Николаем поехали на его «джипе» осматривать тарногские достопримечательности. По дороге Николай рассказывал мне о селе, и я с удивлением отметил про себя, что производственник, имеющий собственный бизнес (он является директором ООО «Тарногская ПМК») очень хорошо ориентируется в вопросах социальной сферы. Оказалось, что он депутат районного собрания и в курсе всех дел и начинаний в селе и районе. Новопостроенный храм Святителя Николая и пристрой к средней школе были показаны мне в первую очередь; затем проехали мимо частного сектора и административных зданий, останавливаясь у компактных магазинов и торговых центров со всевозможным ассортиментом. Во времена развитого социализма, когда мы ездили домой на побывку, закупали заранее продукты и подарки в «больших городах». Сейчас в этом нет необходимости: в любом районном центре можно купить всё необходимое из вещей и продуктов питания, а мебель и бытовую технику можно заказать – представители торговых фирм привезут любой импортный бренд, всё зависит от толщины кошелька. Посетили мы и производственную базу ПМК, где продолжили разговор в кабинете директора. И вновь я заметил, что Николай рассказывал не толь-

ко о лесопереработке и дорожном строительстве, но и о насуших сельских проблемах: нет терапевта в поликлинике, недостаточно мест в детском садике, не все нуждающиеся переселены по программе «Ветхое жильё». Работая в муниципалитете, мне пришлось познать изнутри сложность решения социальных проблем сельской местности, а работая до этого и после в сфере бизнеса, сталкивался непосредственно с заботами предпринимателей, поэтому меня искренне удивила и порадовала позиция моего двоюродного брата по отношению к району, селу, обществу. Он не отделял себя ни в коей мере от всех проблем Тарноги, и, как я вскоре убедился, не он один.

Нашу беседу прервал телефонный звонок – нас ждали домохозяйцы Николая. Но, возвращаясь из этой небольшой экскурсионной поездки, трудно было удержаться и не пройти пешком по Советской и Красной улицам, с обеих сторон которых росли изумительные берёзы, ныне плакучие от снега и инея, безропотно переносящие зимние стужи и летние жаркие дни при нашем резко континентальном климате. Таких берёз, как на северо-западе нашей страны, нельзя больше увидеть нигде. Берёзы есть в Карелии, на Урале, в Канаде, но такие стильные, стройные и ветвистые растут только в наших краях. Не зря им посвящено такое множество стихотворных лирических строк в русской поэзии.

К самому центру городка подступал настоящий сосновый бор – нетронутый участок леса, о каких только мечтают жители крупных городов и едут иногда за десятки, даже сотни километров, чтобы только вдохнуть чистоту лесного воздуха, увидеть затейливую красоту деревьев и кустарников и прогуляться среди естества природы.

И вот мы в доме хозяина, но прежде чем сесть за стол, я осмотрел комнаты и помещения, которые оказались довольно просторными и вместительными. «Изюминкой» дома оказался зимний сад. Под зелёное разнообразие садовых экспонатов был отведён отдельный блок здания, где среди благоухания растений и цветов было слышно беспечное щебетание или даже своеобразный разговор попугаев, которых почему-то было непарное количество.

Как правило, хозяевам хочется угостить редких гостей чем-то особенным, и в нашем случае им это удалось с лихвой. Жена Николая, Александра, накрыла обильный стол, где сразу были отмечены своими вкусовыми особенностями местные грузди. Но сюрпризом для всех нас стал целиком приготовленный поросёнок, который занимал центральную часть стола, поданный на большом подносе. И мы сначала его с восторгом просто рассматривали, шутили и смеялись, а, оценив внешнюю красоту зажаренного

поросёнка, взялись трапезничать. На вопрос хозяину: «Откуда животное?» Николай честно ответил, что позаимствовал поросяточка у младшего брата Саши, который содержит свою ферму в Никольском районе, и пообещал, что к нашему следующему приезду приготовит такое же блюдо из поголовья своей свинофермы, которой всерьёз собрался обзавестись. Младший брат, здесь же присутствующий, не отговаривал старшего, хотя людям сведущим известно, что организация фермы ныне дело хлопотное и не всегда прибыльное, зато мясо экологически чистое, на зависть всем крупным мясопроизводителям, можно использовать не только для реализации, но и для своей семьи.

Когда пришло время для чаепития, к столу был подан знаменитый тарногский мёд. Об этом уникальном продукте, а точнее гордости местных жителей, ходят легенды, связанные с его лечебными свойствами, а Тарногская медовая ярмарка стала не просто коммерческим мероприятием, а настоящим праздником для жителей и гостей городка, где можно выбрать мёд из десятков сортов и видов. Что и говорить, тарногский мёд – это визитная карточка района.

Ближе к вечеру все стали собираться на юбилейное торжество, которое собственно и было формальной причиной нашего посещения городка. Банкет проходил в кафе и был организован по всем современным канонам. Виновник торжества Василий Васильевич Камкин лично встречал гостей, представлял присутствующим и усаживал на отведённые им места за столом. Василий родился в деревне Пятаков Починок Никольского района и был старшим среди пяти братьев и двух сестёр. Тетя Валя, мама Василия, родная сестра моего отца, уроженка деревни Подольская, вышла замуж и уехала к «денисятам». «Денисятами» звали всех проживающих в починке. Я знал эти места ещё и потому, что в детстве мы, деревенские мальчишки и девчонки, вместе со взрослыми ездили туда на дальние сенокосы, каждый из которых имел своё колоритное название, например, «Немецкое дерево», «Миляш» и др.

С Василием мы ровесники, и в детстве часто встречались в доме нашего деда Подольского Александра Александровича.

Василий успешно закончил среднюю школу, затем – военное училище и встретил свою вторую половину – милую девушку Валентину из Тарноги. На их свадьбу я приезжал вместе с мамой, будучи студентом, а потому не мудрено, что спустя без малого сорок лет на юбилее Василия Васильевича я спросил присутствующих: «А кто из вас был на свадьбе именинника?» И, слава богу, таковые нашлись.

Судьба разбросала братьев и сестёр Камкиных: Василий и Николай – в Тарноге; Анатолий и Александра – в Ленинградской области; Александр, Михаил и Фаина – в Никольске, но все они встречаются не только в гостях друг у друга, но и на могиле своих родителей, на кладбище у Старогеоргиевской церкви, являющейся памятником архитектуры.

Василий служил в Советской Армии до самого развала Союза, а когда это случилось, переехал из Украины, где располагалась его воинская часть, с семьёй в Тарногу, там уже жил и работал его брат Николай. Сын Василия и Валентины Игорь живёт с семьёй на Украине, дочь Татьяна вместе с мужем и детьми – в Подмосковье. Теперь старший из братьев, не обременённый семейными хлопотами и заботами, любит ходить за грибами по сказочным Тарногским лесам.

На любом празднике и банкете от деревенской свадьбы до официального правительственного приёма знаковым и определяющим фактором являются приглашённые, поэтому мой интерес, в первую очередь, был направлен на присутствующих родственников и гостей. Как тесен мир! Эта фраза нашла своё подтверждение и на этот раз. За столом недалеко от нас с женой сидели Шебунин Сан Саньч и его жена Галина Николаевна. Их сын Юрий служил несколько лет назад в Республике Марий Эл и во время увольнительных бывал у нас дома в Йошкар-Оле, да и сами родители Юры, приезжая к сыну на побывку, останавливались у нас. Мы, конечно, знали, что они из Тарноги, но чтобы вот так встретиться... это надо господину Случаю ещё как постараться. Мы с женой с удовольствием обменялись с ними семейными новостями.

Справа от меня сидели две привлекательные дамы, которые буквально уговаривали меня что-нибудь покушать: «Вам не нравится наша еда? Что же Вы едите там, в Йошкар-Оле, если от таких блюд отказываетесь?» Стол и в самом деле был полон яств, но жареный поросёнок сыграл свою роль. Мой аппетит был им совершенно повержен, а сытый желудок не в силах был принимать более даже самые изысканные блюда, а потому я, потягивая из бокала белое сухое вино и осматривая публику, при каждом удобном случае заводил беседы с только что представленными гостями. Напротив нас сидела пара: невысокий импозантный мужчина в строгом костюме и симпатичная женщина в нарядном чёрном платье. Это был глава района Гусев Сергей Михайлович и его жена Нина Владимировна. Мы разговорились. Должность главы района ко многому обязывает, но Сергей Михайлович

удивительным образом сочетал в себе широкий кругозор, знания до мелочей всё и вся на подведомственной территории, коммуникабельность и одновременно чёткость бывшего военного с распахнутостью и даже какой-то удалью, свойственной только вологодским парням и мужчинам. Он соответственно моменту и поводу мог неплохо петь и танцевать, и это получалось у него легко и непринуждённо. Улучив минутку, свободную от тостов и конкурсов, которые в избытке предоставили гостям ведущие вечера, и, кстати, сами неплохо исполнявшие музыкальные хиты, я отвёл в сторону Сергея Михайловича, чтобы расспросить его о районе. И оказалось, тема эта настолько важна для моего собеседника, что, несмотря на формат застольной беседы, мы проговорили не менее часа. Пищекомбинат и маслозавод, бывшие колхозы (ныне сельхозкооперативы) и жилищное строительство, малое предпринимательство и торговля, занятость и народный самодеятельный театр – десятки аспектов глава излагал мне, но не как преподаватель на лекции или руководитель на совещании, а как человек, непосредственно живущий этими проблемами, значимыми для него своей жизненной актуальностью и естественностью. Уникальный сосновый бор, грузди-красавцы и бесподобный мёд – это замечательно, но надо ещё строить, сеять, создавать рабочие места и формировать бюджет. Восторг от прелестей природы не восполнит финансирование социальной сферы, а поэтому работы невпроворот.

– Но у нас есть команда, работоспособная, влюблённая в свой край, а потому многое получается, а ещё больше получит-ся, – заверил глава.

Нашу беседу прервал виновник торжества – Василий Васильевич, обязав меня с женой поучаствовать в конкурсе танцев. Конкурс был организован серьёзно, и пришлось крепко потрудиться, прежде чем услышать овации зрителей. Да и как иначе, ведь в финале мы сошлись не на шутку с внучкой Василия в ритме рок-н-ролла. Но я помню, как в конце 1960 – начале 1970-х нам, старшеклассникам того времени, грозила всеми карами администрация школы за рок-н-ролл и длинные волосы. Но запретный плод сладок, и мы танцевали и твист, и рок-н-ролл. Поэтому шансов на победу у внучки именинника, несмотря на её задор и молодость, было меньше, что мне и пришлось доказывать в столь динамичном танце.

Праздничный вечер пролетел незаметно, и, изрядно повеселившись, все разошлись восвояси. Засыпал я в доме Николая под дружеский и хмельной, бесконечный разговор гостей и до-

мочадцев, для которых вечер продолжался. Наконец, все угомонились.

Утро началось с назойливого, гортанного щебетания попугаев, которые разбудили всех и на этом успокоились, а может им просто дали корм для завтрака. Днём состоялась ещё одна встреча с Сергеем Михайловичем, который принёс для нас книги и сувениры, а затем был обед уже в более узком кругу, где присутствовали только родственники.

Интересно отметить, что, будучи молодыми специалистами, мы при встречах говорили о служебном положении, позднее, возмужав – о квартирах и детях, потом пришла пора сравнивать личные автомобили и заграничные турне, а нынче выяснилось, что главным критерием жизненного успеха нашего поколения являются внуки. Дети и внуки – главная ценность нашей жизни, несравнимая с карьерой и даже творческими успехами, не говоря уже о материальных благах. Они, наши потомки, несут в будущее продолжение нашего рода и даже там, в будущем, наши предки и мы в ответе за их дела и поступки.

В обратный путь мне хотелось выехать не поздно, чтобы успеть засветло в Никольск, но женщин наших было трудно убедить встать из-за стола. Их душевный разговор за чаркой и хорошей закуской у гостеприимных хозяев мог продолжаться ещё долго. Мне пришлось с юмором и всерьёз убеждать разговорившихся дам, что «делу время, а потехе час».

Провожали нас всей роднёй, с обещаниями, что обязательно встретимся в Тарноге, в Никольске, в деревне Подольской и в Йошкар-Оле, которая за последние годы превратилась в современный европейский город, новый центр которого построен в венецианском стиле, где мы всегда рады принять нашу большую вологодскую родню. (Кстати, своё обещание двоюродные братья сдержали и посетили Йошкар-Олу, которая их очаровала.)

И вот остался позади уютный гостеприимный Тарногский Городок. Бывать ли мне здесь снова?

К вам приеду, обещаю,
Ни к чему давать зарок,
И опять, уж точно знаю,
Наш услышу говорок.

Основу России составляют тысячи таких сёл и городков, и пока в них живут трудолюбивые, любящие свою землю люди, Россия была, есть и будет великой и необъятной, сильной и непобедимой державой.

ВСТРЕЧИ НА ЯРМАРКЕ

На Ильинской ярмарке я не был несколько лет. Это совсем не значит, что я стал реже ездить на свою малую родину, но так получалось, что каждый год до начала августа я уже возвращался из родной деревни в Йошкар-Олу, в который раз не оставшись на Ильинскую ярмарку.

В этом году ситуация была исправлена. Получив устное приглашение посетить День города в одном из телефонных разговоров от главы администрации района Вячеслава Васильевича Панова, я в пятницу накануне ярмарки прибыл в Никольск.

По сложившейся традиции, зашёл сначала к главе администрации, который как всегда приветливо встретил и рассказал, насколько позволяло время, о делах, новостях и планах в районе. Затем посетил библиотеку, зашёл в редакцию «Авангарда» и отправился ночевать в родительский дом, в деревню, расположенную на берегу речки Шарженьги. За два последних года наш старый дом был отреставрирован и выглядел весьма пристойно. Легко затопилась печка-голландка, привычно был заварен чай с лимоном, и после лёгкого ужина я сидел на улице на деревянной скамейке рядом с новыми воротами, умело изготовленными и поставленными мастером-сварщиком Василием Суриным из Никольска. Светло-голубые металлические ворота, сделанные по новым технологиям, не только удачно вписались в ансамбль дома, но и придали ему вид нарядный и гармоничный.

Если в предыдущие годы мы с женой проводили отпуск на южных курортах или за границей, приезжая в деревню лишь на несколько дней, то в этом году получилось наоборот: основную часть отпуска, приходящегося на июль, мы всей семьёй, включая двух внуков, провели в деревне за ремонтом хозяйственных построек, походов в лес за ягодами и купанием на речке. Когда же вернулись в Йошкар-Олу, у меня оставалось ещё несколько свободных дней, и я решил уже в одиночестве и неотягощённый каким-либо багажом поехать на Ильинскую ярмарку в Никольск.

И вот теперь душа моя блаженствовала от вида деревенской улицы, чистого воздуха и доброжелательных приветствий земляков. В городах мы суедемся, стараемся успеть разобраться с нескончаемой чередой дел и забот, а здесь в неторопливом укла-

де деревенской жизни на лоне неповторимой красоты Северных Увалов, где прошло безмятежное босоное детство, впитываем в себя благословенную ауру Никольских деревень и явственно осознаём, что нет дороже места, чем сторона родная.

Утром в 10 часов следующего дня я прибыл в Никольск, припарковал машину и стал не торопясь пешком продвигаться к центру. Про Ильинскую ярмарку, как явление, событие, как часть истории города Никольска, написано достаточно много, поэтому в этих записках я ограничусь лишь своим восприятием известного в районе и области праздника под названием Ильинская ярмарка.

Везде уже толпились люди, а вдоль улицы Советской в две нескончаемые линии выстроились торговые палатки, павильоны и прилавки. Товары представлены не только районами области, Вологодой, Великим Устюгом, Тотьмой, но и Сыктывкарком, Шарьей и даже Йошкар-Олой. Наверное, нет смысла перечислять все города и посёлки, которые привозят свои товары, сувениры и поделки на Ильинскую ярмарку.

Моё внимание сразу привлекла экспозиция русских самоваров: медные, блестящие, разных размеров – от нескольких литров до ведёрных, они все имели неповторимые конфигурации: приземистые, пузатые, высокие, с различными атрибутами и, естественно, с весьма широким диапазоном цен. Выставка занимала почётное место в самом центре города, и мимо неё нельзя было пройти равнодушно.

Всегда многолюдно у столов с сувенирами. Как правило, прибывшие на ярмарку гости не возвращаются без местных сувениров. Я не исключение, но ярмарка, в первую очередь, важна для меня тем, что дарит непредсказуемые встречи с самыми разными людьми. Так было и в этот раз. Кто-то потянул меня за руку и окликнул:

– Подольский?!

Я оглянулся. Передо мной стояли две женщины, одна из них стильно одетая, с распахнутыми глазами, источавшими какой-то знакомый блеск, удивлённо спросила меня:

– Не узнаёшь?

Я смотрел на неё, понимая, что должен вспомнить эти черты, но от неожиданности у меня что-то заклинило, и я лишь пролепетал:

– Извините, не могу припомнить.

– Да ты что?! – возмущённо воскликнула собеседница.

– Валя! Похолкова! – наконец воскликнул я.

Да, это была она, моя первая школьная, можно сказать, детская, любовь.

Давным-давно, когда я учился в старших классах Аргуновской школы, в конце недели, отмахав 20 км от школьного интерната до дома, и наспех поужинав, я бежал в соседнюю деревню, в кино, чтобы там встретиться с ней и посидеть рядом во время киносеанса. Судьба дала нам возможность увидеться и во взрослой жизни, но последняя наша встреча была несколько лет назад. И теперь я был бесконечно рад, но ещё больше смущён, что не сразу узнал в современной обаятельной женщине милую школьницу Валю. Слава богу, её жизнь сложилась вполне удачно, и она тоже любит приезжать летом в свою деревню. Ярмарочные встречи коротки, и после непродолжительного, но эмоционального общения женщины пошли дальше, а я продолжил знакомство с торговыми рядами.

Следующая встреча была более ожидаемой – я практически столкнулся с моим двоюродным братом, Камкиным Александром, предпринимателем, живущим в Никольске. С ним я вижу практически в каждый свой приезд, но непосредственно эта встреча для меня была особенно важна. И Саша не подвёл: дал твёрдое обещание принять конкретное участие в восстановлении Старогеоргиевской церкви, что около деревни Ковригино, на берегу реки Юг. Эта церковь восстанавливается на добровольные пожертвования, и участие предпринимателей в этом благородном деле просто необходимо. Обнявшись, и заверив друг друга, что сегодня ещё увидимся в неформальной обстановке, я продолжил свой путь вверх, по улице Советской, которая превратилась в аналог сплошной рыночной площади, затем, убедившись, что сил дойти до конца этого торгового разнообразия явно не хватит, вернулся в центр города. Надо было пройти к машине, чтобы оставить приобретённые сувениры, и я свернул в сторону районной библиотеки, где оставил свою машину. Здесь было не так многолюдно, улица хорошо просматривалась, и я увидел на обочине дороги очень дорогого мне человека – Музу Вячеславовну Бересневу. Жителям Никольска нет нужды представлять эту жизнерадостную, полную энергии, несмотря на почтенный возраст, женщину, известного краеведа, литератора, наставника, педагога, общественника и патриота. В своё время она одна из первых поверила в мои серьёзные литературные намерения и организовала публикацию моих стихов со своими комментариями в журнале «Лад вологодский», потом были наши совместные проекты, кроме того, целый ряд

моих литературных встреч с земляками были организованы этой замечательной женщиной.

Она уже сама стала символом интеллигентных кругов района. В каждую свою поездку на родину я старался навестить Музу Вячеславовну в её доме на улице Красной, за чашкой чая обменяться литературными новостями и планами.

Это был очередной приятный сюрприз ярмарки. Нечаянная встреча. Моя собеседница даже не удивилась, увидев меня. Никольск – город небольшой, и новости распространяются быстро. Мы тут же перешли к обсуждению насущных литературных тем. Время летело незаметно. На центральной площади вот-вот должно начаться официальное открытие ярмарки, и я, тепло попрощавшись с дорогой моему сердцу Музой Вячеславовной, направился к Сретенскому собору, который так и не оправился от пожара и сейчас только на сувенирных тарелках и магнетиках выглядит красочно и солидно. Встречные молоденькие девушки-волонтеры раздавали визитки с реквизитами счёта на восстановление храма, что даёт надежду на изменение ситуации с главным символом Никольска.

Глава администрации района В. В. Панов на открытии произнёс краткую, но ёмкую речь, чем заслужил аплодисменты слушателей. К сожалению, остальные официальные лица не обладали такой краткостью, и речи их были более пространными и менее содержательными. Сразу после приветствий начинался традиционный концерт, причём на двух сценах: основной – на площади и малой – в сквере.

Ко мне подошёл Владимир Корепин, заместитель главы района. Мы давно знакомы, являемся выпускниками одной школы (правда, разных выпусков), что позволяет нам общаться по-приятельски. Зная загруженность организаторов праздника, я не рассчитывал на особое внимание к своей персоне, но Корепин подвёл меня к обаятельной девушке в русском национальном наряде и познакомил нас со словами: «Наш поэт и земляк. Хочет поздравить с праздником никольчан. Надо организовать». Елена Парфенова – ведущая концерта на сцене в парке, милая и доброжелательная, объяснила мне, что я должен подойти к 12 часам к концертной площадке, где она и предоставит мне слово. В этот день для меня это был лучший подарок. Я не так часто общаюсь с земляками со сцены и с удовольствием воспользовался предоставленной возможностью. Стихи читал, конечно, о Никольске, а на словах добавил, что где бы я ни находился, в любом уголке нашей страны, сердце моё принадлежит Никольской

земле. Это было искренне. Пообещав Владимиру Михайловичу и Елене Владимировне, что на следующий День города приеду с новыми стихами, я направился к выходу из парка.

Здесь меня ждала ещё одна приятная, но уже предполагаемая встреча – с Геннадием Александровичем Горбуновым, генеральным директором ЗАО «Агрофирма имени Павлова». Мы с ним дружим давно, с той поры, когда я работал первым заместителем главы администрации Медведевского района Республики Марий Эл. Ещё наши родители были знакомы в их молодые годы, кроме того, жители нашей деревни ездили к «денисятам» (так называли жителей деревень, где родился Геннадий Александрович) на дальние сенокосы. В детстве я тоже участвовал в таких поездках, и это для меня было всегда событием. Дорог не было, ездили на лошадях или в кузове тракторной тележки. Совсем недавно мне по случаю нужно было побывать в тех местах, и каково же было моё удивление, что до деревни Красавино вела приличная асфальтовая дорога со всеми необходимыми атрибутами.

Одна из тем разговора с Геннадием Александровичем о том, как много было потеряно из-за отсутствия дорог в те годы, а главная потеря – то, что люди уезжали из района целыми семьями. Сейчас мы приезжаем на побывку в родные деревни, восхищаемся красотой нашего края, говорим о любви к родной земле, но настоящая преданность не у нас, приезжающих на Никольскую землю в отпуск или на праздники, а у таких людей как Геннадий Александрович, отдавших всю свою жизнь родной земле в прямом значении этих слов.

Горбунова Г. А. в районе знают все. Его заслуги очевидны и говорить о них – это всё равно что доказывать аксиому. Скажу о другом, в редкие минуты отдыха, когда он по просьбе друзей берёт в руки баян или сохранившуюся дедовскую тальянку, то может удивить не только чистыми переборами нашего исконно славянского инструмента, но и озорные частушки спеть, что не раз приводило в восторг не только меня, но и членов моей семьи – людей городских, современных и искушённых в оценке исполнителей. Геннадий Александрович даже на гармошке играет не только азартно, но и одновременно серьёзно, впрочем, как и всё, что он делает.

Уже вдвоём мы продолжили обход экспозиций, расположенных в сквере. Здесь каждая сельская администрация своеобразно представляла свои изделия и своих умельцев. Наше внимание привлёк стол Вахневской администрации, точнее сказать,

не сам стол с выставленной на ней продукцией, а женщины, что стояли за ним. Нет, они не стояли, а одетые в русские сарафаны, танцевали, плясали и пели под аккомпанемент гармони. Гармонист в заливчатской кепке набекрень, наклонив голову набок, старательно выводил мелодию, и разливались по парку частушки о милёнках, дролях и зазнобах.

На одной из парковых скамеек мы увидели Мишенева Василия, подошли, поздоровались. С известным никольским поэтом я общался, когда делал свои первые шаги в поэзии. Направил меня к уже печатавшемуся тогда в различных изданиях местному автору мой учитель и друг – Алексей Александрович Павлов из деревни Калинино.

Василий Михайлович неторопливо отвечал на наши вопросы и также неторопливо интересовался нашими делами. Пожелав творческих успехов коллеге по перу, мы с Горбуновым подошли к импровизированной площадке охотников. Председатель районного филиала охотников Леонид Rogozin с воодушевлением показывал нам охотничьи трофеи – свои и сотоварищей. Чучела лесных хищников и других животных производили интерес, и я даже сделал несколько снимков, шутя поведав у Леонида Павловича, всё ли в порядке в районе с лицензиями на отстрел диких животных. Получив удовлетворительный ответ, мы продолжили свой путь. Как раз в это время в парке начали объявлять результаты конкурса пивоваров. Посетовав, что не можем испить несравнимого ни с чем деревенского пива (оба за рулём), мы с удовольствием поприветствовали местных пивоваров аплодисментами.

Конечно, наши разговоры с Геннадием Александровичем часто прерывались подходившими к нам людьми. К Горбунову всё время кто-нибудь обращался: просто поздороваться, поблагодарить, попросить назначить встречу и так далее. Геннадий Александрович разговаривал со всеми ровно и неформально. Объяснялось это просто – на улице праздник, и у людей должно сохраниться соответствующее настроение. После короткой беседы или обычного приветствия мой гид и собеседник всякий раз немного рассказывал о подходившем к нам человеке: прокурор, проработавший более 20 лет в районе, сейчас на пенсии; многодетная мать, которой приходится помогать; коллега-руководитель сельхозпредприятия из соседнего района; глава сельской администрации; водитель; доярка и многие другие. Для всех Геннадий Александрович находил нужные слова.

...Обедать сели поздно, в туристическом комплексе «Мария». Ресторанное обслуживание, сочетаемое с блюдами из местных экологически чистых продуктов, искусно приготовленными тамошними поварами, произвело приятное впечатление. Поблагодарив персонал базы отдыха за вкусный обед, мы вернулись в Никольск около 15 часов. Геннадий Александрович – примерный семьянин, и надо было уделить время дочке Жене, приехавшей с мужем на ярмарку, и двум маленьким внукам. Кроме того, даже в праздник он оставался лицом официальным, и у него было запланировано ещё несколько встреч.

А я ещё раз с удовольствием прошёлся по многолюдной Советской улице, радостно здороваясь с узнававшими меня земляками.

На открытую вечернюю дискотеку – гвоздь программы для молодёжи, я не остался. Отмечу только, что из предыдущих посещений знаю: глаза разбегаются от красоты местных девушек. Месяц назад, когда я привозил свою семью в деревню, и мы ехали по улицам Никольска, я, обращаясь к внуку Алексею, которому в этом году исполняется 14 лет, сказал:

– Обрати внимание на Никольских девчонок, лучших девушек в России.

– Почему лучших? – резонно спросил он.

– Потому, Алёша, что это аксиома и доказательств не требует. Они просто самые лучшие невесты и потом из них получаются самые лучшие жёны. Придёт время, немного подрастёшь, приедем сюда и будем выбирать тебе невесту...

Между тем ярмарка протекала своим чередом, а я, затерявшийся в толпе, шёл переполненный впечатлениями от встреч с людьми, такими непосредственными и настоящими, без лукавства и зависти, для которых труд, сострадание и любовь составляют смысл их жизни.

ПАРИЖ И ДРУГАЯ ЕВРОПА

Посетить Париж я мечтал всегда. Ещё в детстве, зачитываясь романами Александра Дюма, я представлял себя в светских салонах столицы Франции, где, естественно, благородные мужчины и красивые дамы с утончёнными манерами проводили время за церемониальными танцами и лёгкими, но умными разговорами. Прошло время, но моё особое отношение к одному из самых известных городов на нашей планете не изменилось, как и не изменилось желание увидеть своими глазами столицу Европы. И хотя, как известно, не всегда наши желания совпадают с возможностями, однако жизнь, порою такая непредсказуемая, сама всё расставила по своим местам.

В 2000-е годы я, отдавая дань своему времени, начал строительство коттеджа в пригороде Йошкар-Олы. Жили мы в просторной трёхкомнатной квартире втроём (жена, я и сын Игорь), имели в деревне родительский дом, дочка Катя с внуком Алёшей жила недалеко – в своей квартире, а старший сын Саша всегда жил отдельно и самостоятельно.

Мой знакомый архитектор Вячеслав Соловьев сделал индивидуальный проект дома, который уже вызывал восхищение. Я попросил его выполнить чертежи будущего дома с колоннами, верандами, причудливыми лестницами и т. д. Вячеслав отнёсся к моей идее с интересом и выполнил проект в кратчайшие сроки, детально изобразив все формы строения.

Строительство началось вдохновлённо, но не так быстро. За два года был сооружён фундамент, часть кладки первого этажа, построен гараж и завезено большое количество различных стройматериалов. Вся территория была обнесена добротным забором. В выходные дни, которые я проводил на стройплощадке вместе с бригадой рабочих-строителей, мне всегда помогал мой внук Алексей, которому тогда было 4–5 лет. Часто сравнивая план дома с наметившимися в натуре контурами здания, мы с Алёшей планировали, кого ещё возьмём жить в наш дом: маму Катю возьмём, бабу Лиду тоже, Игорю выделим комнату, Саше с его семьёй тоже надо площадь приготовить. Получалось, что работаем с Лёшей вдвоём, а жить будут все? Этот резонный вопрос как-то и задал мне умный внук. Я прикинул: с такими тем-

пами до конца строительства оставалось ещё лет пять. Надеяться на помощь домочадцев было сомнительно: Лидия Ивановна все выходные проводила на даче, где и так уже были теплицы, веранды, баня и беседка. Игорь в своём юношеском возрасте учился и занимался спортом. Катя свободное время проводила в общественных мероприятиях и в общении с подругами, а Александр был связан семейными заботами.

И как-то однажды вся затея с этим грандиозным строительством показалась мне бессмысленной и ненужной. В тот же вечер я переговорил с женой и объявил: строительство прекращаю, недостроенный дом и участок продаю.

– И что потом? – спросила она.

– Поеду в Париж, – был мой ответ, – с Катей.

Моё предложение поехать вместе со мной в Париж Катя восприняла с восторгом. И для меня одни плюсы: она хорошо владеет французским и английским языками. Мы согласовали сроки, убедили Алёшу, что маму надо отпустить с дедом в поездку по Европе, откуда ему привезём подарки, и я, не мудрствуя лукаво, дал объявление о продаже несостоявшегося архитектурного шедевра. Покупатели себя не заставили ждать, и вырученных денег вполне хватало на поездку в любую часть света. В турагентстве мы купили путёвку, оформили визы, и в день моего рождения 20 июля мы с Катей поездом отправились в Москву. Провожала нас немногочисленная, но оживлённая компания. В дорогу нам была вручена бутылка итальянского шампанского (день рождения, всё-таки), и путешествие началось.

В нашем купе ехала удивительная женщина, которая просто очаровала нас своим обаянием. Нелли Петровна была в возрасте, давно на пенсии, но источала массу энергии и любознательности. Она была похожа на русскую дворянку, знакомую нам из прочитанных книг, и весь вечер мы все провели в приятных беседах. Расставаясь по прибытии в Москву, они с Катей обменялись телефонами, и та преподнесла Кате в подарок набор для шитья и вышивания.

Мы с Катей отвезли вещи на Белорусский вокзал, откуда во второй половине дня поездом должны были отправиться в Брест, и поехали в Союз писателей России, в известный всем литераторам дом на Комсомольском проспекте. Этот дворянский особняк имеет свою историю, причём события последних десятилетий вокруг него не менее увлекательны, чем столетней давности. В одно из моих посещений этого здания по литературным делам председатель Союза писателей России Ганичев

Валерий Николаевич рассказал, что в смутные 90-е годы, когда многие привлекательные здания Москвы необыкновенным образом переходили в частную собственность, подобная участь была заготовлена и для этого особняка. Всё уже было решено и согласовано. В самый последний момент накануне передачи исторического дома нечистооплотным бизнесменам В. Н. Ганичев уже глубокой ночью, пользуясь личным знакомством, позвонил В. С. Черномырдину, занимавшему тогда пост председателя правительства, и убедил его в необходимости оставить особняк в государственной собственности. Так у писателей России остался их центральный штаб в отличие от Переделкино, которое «пошло по рукам».

Встретили нас в Союзе писателей очень тепло. Надо сказать, что постоянные сотрудники аппарата Союза писателей создали в своём коллективе очень доброжелательную обстановку и стараются прибывающих к ним со всей страны литераторов встречать соответствующим образом. Когда деловая часть визита была завершена, Катя напомнила, что мы ещё не отмечали папин день рождения, и под одобрительные возгласы я открыл такую пригидившуюся бутылку итальянского шампанского. В качестве подарка мне был вручён яркий галстук. Коллеги-писатели пожелали нам доброго пути, и мы с Катей отправились на вокзал.

Для туристов нашего маршрута был выделен вагон № 2, где мы и разместились. Вместе с нами в одном купе оказались москвичка Таня (коллега Кати по профессии, тоже преподаватель иностранных языков) и её дочка Вика, 13-летняя школьница. Мы с Катей обратили внимание, что нам снова повезло с попутчиками – словоохотливые москвички тотчас нашли с нами темы для разговора.

В Брест мы прибыли за полночь. На привокзальной площади, где на стоянках стояли десятки туристических автобусов, мы долго не могли найти свой автобус. Наконец, все заняли свои места, сопровождающая, молодая женщина, провела переключку, и наш автобус марки «мерседес» направился к белорусско-польской границе. На подъезде к КПП выстроилась бесконечная вереница автомашин и автобусов. В ней мы простояли около пяти часов, но поскольку путешествие наше только началось, настроение у всех было приподнятое, и эта очевидная задержка не отразилась на приятной атмосфере нашей группы, направлявшейся в круиз по Европе.

Наконец, все формальности были улажены, нам вернули паспорта, которые пограничники брали для проверки, и авто-

бус двинулся по польской земле. За окном были хорошо видны небольшие сёла, ухоженные поля, зелёные луга, где паслись коровы, лошади и домашние гуси. На первой же остановке мы поменяли евро на польские злотые и позавтракали в кафе. Конечно, в нашей большой дорожной сумке были запасы продуктов, положенные туда предусмотрительной Лидией Ивановной, но мы их оставили на потом и не прогадали. Сорок минут, выделенные графиком маршрута на остановку, пролетели быстро, и снова за окном оставались ладные простенькие домики, клумбы цветов возле них и невысокие деревья. Особое любопытство у нас вызвали аисты, которые в одиночестве гуляли по полям.

В Варшаву прибыли в полдень. Наша группа вышла из автобуса и направилась в центр города к Ратуше, но вскоре оказалось, что мы пошли в другую сторону. Сопровождающая нас девушка, похоже, сама была впервые в Варшаве и немного заблудилась. Тем не менее, вскоре мы были в центре польской столицы, или как сами поляки называют – в Старом городе, где многочисленные кафе, украшенные экипажи, ряженные шляхичи и уличные музыканты. Послушав исторические зарисовки нашего гида о Сигизмунде III и воспользовавшись тем, что нам было выделено свободное время, мы вчетвером: я, Катя, Таня и Вика – разместились в небольшом уютном кафе и наслаждались польским мороженым. Вскоре мы снова расселись в автобусе и направилась дальше – по дорогам Европы. Остановка на обед была поздней, около восьми вечера, что на самом деле превратила трапезу в ужин.

В гостиницу мы приехали в полночь, приняли душ. Вот где ночью пригодилась русская смекалка и запасы продуктов от Лиды. В европейских гостиницах, естественно, запрещено пользоваться электрическими чайниками (в номерах их просто нет), а все кафе были уже закрыты, поэтому я достал дорожный кипятильник и сунул его в предварительно открытую стеклянную банку с марийской тушёнкой. Буквально через несколько минут был готов горячий суп из тушёнки, который мы с удовольствием съели. На ночь поставили на зарядку телефоны, видеокамеру и крепко уснули.

Встали рано. Перед завтраком мы с Катей успели сделать небольшую прогулку. Завтраки были включены в стоимость путёвки, и везде, за исключением Парижа, были достаточно скромными. Выехали из отеля около девяти утра и через два с половиной часа были в Берлине.

Первая остановка у мемориала воину-освободителю, где мы устроили фотосессию, затем – на Александр-Платц и у знаменитого Берлинского зоопарка. В районе зоопарка мы воочию наблюдали весь спектр немецкой толерантности: пары индусов в длинных одеяниях, стайки многочисленных арабов, группы любопытных японцев, кудрявые головы тёмных африканцев, спешащих куда-то и, конечно, великое множество европейцев и американцев.

После экскурсии по зоопарку мы на двухэтажном городском автобусе поехали в центр. Когда вошли в автобус, я усомнился в вездесущем европейском комфорте: народу набралось в двухъярусный автобус не меньше, чем в провинциальных городах России в час пик. Нетрудно догадаться, что при такой давке часть пассажиров ехала, не оплатив проезд, несмотря на внушительные штрафы, предусмотренные законодательством Германии за безбилетный проезд. У меня возникла проблема: все мои спутники из нашей группы поочерёдно отдавали мне деньги за проезд и протискивались на второй этаж автобуса, откуда хорошо видны улицы и здания. Я передавал деньги водителю, но толпа пассажиров, устремившихся на очередной остановке в наш автобус, не только оттеснила меня вглубь салона, но и билетов я не дополучил на несколько человек. Благо, контролёра на нашем пути не было. В оставшееся до вечера время нам предстояла пешеходная экскурсия по городу и рейхстагу, ожидали обед в ресторане «Марше», фотосессия у символа Евросоюза «Мишки и сердца», музей эротики, кофе и десерты на открытой площадке ресторана. Когда мы фотографировались у «Мишек Европы», ко мне обратилась женщина, которая на плохом английском попросила её сфотографировать.

– Катя, поддержи мою камеру. Я не могу отказать даме.

– Вы русские? – воскликнула на великом и могучем женщина.

Оказалось, она тоже туристка из России. Как всегда, «наших» можно встретить везде и всюду. Особенно много туристов из России было около рейхстага. Само здание немецкого парламента, который по учебникам истории у нас знает каждый школьник, не оказал на меня особого впечатления, но публика, расположившаяся на газонах рядом с рейхстагом, была очень даже интересна и многообразна. На ухоженной травке люди сидели, лежали, читали, кушали, беседовали и даже целовались. Никто никуда не спешил, все были вежливы, предупредительны и спокойны.

Но и в благодушной Германии я попал в экстремальную ситуацию. Во время пешеходной экскурсии по городу, проходя через один из многочисленных парков, мы увидели, что на склоне одного из холмов расположилась очень оригинальная компания молодых людей: юноши и девушки были одеты в чёрные кожаные куртки, кожаные брюки и высокие сапоги. На чёрной одежде выделялись яркие блестящие пуговицы. Причёски их были ещё оригинальнее: на бритых головах парней вызывающе колосились высокие гребни, а у девушек причёски были абсолютно хаотичны – по принципу «Кто во что горазд». Проходя мимо этих молодых людей, я решил снять их на видеокамеру, но они начали возмущённо кричать. Я попытался успокоить их движением свободной руки, но они ещё больше возмутились. Один из парней крепкого телосложения подбежал ко мне с явно агрессивными намерениями. Я опустил камеру и негромко, но очень твёрдо спросил по-русски:

–Что ты хочешь?

Парень неожиданно сник, повернулся и пошёл к своим приятелям.

Когда мы чуть позднее обсуждали эту ситуацию в группе, то один из туристов со стажем так объяснил произошедшее:

– Немец понял, что мы русские, а русских они уважают, а может, просто боятся.

Вечером мы покинули столицу Германии. Впереди был ночной переезд, который мы все благополучно перенесли, так как наш автобус был укомплектован откидными креслами, на которых удобно не только дремать, но можно и полноценно выспаться.

В семь часов утра у нас была остановка в Бельгии. И вновь наш автобус вёз нас по дорогам Европы, а дороги там, надо сказать, безукоризненные, по нашим оценкам. На всей протяжённости трасса оборудована лёгкими проволочными ограждениями, чтобы исключить, как бы какой-либо крупный или мелкий зверь не выскочил на дорогу. За изгородью, параллельно трассе, как правило, пролегает муниципальная дорога, соединяющая местные посёлки и городки. На шоссе не менее 3–4 полос для движения транспорта в одну сторону. Каждый водитель выбирает для себя наиболее предпочтительную полосу и едет по ней с постоянной скоростью. Через определённые расстояния над трассой сооружены «зелёные переходы» – это специальные эстакады через шоссе для миграции животных. Внутри таких эстакад посажены деревья, зеленеет трава, растут кустарники.

Полосы встречного движения на трассе разделены широким коридором, где также растут деревья и кусты. Однажды я задремал, сидя в удобном кресле автобуса, а когда проснулся и стал смотреть в окно, то не увидел встречных машин, то есть мы как бы ехали по одностороннему маршруту. Оказалось, что встречные полосы расположены от нашей полосы на приличном расстоянии (метров 70–100), и всё пространство между встречками заполнено деревьями, через которые и не видно встречных машин.

Само дорожное полотно безукоризненно ровное, без всяких трещин и ям, таких привычных для русского человека. Все терминалы, где мы делали остановки, были удобными и практичными. В них расположены не только туалеты, магазины, кафе, но и душевые. На улице, как правило, установлены столики, где туристы могут перекусить взятыми в дорогу своими запасами.

Мы с Катей очень скоро приспособились к европейским ценам. На обед мы брали первое блюдо, больше похожее на суп-пюре, а второе покупали одно на двоих, так как оно обычно внушительных размеров и подаётся на большой тарелке. Приобретать салат, первое и второе, плюс десерт на каждого не было никакой необходимости, так как это слишком много на одного человека. Вообще, к европейскому общепиту, будь это уличная закусочная или комфортабельный ресторан, у нас за время круиза не появилось никаких претензий.

На пятый день нашего путешествия из Йошкар-Олы в Париж мы остановились на так называемую санитарную стоянку перед въездом в столицу Франции. Время было 10 часов утра. Замечательная погода и прекрасное настроение сопутствовали нам. Здесь на стоянке можно было купить недорогое французское вино, причём нам сразу объяснили, как его следует правильно пить: заполнить бокал на две трети, попробовать на вкус и только потом пить не спеша, наслаждаясь чудесным напитком – гордостью французских виноделов.

И вот мы в Париже. Сказать, что меня переполняли эмоции – это слишком мало. Это был один из дней моей жизни, который нельзя забыть. Париж, как и положено культурной столице Европы, встретил нас непринуждённо, запросто и немного игриво. Мы остановились на Александровском мосту. Мост этот – роскошное архитектурное и скульптурное произведение искусства, был открыт в 1900 году в честь дружеских отношений между Россией и Францией. Мост Александра III и по сей день считается самым изящным и красивым в Париже. Он был

спроектирован французским инженерным бюро Эйфеля, а строительство финансировалось Россией. По краям моста на высоких колоннах возвышаются позолоченные статуи «наука», «искусство», «торговля» и «промышленность». Вдоль всего моста по обе его стороны размещены оригинальные 17-метровые фонари, в центре сооружения расположены две нимфы реки Сены с гербом Франции и две нимфы реки Невы с российским гербом, выполненные из ковanej меди.

Строительство моста, задуманное российским императором Александром III, продолжалось четыре года и завершилось ко дню открытия Всемирной выставки в 1900 году. Мост закладывался 7 октября 1896 года Николаем II, Александр III к тому времени скончался.

Это привлекательное для всех туристов и парижан место известно ещё и своей приметой: если обменяться поцелуями с любимым человеком на середине моста, загадав при этом желание – оно непременно сбудется.

Мы любовались Александровским мостом, Сеной, по которой то и дело плыли прогулочные катера, архитектурой зданий старого Парижа и смотрели на Эйфелеву башню. Какое счастье! Мы в центре Парижа! Немного погодя, мы снова сели в автобус для экскурсии по острову Ситэ.

Остров Ситэ – это старейшая часть Парижа. Бульвар дю Пале делит остров на две примерно равные части. Ситэ соединён с обоими берегами Сены и соседним островом Сен-Луи девятью мостами. Благодаря его положению в центре Парижа здесь в любое время суток и независимо от погоды разгуливают многочисленные туристы.

Интересно, что первое поселение, основанное на острове Ситэ в третьем веке до н. э. кельтским племенем паразиев, имело название Лютеция, что на латыни означает «грязь», и это весьма символично. Дело в том, что несмотря на признанный титул города-законодателя мод, Париж до XIX века был не очень чистоплотен. Так, например, не только в средние века, но и в конце XVIII века прохожие на улицах Парижа могли быть облиты сверху, из окон 2–3 этажа, нечистотами и помоями. Домохозяйки запросто, при отсутствии канализации, позволяли себе лёгкий способ избавляться даже от содержимого ночных горшков. Но это всего лишь ложка дёгтя из известной поговорки. Париж на самом деле имеет великую историю и на протяжении веков играл безусловно значимую роль в становлении современной Европы. Город перенёс войны, осады, революции

и другие потрясения. Во время религиозных войн в эпоху Реформации (XVI век) еретики жестоко преследовались, обычным явлением того времени было сжигание их на костре. Одна Варфоломеевская ночь (с 24 на 25 августа 1572 г.) унесла жизни свыше пяти тысяч человек.

Сейчас Париж – символ современной цивилизации. Его музеи, соборы, площади и бульвары влекут к себе миллионы туристов со всего мира. С детства меня интересовало всё, что касалось Сорбонны, и когда мы совершали экскурсию по улицам Латинского квартала, где располагаются здания основных (гуманитарных) факультетов Парижского университета, я не отрываясь смотрел в окно. История Сорбонны начинается раньше XII века, но именно в 1215 году формируется один из первых университетов Европы – Парижский университет. Именно в Сорбонне в 1968 году был главный центр студенческих выступлений под идеями «новых левых», известных нам как «Красный май». Об этой парижской студенческой весне написано немало книг и снято фильмов, впрочем, как и вообще о Париже. Не зря на нашей планете бытует одно из самых известных выражений «Увидеть Париж и умереть».

В этот же день у нас была пешеходная экскурсия с посещением Нотр-Дам де Пари, более известного как Собор Парижской Богоматери. В своё время я зачитывался романом Виктора Гюго с одноимённым названием, и вот мы здесь, у одного из символов французской столицы. Наш гид на эту экскурсию – молодой человек, настоящий блондин, прекрасно, без всякого акцента владеющий русским языком, очень подробно и интересно рассказывал об истории этого католического храма, построенного на месте галло-римского храма Юпитера в 1163–1345 годах. Гид-полиглот впервые подтвердил мои сомнения об истинных намерениях архитекторов при проектировании собора. Мне всегда казалось, что, несмотря на почти двухвековое строительство этого архитектурного чуда, оно так и не было завершено. Если смотреть на башни главного фасада, так и хочется прикрыть их сверху куполом. Оказывается, такая идея, со слов гида, действительно была у архитекторов, но так и не осуществилась. Гид-блондин почувствовал, что группа заинтересовалась его рассказом, и предложил уже на договорных началах организовать вечернюю прогулку по городу. Несколько человек согласилось. В этот день мы успели полюбоваться видами Эйфелевой башни (обстоятельная экскурсия по ней была запланирована на другие дни), пообедали в кафе и отправились заселяться в гостиницу.

Наша гостиница располагалась в одном из районов Нового Парижа и представляла собой современную многоэтажку, полностью используемую под отель. На первом этаже был расположен просторный холл и ресепшин. Зарегистрировавшись, мы с Катей поднялись на свой этаж, где многочисленные длинные коридоры были застелены красными дорожками, что как бы подчёркивало уровень отеля. В нашем номере были все удобства, а самое главное – душевая комната.

На другой день (это был шестой день нашего путешествия) июльское утро в Париже выдалось несколько прохладным. Французский завтрак нас впечатлил не менее, чем знаменитые достопримечательности Парижа. В большом зале на втором этаже туристов встречали темнокожие служащие в белых рубашках и чёрных костюмах и показывали, куда направляться. Мы шли с подносами вдоль стоек, где милые приветливые девушки уже европейской внешности предлагали массу блюд, салатов и закусок. Отдельно, на шведских столах, были разложены булочки, бутерброды, пирожные и т. д. Брать можно было всё что угодно и в любом количестве. Учитывая, что оплата завтраков входила в стоимость путёвки, мы кушали не спеша, обстоятельно, благо, нас никто не торопил. Насладившись овощным салатом, европейским творогом, бифштексом из мяса от местных фермеров с отварным картофелем и запив всё это парижским кофе разных сортов, мы положили как бы незаметно несколько бутербродов во вместительную сумку Кати, добавили туда пару сосисок и несколько булочек. Таким образом мы обеспечили себе и приличный обед, а выпить кофе в Париже можно на каждом шагу. Мне приходилось бывать в различных санаториях, профилакториях, гостиницах и т. д., но такого изобилия блюд на завтрак можно увидеть нечасто. Ужинали мы уже в кафе в этом же здании и, конечно, наш ассортимент на ужин был гораздо скромнее (скорее всего потому, что оплачивали мы сами). В этот день у нас была ещё одна обзорная экскурсия, а затем мы катались по Сене на круизном кораблике. Между двумя этими мероприятиями у нас было время для обеда, посещения сувенирных и парфюмерных магазинов (гиды настойчиво предлагали конкретные торговые лавки, намекая, что нельзя побывать в Париже и не купить парфюмерные бренды известных фирм). В это свободное время мы гуляли по улицам Парижа небольшой группой. И вот нам нужно было перейти на другую сторону улицы. Я шёл немного впереди остальных, не оглядываясь назад. Мы перешли три или четыре полосы для движения транспорта и оказались в разделе-

тельной зелёной зоне. Далее надо было переходить полосы уже для встречного направления, и я, не заметив, что в этот момент для пешеходов загорелся красный цвет, шагнул на проезжую часть. В следующую секунду увидел, что иду на красный цвет и сделал шаг назад, но все три или четыре потока автомашин уже остановились, как только водители увидели, что я намерен перейти улицу. Девушка в первой машине из ближнего для меня ряда показала мне рукой, что, мол, если спешишь, иди. Но я прижал руку к груди, извинительно улыбаясь. Автомашины тронулись. Конечно, я был изумлён и впоследствии неоднократно приводил этот пример, когда читал в университете лекции по психологии. В России, как правило, в таких случаях водители обозвали бы пешехода бранными словами, но во Франции совсем другой менталитет, причём не только среди водителей. Однажды мы с Катей были свидетелями такой сцены. Англичанин средних лет приобретал билеты на метро и никак не мог понять, что стоимость зависит от количества покупаемых билетов: чем больше приобретаешь билетов (количество кратно 5 или 10), тем меньше получается сумма, потраченная на один билет. Он всё переспрашивал девушку-кассира, мол, почему, когда он вчера покупал билеты на метро, они были дешевле, чем сегодня. Девушка вежливо, очень терпеливо, вновь и вновь объясняла по-английски ситуацию, но туповатый и прижимистый англичанин не мог понять её объяснений, хотя уже образовалась очередь, однако никто не возмущался. Только мы с Катей улыбались – что с него взять.

Надо сказать, что Катя одинаково хорошо владеет английским и французским, поэтому у нас не было проблем при общении. Но во Франции свои особенности: во-первых, французы даже если видят, что перед ними иностранец, всегда начинают разговор по-французски, и только убедившись, что собеседник не владеет французским, они переходят на английский. Во-вторых, при любом разговоре мужчины интересовались у Кати, кто её спутник – муж или друг? Когда Катя отвечала, что это её отец, то и так вежливые и предупредительные французы становились сверхгалантными. Мне даже пришлось предложить Кате, что когда она будет меня представлять в очередной раз, пусть добавит: «Отец, но очень строгий».

Третий день в Париже (и седьмой в туре) был посвящён Лувру, Эйфелевой башне и Версалью. Конечно, несколько часов в Лувре – это мало, чтобы ознакомиться хотя бы с основными его экспозициями, тем не менее, это никак не умаляло нашего истинного восхищения одним из главных музеев мира.

Жемчужина Лувра – Джоконда, творение Леонардо да Винчи, у которого всегда масса посетителей. Там я узнал о некоторых легендах, связанных с творением великого мастера. Одна из них: не стоит находиться слишком долго у портрета Моно Лизы, она может оказывать неблагоприятное воздействие. Не рекомендуется также держать репродукции самой признанной картины в спальнях. Загадки Джоконды не только в её создании величайшим художником, но и в её влиянии на людей, пытающихся разгадать взгляд и выражение лица Моно Лизы.

Лувр сам по себе очень известен и знаменит. Этот прекрасный музей, расположенный в здании старинного королевского дворца, является самым популярным художественным музеем мира. В его просторных залах не только художественные произведения великих мастеров-живописцев, но и скульптуры, предметы искусства, светские и религиозные драгоценности, гравюры из меди и иллюстрированные книги. В ансамбль Лувра, в основе которого лежит замок-крепость, возведённая королём Филиппом-Августом в 1190 году и в последствии на протяжении веков превращённая строителями и архитекторами в великолепную королевскую резиденцию, удивительным образом гармонично вписывается стеклянная пирамида, возведённая в 1989 году в центре Наполеоновского дворика. Это современное сооружение каким-то чудным образом не отторгается архитектурой исторического дворца, в создании которого участвовали многие французские монархи и императоры. Лувр – это Лувр. Этот музей является символом всемирной истории и цивилизации человечества.

Эйфелева башня – самая узнаваемая достопримечательность Парижа, названная в честь главного конструктора Гюстава Эйфеля. Башня, ставшая символом Парижа, была построена в 1889 году и первоначально задумывалась как временное сооружение, служившее входной аркой Парижской Всемирной выставки. Это самая посещаемая достопримечательность мира. Однако первоначально, несмотря на потрясающий и незамедлительный успех сооружения, творческая интеллигенция Парижа и Франции не приняла Эйфелеву башню и была возмущена дерзким проектом Эйфеля. Писатели и художники считали, что высокая металлическая башня будет подавлять архитектуру города, нарушать неповторимый стиль столицы. Известно, что в 1887 году триста писателей и художников (среди них Александр Дюма) направили послание в адрес муниципалитета, характеризую башню как «бесполезную и чудовищную» затею. Ги

де Мопассан регулярно обедал в ресторане на первом уровне башни. На вопрос, зачем он это делает, если конструкция ему не по душе, писатель отвечал: «Это единственное место во всём Париже, откуда её не видно».

Когда мы на лифте поднялись на смотровую площадку башни, то обратили внимание: город, который был внизу, белый. Это потому, что крыши парижских домов окрашены в белый цвет. Зрелище незабываемое.

Следующим пунктом нашего пребывания в Париже был Версаль. Едва мы вышли из автобуса, на огромной площади у Версальского дворца нас окружила толпа темнокожих молодых людей, предлагающих купить какой-либо сувенир. Все эти парни были обвешены большими и маленькими копиями Эйфелевой башни. Чтобы отвязаться от одного из наиболее настойчивых продавцов я сказал, что куплю вот эту, но за цену в три раза меньше. К моему удивлению, парень с африканскими корнями согласился, отдал мне понравившийся сувенир внушительных размеров, и когда я отошёл от него, он сказал мне вслед по-русски с сильным акцентом: «Мафия русская».

Мы долго бродили по залам Версальского дворца и его неповторимого сада, испытывая иногда восхищение, иногда разочарование. Разочарование и удивление ко мне пришли, например, когда нам показали королевскую брачную кровать одного из Людовиков. Она была совсем небольшая и, я бы сказал, даже скромная.

Затем мы с Катей посидели за столиком открытого кафе и отправились изучать местные погребки и лавки: нам хотелось увести из Франции пару бутылок настоящего французского вина.

Ближе к вечеру мы прибыли в гостиницу и решили вдвоём совершить прогулку по Парижу. Спустились в метро и скоро были в центре Парижа. Парижское метро – это совершенно нечто особенное и несравнимое с московским метро сооружение. Во-первых, оно не так глубоко под землёй. По крайней мере, спуск на станцию ведёт всего пара десятков ступеней. Во-вторых, вагоны парижского метро гораздо меньше, чем в России, и поэтому они мне показались какими-то игрушечными. В-третьих, схема движения поездов метрополитена совершенно уникальна и не соответствует нашим привычным представлениям.

Нам доставляло удовольствие просто гулять по улицам Парижа. В различного рода торговых рядах и магазинчиках нам неоднократно встречались русскоязычные продавцы-женщины.

Как правило, они оказались в Париже через замужество, но далеко не всегда их ожидания о жизни в одном из самых известных городов мира оправдывались и вместо беззаботной светской жизни замужней парижанки они зачастую вынуждены много работать, причём в не самых престижных предприятиях, магазинах и кафе. Некоторые уже развелись, но остались во Франции и вынуждены снимать жильё, которое в Париже весьма дорогое, самостоятельно зарабатывать на жизнь и воспитывать детей. С такими женщинами было легко разговаривать, они охотно вступали в беседы на родном языке, причём первыми проявляли инициативу. Мы с Катей между собой общались на русском, они слышали родную речь и просто спрашивали, из какого мы города России. Как правило, очень доброжелательные, они всегда подсказывали, что и где можно купить дешевле. А вообще, в летние дни в центре Парижа, где по некоторым улочкам и переулкам движение автотранспорта запрещено и они в распоряжении пешеходов, очень многие магазины и лавочки выставляют свой товар прямо на улицу. Однажды с нами произошёл забавный случай. Недалеко от Марсового поля одна из улиц была полностью превращена в подобие открытого рынка. Мы выбрали майки, платки, сумку – всё с парижской символикой, но никак не могли найти, кому и где заплатить за всё это, хотя все товары продавались через магазины. Наконец, нашли кассу – она находилась в зале одного из магазинов, причём в самой глубине помещения. Я спросил менеджера:

– Почему такая беспечность? У вас что, товары совсем не воруют?

И он мне подробно объяснил, что клиенты подобных торговых точек в основном туристы, а они люди в массе своей порядочные, уже в силу того, что находятся в другом государстве. Местные бомжи в основном покушаются на продукты, так как вещи им раздают бесплатно различные благотворительные фонды, впрочем там же они могут и покушать.

Мы вернулись в гостиницу довольно поздно и отказались от идеи посещения известного кабаре «Молен Руш». У нас и так было уже пресыщение от впечатлений и новых познаний.

Четвёртый и последний день в Париже был свободным, вечером мы должны были отправиться из французской столицы в обратный путь, но по другому маршруту. Утром после обильного завтрака мы погрузили в автобус свои вещи, и нам объяснили, где будет общий сбор нашей группы вечером в 20:00, и мы с Катей отправились в город. Было воскресенье, солнечный день,

настроение наше было приподнятое, и мы очень надеялись, что наш последний день в Париже принесёт нам очередные приятные впечатления. В центре города мы прикупили ещё немного сувениров и направились к Елисейским полям, где в этот день должен был состояться финал международных многодневных соревнований по велогонкам. Проходы на Елисейские поля были закрыты (зрителей пускали только утром до определённого времени), и мы шли по параллельной улице, безуспешно пытаясь найти свободный от подтянутых французских полицейских вход на Елисейские поля.

В конце концов, я взял инициативу в свои руки и подошёл к девушке-полисмену, которая вместе с коллегами-мужчинами охраняла одно из посольств, объяснил, что я писатель из России и мне крайне важно сегодня присутствовать на финале велогонки, где участвует российская команда под названием «Катюша». Та всё поняла, мило улыбнулась, впустила нас в калитку и провела в обход здания посольства на Елисейские поля. Нашей радости не было предела, и мы были очень признательны обаятельной француженке-полисмену.

Знаменитая парижская улица была заполнена гостями и жителями Парижа. Те, кто пришли пораньше, сидели за столиками многочисленных уличных кафе, другие стояли или прогуливались вдоль широких тротуаров. Кое-где были сооружены временные скамейки для посетителей. Мы шли сквозь бесчисленные столики, за которыми сидели жители и гости Парижа, коротая время за бокалами вина, чашками кофе, мороженым и различными закусками, безнадежно пытаясь отыскать свободные места. Шли мы довольно долго, и когда уже совсем отчаялись почувствовать себя настоящими участниками праздника (какой праздник без столика и парижских кулинарных изысков), одна молодая официантка нашла-таки для нас два свободных стула в компании, которая отдыхала уже видимо несколько часов. Конечно, подсаживаться к занятым столикам не принято не только во Франции, но в день всеобщего ажиотажа такое правило действовать просто не могло. Компания, в которой мы оказались, занимала два столика. Они были уставлены вином, шампанским и т. д. Солидный мужчина, одетый в классическом парижском стиле: тёмный пиджак, ослепительно белая рубашка и яркий галстук-шарфик, повязанный вокруг шеи, после того как мы представились, сразу попросил нашу добрую официантку принести две бутылки шампанского в ведёрках со льдом. Молодой француз, который был одет очень демократично и во

всём слушался старшего коллегу, был явно очарован появлением Кати, начал нас угощать шампанским, говорить всяческие комплименты, причём не только Кате, но и мне. Если фразы, обращённые к Кате, были многословные и затейливые, то у меня Пьер всё время допытывался об одном: «Вы есть Дуглас, американский актёр, которого я очень люблю?» И за подтверждением он обращался к трём американским студенткам, которые путешествовали вместе по Европе, знали итальянский язык, но не знали французского. Девушки были польщены вниманием парижских мужчин и восторгались солидным Антуан-Жан-Клодом, который казался нам образцом парижского буржуа. Он был немногословен, знал несколько языков, воспитан, щедр (все заказы оплатил он) и прост в общении. Американки были от него без ума, но Антуан оставался деликатным, и было видно, угощает он, чтобы доставить удовольствие гостям его города.

Молодой француз Пьер старался всеми способами обратить на себя внимание Кати. Я сделал небольшой заказ из мороженого, кофе, десертов и проводил время в общении с сидящей рядом со мной одной из студенток. Жаклин оказалась занимательной и яркой девушкой, этакой типичной представительницей американской молодёжи. Мы с ней иногда обращались к Кате за помощью в переводе, но по большому счёту никто никого не напрягал, всем было приятно и весело.

Иногда представительный и внимательный Антуан, видя, что у кого-то в бокале закончилось вино или шампанское, находил взглядом официантку, делал лёгкий кивок головой, и она тут же снова несла нам пару бутылок шампанского в ведёрках со льдом. Бутылки открывал Пьер, делал он это артистично, непременно комментируя, и затем с удовольствием разливал в бокалы искрящееся шампанское.

Мы уже часа два сидели с такой милой компанией, дышали парижским воздухом, насыщенным праздностью, миролюбием и даже одухотворённостью, смотрели на многочисленную беззаботную публику, которая, казалось, уже забыла, ради чего здесь собралась, и жила своей жизнью уличных кафе. Мы откровенно наслаждались чудным июльским днём не жарким, но несущим лёгкость и теплоту солнечных лучей, необыкновенный вкус французского шампанского, очаровательные улыбки наших собеседниц и лестное отношение новых французских знакомых. Эти часы остались в нашей памяти, как частица того Парижа, которую обязательно надо увидеть каждому. Но всё имеет начало, и всё имеет конец. Прошёл полдень, а о финале велоганок

как будто все забыли. Скорее всего, финальная часть соревнований прошла ближе к вечеру, когда парижане и гости вдоволь поубавили запасы ресторанчиков и кафе. Однако нам пришлось покинуть Елисейские поля намного раньше. Хотя и причин-то не было расставаться с этими милыми людьми, сидеть бы до вечера в этом охватившем всех блаженстве доброжелательности и общения, но моя непосредственная собеседница Жаклин в порыве беседы неожиданно вскочила с места и села ко мне на колени, продолжая разговаривать и показывая очередное фото на своём сотовом телефоне. Пьер, безуспешно пытавшийся ухаживать за Катей, только и проговорил:

– Анатоль, ты лучший. Ты круче Дугласа.

Подруги Жаклин начали исполнять какой-то танец под незатейливую песенку, и даже невозмутимый образец французской буржуазии Антуан-Жан-Клод, явно повидавший на своём веку всякого, улыбнулся и одобрительно мне кивнул.

Но Катя, моя дочка, непосредственная и правильная, изумлённо смотрела на нас с Жаклин широко открытыми глазами и неодобрительно воскликнула: «Ну, папа!..» Я развёл в стороны свои руки, как бы показывая, что здесь я ни при чём, пытаюсь объяснить Кате, что не могу же я быть невежливым и просить даму вернуться на своё место. Жаклин немного посидела и, насладившись произведённым эффектом, вернулась на свой стул, только Катя уже была настроена категорично. Немного подождав для приличия, она объявила, что у нас ещё много дел, и нам пришлось попрощаться со всей весёлой компанией.

Прощание было долгим: обменивались адресами и телефонами, говорили, что обязательно встретимся, и желали друг другу удачи и счастья.

Оставив Елисейские поля, мы отправились в сторону Монмартра. Шли по пустынной улице, видимо, весь Париж был в этот день на Елисейских полях, даже машин почти не было. Неожиданно одна из машин остановилась, и водитель попросил нас подойти. Мы решили, что ему нужна помощь, и подошли к авто. Мужчина путано на французском пытался рассказать, что он итальянец, вчера для парижских друзей устроил шикарную вечеринку, в итоге у него закончились все наличные евро, а банкоматы в воскресенье не работают, снять деньги с карточки он не может, поэтому предлагает нам купить у него за очень низкую цену женскую шубу, совсем новую. Шубка действительно была хороша, но меня смутили несколько обстоятельств: банкоматы по времени ограничений в работе не имеют. Несмотря на заты-

нувшийся разговор, итальянец не выходил из машины, а на мой резонный вопрос, почему бы ему не обратиться к друзьям, ответил, что денег ему нужно только на бензин, поэтому из-за этого незначительного повода он не хочет беспокоить своих французских приятелей. Такие нелогичные ответы итальянца привели нас к мысли, что он скорее всего авантюрист, и я решительно настоял, чтобы Катя прекратила с ним все переговоры, и мы двинулись своей дорогой, а итальянец своей, каждый со своими намерениями.

У Монмартра мы купили кофе в стаканчиках, два больших батона и присев на свободную скамейку, решили перекусить. Естественно, мы разговаривали на русском, и вскоре к нам обратилась на русском языке женщина средних лет, которая сидела на соседней скамейке:

– Как вы думаете: можно здесь голубей кормить?

Мы точно не знали правильного ответа, но ответили утвердительно:

– Конечно, можно. Мы сами собираемся это сделать.

Поскольку мы съели только одну булку, то вторую и в самом деле стали скармливать многочисленным голубям, устроив птицам настоящий обед, комментируя втроём это событие, обращаясь к голубям:

– Похоже, вас здесь кормят только русские.

– Да, русские в Европе – самые ответственные.

– И не жадные.

Благодарные голуби стаями окружили нас, и нам пришлось купить для них ещё пару батонов.

Время летело быстро, и нам было пора ехать в район Эйфелевой башни, где на стоянке нас ждал автобус. Мы добрались на метро, и поскольку в запасе было ещё часа полтора, разместились в открытом кафе на берегу Сены, и за чашкой кофе наблюдали за прохаживающимися по набережной жителями Парижа и туристами. Кстати, отличить коренных французов от гостей в этом районе совсем несложно. Туристы, как правило, идут группами, смотрят по сторонам, всё время разговаривают. Французы же просто гуляют и наслаждаются.

Мы долго наблюдали за одной красивой немолодой парой, не спеша гуляющей по набережной. Мужчина, одетый в чёрный смокинг с блестящими пуговицами, на фоне которого выделялась белая рубашка с красной бабочкой, вёл под руку стройную несмотря на возраст женщину в длинном платье, на плечах которой был наброшен белый шарф. Они настолько гармонировали

друг с другом, что пару эту нельзя было не заметить с их аристократической внешностью и уверенной походкой, как и подобает жителям Старого Парижа. Под впечатлением этой интересной пары я тут же для Кати придумал легенду, что эти люди с дворянской внешностью явно потомки русских эмигрантов, которые будут рады знакомству с туристами из России и расскажут нам свою романтическую историю любви и жизни в Париже. Но впечатлительная Катя на этот раз резонно заметила:

– Я тебе верю. Пусть так и будет, но не будем нарушать покой этой замечательной пары, занятой их ежедневной прогулкой в этом месте с элементами церемониала.

Прошло несколько лет, но пару эту я не могу забыть: вот что значит истинный аристократизм и дворянское достоинство, несколько минут достаточно, чтобы оценить эти качества.

Однако Париж успел удивить нас ещё один раз за те полчаса, что оставались до отъезда. Мне, вдохновлённому видами набережной Сены, хотелось поделиться этими впечатлениями со своими друзьями в Йошкар-Оле, но я знал, что сотовый телефон, которым я тогда располагал, обслуживался местным оператором только на территории Марий Эл, и я даже не пытался им воспользоваться. Но в эти минуты я взял телефон и набрал номер приятеля. К своему изумлению, я услышал знакомый голос. Несколько минут нашей беседы были скорее монологом моих восторженных эмоций, Володя только сдержанно и как всегда иронично спросил:

– Ну, ты, надеюсь, вернёшься в «немытую» Россию?

– Да, Владимир, но возвращаюсь я в святую Русь, в нашу великую Россию.

Тем не менее, возвращаться на родину решили не все. Когда мы в автобусе расселись по своим местам, оказалось, что нет одной девушки по имени Мерзеда. Армянка по происхождению, гражданка России, Мерзеда осталась в Париже у молодого человека, с которым она ранее общалась только по телефону. О своём намерении не возвращаться она предупредила свою соседку-попутчицу, дабы не ждали её и не объявляли в розыск через консульство. По этому поводу нам пришлось написать объяснительные записки на российской границе, на том дело и кончилось. По сути, если Мерзеда в течение нескольких лет сумеет прожить во Франции не зарегистрированным эмигрантом и не засветиться каким-либо проступком перед полицией, то у неё есть шансы получить впоследствии вид на жительство.

Мы попрощались с Парижем и приготовились к ночному переезду, чтобы утром быть уже в Германии. Перед Дрезденом у нас была санитарная остановка, чтобы умыться, переодеться, позавтракать, затем нас ожидала пешеходная экскурсия по Дрездену, посещение Дрезденской галереи и несколько часов свободного времени. Свободным временем мы с Катей воспользовались незатейливо, но с пользой. Для начала мы заказали в одной из закусочных знаменитые дрезденские сосиски, которые подавались с картошкой, и оценили, что немецкие сосиски действительно натуральные, большие и сытные. Мы запили их чаем и отправились в один из супермаркетов, причём Катя, видимо, устав быть переводчиком в различных ситуациях, сразу по приезде в Дрезден заявила:

– Здесь, папа, общаешься со всеми ты, я немецкого не знаю, – посчитав, видимо, что моих школьных знаний немецкого языка вполне достаточно, чтобы не только самому общаться, но и для Кати быть переводчиком. К слову сказать, я с честью справился с заданием, мы не только насладились традиционной немецкой кухней, но и купили кое-что из одежды – весьма приличные вещи.

Погуляв по Дрездену, остановились во дворе Зингеровского дворца. Дворец этот располагает громадной площадью – лужайкой с фонтаном и сценой для спектаклей. Воочию познав свободу поведения в Европе, я тотчас снял туфли, носки и опустил ноги в прохладную воду фонтана. В Германии в этот день стояла солнечная погода, и водоём с большим фонтаном был весьма кстати. Чуть погодя, мы расположились на скамейке в тени здания дворца, откуда и смотрели спектакль местных самодельных актёров, но поставленный со всеми атрибутами театральной жизни.

Через несколько часов мы снова ехали по добротным дорогам Европы, уже предвкушая встречу с друзьями в столице нашей Родины – Москве и, конечно, с родными и близкими в небольшой, но уютной и милой столице Марий Эл – Йошкар-Оле.

Родина, ты прекраснее всех и всего. И никакие другие города и страны не могут затмить твоего с нами единения.

СЕМЬ ДНЕЙ В НОРВЕГИИ

Поездка в Норвегию назревала постепенно. В этой стране, в заполярном городе Тромсё, живёт моя двоюродная сестра Светлана Акре (в девичестве Павлова). После того как она побывала у нас в гостях, в городе Йошкар-Ола, и пригласила нас с женой посетить Норвегию, мы в семье неоднократно обсуждали возможность и время поездки. Наконец, было решено: ехать в Скандинавию надо в августе.

Впервые я увидел свою двоюродную сестру по материнской линии в Мурманске, куда приехал после окончания средней школы с намерением поступить в высшую мореходку. Мой отец рассказывал мне, как ходил в море на рыболовных судах, а во время второй мировой войны участвовал в походах Северных конвоев, на кораблях охранения, которые сопровождали английские и американские суда, шедшие в Мурманск и Архангельск с необходимыми для нашей страны военной техникой, оборудованием, продуктами питания. Вдохновлённый рассказами отца о морских походах, я семнадцатилетним юношей прибыл в Мурманск, где, кстати, жили наши родственники. Через несколько дней моего пребывания в Заполярье, в выходной день, тётя Нила (у которой я временно остановился) в компании других наших родственников повела меня к дяде Паше и тётё Гале, которые жили в городе Коле (город-спутник Мурманска). До этого дня я видел их только на фотографиях и с удовольствием согласился пойти к ним в гости.

Поскольку мои спутники, идя по улице, оживлённо разговаривали, я, не принимающий участия в беседе, оказался несколько впереди всей нашей компании. Неожиданно в нескольких шагах от себя я увидел девушку, которая стояла во дворе дома. Она была очень привлекательная: с тёмными волнистыми волосами, стройная, с широко открытыми глазами и какой-то загадочной улыбкой. Не обращая внимания на то, что обо мне подумает сопровождавшая родня, я решил тотчас подойти к ней и познакомиться.

– Здравствуйте. Меня зовут Анатолий. Я здесь в гостях. Пока в гостях.

Девушка ответила довольно неожиданно:

– Я знаю.

Пока я соображал, что означают эти слова, за спиной раздался голос тёти Нилы:

– Да они уже познакомились!

И здесь я понял, что это Света, дочка тёти Гали и дяди Паши. Конечно, я был рад, но ещё более разочарован, так как девушка мне очень понравилась, но оказалась двоюродной сестрой.

За год, который я провёл в Заполярье, мы со Светой подружились, иногда я приезжал к ней в Колу из Мурманска, где учился в пединституте и жил в студенческом общежитии. Света училась в 10 классе. У нас не было разницы в возрасте, и мы легко находили общий язык.

Через год я уехал из Мурманска, так как перевёлся в политехнический институт города Йошкар-Олы. Некоторое время мы переписывались, потом Света вышла замуж, и мы на многие годы потеряли какое-либо общение. В начале 2000-х через родственников я узнал, что Света живёт в Норвегии, а вскоре получил от неё письмо, где она сообщила об изменениях в своей жизни. Мы стали созваниваться, а в мае 2005 года снова встретились в Мурманске, куда я приехал, так как давно хотел навестить город своей юности. У Светы поездка в Россию тоже была запланирована: в Мурманске жил её сын от первого брака, и она регулярно навещала его. Впечатления от посещения Мурманска у меня были самые лучшие. Центр города, а именно Ленинский проспект, остался таким же, как и 30 лет назад, и я с удовольствием бродил по нему с ностальгическим настроением.

К моей великой радости, по поводу моего приезда на квартиру у одного из однокурсников собрались несколько моих товарищей-сокурсников по физмату, и мы организовали импровизированный банкет. Вечер провели очень тепло, в воспоминаниях и беседах.

Уже в те дни мы договорились со Светой, что она побывает у нас в Йошкар-Оле. Светлана приехала к нам в гости через три года. Причём мы смогли познакомить её не только с Марией Эл, но и организовали поездку на родину её отца – в деревню Подольская Вологодской области и путешествие на теплоходе по Волге.

Её приглашение посетить Норвегию мы с женой Лидией Ивановной сначала восприняли как вежливую формальность, но через несколько лет оно получило реальное воплощение. Мы уже не теряли связь со Светланой, регулярно обменивались новостями по телефону и через электронную почту, а в июне 2014 го-

да начали оформление виз, которое, кстати, не было простым делом, и после оформления всех необходимых документов 2 августа мы выехали поездом в Москву, затем в Санкт-Петербург, откуда самолётом направились в Осло, а оттуда в Тромсё.

Надо отметить, что путешествие к обоим столицам нашей страны было лёгким и приятным, так как в Москве нас встречали и провожали наши дети, а в Санкт-Петербурге – двоюродный племянник Алексей Аноров. Он неизменный и незаменимый наш спутник и гид в городе на Неве. Ни одна поездка в Петербург членов нашей семьи не обходится без его участия: он показывает нам Невский проспект, мосты над Невой, ночной Петербург, неповторимый Петергоф и знаменитое Царское село.

В аэропорту Пулково, куда нас Алексей доставил на своей машине, мы легко и быстро зарегистрировались на свой рейс и в 14:00 вылетели самолётом компании «Norwegian» в Осло. Летели мы почти два часа, предлагаемые напитки и обед подавались пассажирам только за отдельную плату в евро или в норвежских кронах (на российских рейсах стоимость напитков и обеда обычно включается в стоимость билета).

Осло встретил нас пасмурной и дождливой погодой, но в здании аэропорта, которое представляет собой современный комплекс из многочисленных просторных залов, переходов и коридоров, было тепло, светло и совсем не душно, несмотря на обилие пассажиров. При прохождении паспортного контроля мы встали в очередь к пункту пропуска с меньшим количеством людей, где по-английски было написано: «Норвегия, Европа, США». Мы посчитали, что Россия – это европейская страна, но не так думают норвежские таможенники, которые отправили нас к соседнему окну, где красовалась надпись: «Весь остальной мир». Получается, нас, россиян, приравнивали к африканцам, арабам и т. д. Мы не стали спорить и прошли паспортный контроль, как нам предписали, но в итоге мы последними с нашего рейса вошли в ту часть терминала, где происходило получение багажа. У каждого эскалатора, по которым двигались сумки и чемоданы, на электронном табло имелись надписи с номерами рейсов и названиями городов, откуда прибыл самолёт. Мы прошли все эскалаторы, но нашего рейса из Санкт-Петербурга не обнаружили. У багажной стойки я спросил девушку-служащую, где мы можем получить свой багаж. Уровень моего английского не блещет, но он достаточен, чтобы вполне чётко сформулировать подобный вопрос. Девушка показала рукой влево, где находился зал при-

ёма дипломатических и специальных грузов, и сказала, чтобы мы обратились туда. Уже через минуту мы поняли, что сотрудница аэропорта ввела нас в заблуждение, но багажная секция была одна, и я был вынужден снова вернуться к ней. На наше счастье, там, кроме странной сотрудницы, находился молодой человек, который сразу меня понял и направил к эскалатору № 8, что находился в самом конце зала и не был нами замечен. Там мы благополучно получили свой слегка подмоченный багаж. Позднее, когда я расспрашивал Свету, почему сотрудница аэропорта была столь некомпетентна, что не могла ответить на элементарный вопрос, сестра объяснила, что в период отпусков основных сотрудников аэропорта иногда заменяют неопытные дублёры, которые не всегда хорошо владеют английским, да и свои функциональные обязанности знают не лучшим образом.

До вылета в Тромсё у нас было достаточно времени, и мы, пройдя досмотр и поменяв в пункте обмена валюты евро на норвежские кроны, направились в одно из многочисленных кафе и закусочных. Уже здесь мы обратили внимание, что норвежские цены гораздо выше, чем цены на соответствующие продукты и блюда в России, даже если учитывать, что мы обедали в международном аэропорту.

Через огромные окна терминала мы видели, что погода окончательно испортилась: начался настоящий ливень с громом и молниями. Большинство рейсов, в том числе и наш, задерживались по погодным условиям. От нечего делать мы разглядывали сидящих, стоящих идвигающихся пассажиров разных национальностей. Среди прочих выделялись японцы, группы которых были очень организованны. Необычность нарядов у индусов произвольно останавливала на них неискущённые взгляды. Практичные европейцы не теряли времени даром: они в большинстве своём беседовали и одновременно жевали бутерброды. Сотрудники аэропорта передвигались по терминалу на специальных самокатах быстро и не доставляя неудобств пассажирам.

Время от времени голос по радио на английском и норвежском языках информировал об очередной задержке и переносе рейсов. Мы же старались чаще смотреть на электронные табло, где высвечивалось ориентировочное время начала посадки рейсов.

Посадка на наш рейс началась поздно вечером – около 22 часов по местному времени, а в Тромсё мы прилетели уже за полночь. В аэропорту нас встречала Светлана, которая была информирована о задержке нашего рейса и терпеливо ждала улуч-

шения погоды. Мы получили свой чемодан, который оказался промокшим не только снаружи, но и внутри. То ли чемодан, который был специально приобретён для этой поездки, оказался некачественным, то ли при перегрузке он надолго оставался под дождём, но вещи, которые находились в чемодане, оказались влажными. Правда, это мы уже обнаружили, когда прибыли в дом Светланы, куда добирались на её автомобиле. Из-за пасмурной погоды было достаточно темно (хотя в это время в Норвегии белые ночи), и мы больше слушали Свету, которая была за рулём, и меньше смотрели в окно, где можно было видеть только очертания гор, моря и домов. Добравшись до дома, где живёт Светлана, мы долго сидели за столом – ужинали и разговаривали. Хозяйка готовилась к нашему приезду, ждала нас, поэтому стол ломился от многочисленных блюд и яств. Лидия Ивановна, в свою очередь, вручила подарки, которые мы привезли из России. Нам была отведена отдельная уютная комната, где мы с удовольствием расположились на ночлег.

Утром, проснувшись, я вышел на веранду и крикнул: «Доброе утро, Норвегия!» Погода была самой благоприятной: солнце и очень лёгкий ветерок. Я осмотрелся по сторонам: море, горы и небо с бирюзовыми бегущими облаками. Через несколько минут я решительно направился к морю, которое было совсем рядом. Дом стоит на берегу Норвежского моря, на специальных бетонных опорах, поэтому во время приливов вода не доходит до строения. Умывшись солёной, но неожиданно не очень холодной морской водой и насладившись аурой северного моря, я вернулся к дому. Поместье Светланы (по-другому трудно назвать) состоит из нескольких построек. Кроме двухэтажного деревянного жилого дома, рядом расположились здание бывшей фермы, складские помещения, гаражи и другие хозяйственные постройки. Во дворе стояла иномарка Светланы и небольшой трактор, он, как правило, используется для очистки подъездной дороги в зимнее время. Рядом с домом, на каменистой почве, разбит небольшой цветник, чуть поодаль – грядка с клубникой.

Примерно в двухстах метрах от дома сестры находится фермерское хозяйство соседей. Их коровы паслись на лугах около моря и выше, на склоне горы. Светлана объяснила, что с соседом у неё хорошие и даже партнёрские отношения. Она разрешает пасти скот на её территории, сосед же в свою очередь чистит зимию на тракторе дорогу от трассы к дому Светланы.

На завтрак хозяйка приготовила огромное количество бутербродов с сёмгой, которые хорошо сочетались с различными

паштетами и соусами. Колбаса, сыр, овощи также были на столе, но мы больше наслаждались норвежской рыбой, которую Светлана сама засаливала по специальным рецептам. Забегая вперёд, скажу, что рыбы мы перепробовали за дни пребывания в Норвегии великое множество. Кроме сёмги это были лосось, треска, сайга, форель и т. д.

Плотно позавтракав и выпив кофе со сливками, мы поехали в Тромсё. Теперь мы могли хорошо рассмотреть всё, что было за окнами автомашины. Сначала мы ехали вдоль моря по неширокому, в две полосы, шоссе, затем по длинному, консольному Тромсёйскому мосту, который является достопримечательностью города и соединяет остров Тромсёя, на котором и расположен город Тромсё, с большой землей. Проехав мост, мы вскоре въехали в тоннель, который ветками расположен под городом. Стоянки автомашин тоже в тоннеле, и, надо отметить, что жители и гости города охотно пользуются подземными стоянками – они дешевле, чем обычные, наверху, в городе. Поскольку сеть тоннелей позволяет проехать практически в любую часть Тромсё, на улицах города нет столпотворения машин, их даже немного, по современным меркам европейских городов.

Мы оставили машину на подземной стоянке и отправились гулять по улицам города. Тромсё – это город и коммуна в Норвегии, административный центр фюльке (губерния) Тромс. Поселения на месте Тромсё существовали со времён эпохи последнего оледенения и в железном веке. Первая церковь в Тромсё была построена в 1252 году. Статус города Тромсё получил в 1794 году.

Тромсё – оживлённый город, расположенный за Северным полярным кругом, среди фьордов и гор. Это крупный портовый и университетский центр, который часто называют «воротами в Арктику» и «северным Парижем». Кроме того, Тромсё – популярная точка на маршруте морских, авто- и велопутешествий по фьордам Норвегии. Этот город также привлекает любителей горных прогулок, скалолазания и рыбалки.

Учитывая, что Тромсё – это портовый, туристический город, здесь можно услышать речь на разных языках, включая русский. Русские в Тромсё приезжают не только как туристы. Здесь проживает достаточно большая русская диаспора. Норвежцы часто женятся на русских женщинах, и поэтому здесь проживает много наших дам из Мурманска, Архангельска, Санкт-Петербурга. Светлана рассказала, что в её окружении шесть-семь подруг из России, которые постоянно проживают в Тромсё. С некоторы-

ми подружками сестра нас впоследствии познакомила. Интересно, что часть из них – истинные патриотки России, другая часть почему-то описывала свою жизнь в России только в мрачных тонах. С последними наши дискуссии заканчивались ничем, каждый оставался при своём мнении.

Но вернёмся на улицы Тромсё. Жилые дома все деревянные. Кирпичные здания – это только школы, больницы и административные помещения. По нешироким тротуарам неторопливо прохаживались жители и туристы. В сувенирных лавочках большой выбор для иностранцев, но цены соответствуют уровню жизни норвежцев, который один из самых высоких в Европе. Дома норвежцев, как правило, небольшие, без всякой помпезности. Даже покрашены они в неброские, серых оттенков цвета, иногда присутствуют тёмно-синий и тёмно-красный расцветки. Автомашин норвежцев тоже скромные и неброские. Мы не увидели навороченных «джипов», дорогих «мерсов» и «лексусов», современных «ауди», зато непрезентабельные «тойоты», практичные «фольксвагены» и небольшие «опели» встречаются повсеместно.

Местные жители одеваются подчёркнуто скромно. Я бывал в Европе, но такую неброскость и скромность в одежде наблюдал впервые. Как правило, мужчины и женщины, юноши и девушки одеты в лёгкую обувь наподобие кроссовок, джинсы или тёмные штаны (брюками эту часть одежды трудно назвать, так как в большей мере они балахонистые и потрёпанные), а также серые свитера и опять же серые или тёмные куртки. На голове – шапочки, у молодых людей надвинутые до бровей. На улицах и в офисах не встретишь ярких, стильных женщин и модных мужчин. Когда в супермаркете я обратил внимание на стройную, одетую в длинную юбку и цветную блузку девушку с модной причёской, то это оказалась дочка Светланы. Они договорились встретиться на несколько минут в фойе универсама. Этот случай вполне симптоматичен. Если встретишь в Норвегии красивую, стильно одетую женщину, можно с большей долей вероятности утверждать, что она русская.

Русские женщины в Тромсё – это отдельная тема, требующая скрупулёзного, социального анализа. Здесь же я отмечу лишь некоторые собственные наблюдения и впечатления. Впервые, жизнестойкость и умение приспособливаться к новым, не всегда комфортным условиям. Когда Светлану её будущий норвежский муж Стейнар привёз в Норвегию, она сразу и весьма прагматично перераспределила обязанности работников в се-

мейной ферме Стейнара. Сначала она заявила, что незачем платить деньги ветеринару, так как все уколы и прочие процедуры коровам она, как опытная медсестра, может сделать сама. Затем уволила ещё двух работниц фермы, объяснив, что с механизированной дойкой можно управляться без помощниц. Стейнар понял, что его русская подруга не только красива, энергична и коммуникабельна, она ещё трудолюбива и предприимчива. Несколько лет они вместе успешно вели фермерское хозяйство, но болезнь, а затем и смерть мужа вынудили Светлану свернуть животноводческое производство. К тому времени она уже свободно владела норвежским языком и вернулась к своей привычной работе медсестры.

Во-вторых, русские женщины и за границей остаются верными своим манерам. Так, одна из русских подруг Светы, поссорившись со своим мужем, к его ужасу, тотчас схватила сковородку и треснула его что было силы по загривку. Муж оклемался и через несколько дней обратился за консультацией в «Общество побитых мужей» (есть такие организации в цивилизованной европейской стране), объяснив жене при этом, что он это делает для того, чтобы показать ей, как надо улаживать конфликты. На что русская женщина ответила: «Если ещё раз будешь мне что-то указывать в таком тоне, получишь сковородкой уже по голове». И этот физически сильный и высокий мужчина, её муж, вынужден был смириться.

В-третьих, большинство из русских женщин быстро понимают за границей, что руководствоваться надо только холодным рассудком, но никак не чувствами. Это позволяет им, раскованным и раскомплексованным, менять мужей, работу и города. Одна из наших дам, которой меня представила Светлана, уже через полчаса нашей совместной беседы рассказывала, что собирается в очередной раз сменить мужа. На мой вопрос: «Почему?» – она безапелляционно заявила: «Надоел. Зануда. Да и старый уже». На мой очередной деликатный вопрос: «А будущий претендент уже известен?» – последовал категоричный ответ: «Для нас здесь это не проблема. Норвежские женщины нам не соперницы».

Центр города Тромсё небольшой, его легко обойти пешком. С главной рыночной площади Stortorget открывается вид на гавань и Арктический собор. Архитектурно собор абсолютно не похож на культовое сооружение. Здание состоит из необычных треугольных конструкций. Главный вход собора окружён большим стеклянным фасадом и украшен переливающейся мозаикой.

Привлекает внимание и собор Пресвятой Девы Марии, самый северный на свете собор, посвящённый Богородице. Эта католическая церковь является кафедральным собором территориальной прелатуры Тромсё. Приход собора объединяет около 500 верующих разных национальностей.

Нельзя было не заметить огромные портреты экс-чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова, которые висели на фасадах некоторых зданий. В это время в Тромсё проходила всемирная шахматная олимпиада, но только портреты Каспарова почему-то были развешаны в городе.

Нагулявшись вдоволь по тихим спокойным улицам Тромсё, мы зашли в кафе. Пиво, которое мы там пили, было отменного качества, а кривые, тарелку которых нам принесла официантка, были необычно большими и, я бы сказал, жирными. Наслаждаясь пиршеством, я обратил внимание, что за соседним столиком сидело пятеро мужчин старше среднего возраста и пили кофе. Они сидели ещё до нашего прихода в кафе, угощались кофе, когда мы находились в кафе, и когда мы уходили, они оставались за чашечками кофе и непрерывной беседой. В своё время я наблюдал в Германии, как мужчины, посетители кафе и баров, неторопливо пили пиво, во Франции воочию видел, как в тёплые дни парижане под зонтиками уличных кафе распивали по несколько часов бутылочку вина, но то, чтобы взрослые люди часами сидели за чашечкой кофе, было для меня откровением. На мой вопрос: «Норвежцы вообще употребляют алкоголь?» – Света очень доходчиво предложила провести эксперимент:

– Ты сейчас подходишь к соседнему столику, по-английски представляешься и предлагаешь совместно выпить водки или коньяка за счёт туриста из России. Дальше всё увидишь сам.

– И что, будут пить?

– Да, будут. И пить будут до тех пор, пока угощаешь, а за свой счёт они алкоголь стараются не употреблять. Во-первых, водка, коньяк и виски здесь достаточно дорогие, а во-вторых, такой менталитет. Когда норвежцы приезжают в Россию, то пьют много и не только потому, что у нас алкоголь на порядок дешевле, а ещё и потому, что они считают: в России позволить пить могут все.

Наши валютные возможности не позволили мне провести этот эксперимент, но я вполне довольствовался объяснением сестры, которая, наверное, знала, что говорила любопытному брату. Закончив приятную дегустацию норвежского пива,

мы поблагодарили милую официантку и снова вышли на улицу. Кафе располагалось рядом с гостиницей – высоким многоэтажным зданием. Перед входом в гостиницу была установлена скульптура обнажённого мужчины, в очень тёмном, почти чёрном, цвете. Такая же скульптура находилась в холле гостиницы. Что они символизируют, мы так и не поняли, но предположений было озвучено нами немало. В фойе гостиницы толпилось множество людей. Это были официальные лица от шахматных кругов, которых можно было определить по строгим костюмам, непосредственные участники шахматных соревнований, одетые демократично в футболки с надписями, а также тренеры и представители от разных государств. На лифте мы поднялись на смотровую площадку, расположенную на крыше гостиницы, и нам открылась вся панорама Тромсё. Город занимал весь остров, а вдоль берега располагались причалы для судов разного назначения – от океанских лайнеров и судов ледокольного класса до небольших яхт и катеров. Мы сделали несколько фотоснимков и спустились вниз.

Лидия Ивановна настояла, чтобы мы совершили экскурсию по магазинам, так как надо было начинать приобретать подарки, а также познать де-факто розничные цены в этой благополучной стране. Мы уже знали от Светланы, что даже самая маленькая пенсия в Норвегии не может быть менее 10 тысяч крон в месяц, а средняя заработная плата составляет от 15 до 25 тысяч крон, но даже при таких доходах сами местные жители могут позволить себе купить далеко не всё. Надо отдать должное упорству моей супруги – в каждый день нашего пребывания в Тромсё она заходила в какой-либо универсам и к концу нашего пребывания все подарки для детей, внуков и друзей были закуплены. Учитывая цены на товары в этой стране, сделать это обычным русским туристам было далеко непросто.

Немного утомлённые, но полные впечатлений, мы возвращались в дом Светланы, где нам был организован богатый ужин. У Сестры был большой выбор вин в баре, кроме этого в погребе хранилось ещё несколько десятков бутылок от шампанского до «Хеннеси». Многое мы перепробовали уже в первый вечер, но после столь насыщенного дня предпочли остановиться на столовом грузинском вине. Пресыщенный увиденным, отведав доброго вина и порадовавшись шикарному ужину, я попытался смотреть телевизор, но сон накатился с безальтернативной силой, и я с удовольствием покинул своих дам, которые ещё долго щебетали за разговором.

Утром следующего дня после завтрака женщины были заняты своими делами, и у меня появилось время посмотреть новости по телевизору. Я поднялся на второй этаж, чтобы не мешать остальным, и начал просмотр каналов. К своему удовольствию, обнаружил, что на норвежском TV представлено несколько русскоязычных каналов. Полистал и англоязычные каналы. К моему удивлению, они в программах новостей рассказывали обо всём: о палестинских боевиках, израильской разведке, положении в Сирии и Ливии, о стрельбе полицейских в США, но почти ничего не упоминали о событиях на Украине. А если и говорили, то о поддержке новой украинской власти, которая придерживается западных ценностей и демократического курса, но вынуждена временно проводить иногда жёсткие меры. Однобокость освещения событий и двуличность позиций англоязычных каналов были видны невооружённым взглядом.

Третий день нашего пребывания был посвящён морской прогулке. На причале мы вошли на борт скоростного пассажирского судна и через несколько минут уже плыли от Тромсё по Норвежскому морю вдоль побережья. Море и горы – это основной пейзаж Норвегии. Горы возвышаются по всему побережью, отвесные, скалистые, пологие, усыпанные валунами, плоские и беспорядочно рельефные. Это разнообразие величественных гор и причудливых скал с зелёным подножьем у берега моря создаёт неповторимый ландшафт и своеобразный климат. Благодаря тёплому течению Гольфстрим и наличию гор, защищающих норвежское побережье от разных циклонов и антициклонов, средняя температура воздуха в Северной Норвегии зимой -15° , а летом $+15^{\circ}$. Таким образом, ни жары, ни холода они практически не знают. Такой благоприятный, какой-то усреднённый климат позволяет жителям страны не заботиться об утеплении домов. И зимой, и летом в домах норвежцев работают небольшие агрегаты – подобие наших кондиционеров. Летом они дают прохладу, зимой – тепло. Питание от электросети. Никаких печей и центрального отопления. Я как-то спросил Светлану:

- А если авария или ещё что-либо, не дай бог? Что тогда?
- У нас такого не происходит, – последовал ответ.

Но произошло. В один из дней на несколько часов электричество было отключено. На мой ироничный вопрошающий взгляд сестра ответила:

- Это ремонтные работы. Нас предупреждали.

Итак, мы плыли по Норвежскому морю. И слева, и справа по курсу то и дело появлялись острова. Вообще, всё побережье

Норвегии как бы изрезано многочисленными заливами и бухтами, а в море, рядом с материком, расположены тысячи островов, обжитые, с городами и причалами; малонаселённые, с небольшой кучкой домиков и совершенно безлюдные.

Наш теплоход причалил на острове, где расположен город Finnsnes, и мы сошли на берег. У нас в планах не было экскурсии по этому городу, мы лишь немного прогулялись рядом с пирсом и решили плыть обратно, но уже на другом пассажирском теплоходе, который совершал круизные плавания на дальние расстояния. Это был не новый, но очень комфортабельный и даже респектабельный теплоход с каютами для пассажиров, кафе, ресторанами, просторными палубами и удобными фойе для отдыха. Взойдя на борт, мои спутницы начали знакомство с этим большим теплоходом, а я сидел в кресле в одном из фойе и смотрел на короля и королеву Норвегии. Нет, они не совершали вместе с нами морскую прогулку. Это была картина, где на большом полотне, обрамлённом дорогой резной рамкой, были изображены в полный рост августейшие особы: король в парадном военном мундире, королева в длинном бальном платье. Это художественное изображение позволило впоследствии мне шутить, что в Норвегии я видел только двух красиво одетых людей – короля и королеву. Я полюбовался царствующими особами, а затем вышел на палубу. Здесь находились в основном туристы из разных стран. Попросил одну англичанку интеллигентной внешности сфотографировать меня, она предупредительно уточнила:

– На фоне норвежского флага или без него?

Я ответил:

– Сделайте два снимка: с флагом и без флага.

Вежливость и предупредительность – это отличительная черта не только туристов из Великобритании, сами норвежцы относятся друг к другу и к зарубежным гостям очень любезно и корректно. Они не могут создать каких-либо неудобств соседям, коллегам, случайным встречным в силу своего воспитания и менталитета. Даже в магазинах, где соответствующее обращение с клиентами как бы аксиома, налицо всегда особо внимательное отношение к посетителям. Продавцов не раздражают глупые вопросы и странные просьбы. В очередной раз, забегаю вперёд, скажу, что когда мы покупали сёмгу в норвежском EUROSPAR-е, чтобы взять с собой в качестве гостинца в Москву и в Йошкар-Олу, Лидия Ивановна, подгоняя вес рыбы под выделенную для этих целей валюту, несколько раз просила то уба-

вить, то прибавить количество рыбы, но продавщица делала это спокойно и без раздражения. Мило поблагодарила за покупку и сказала, чтобы мы заходили ещё. Таких примеров можно привести множество. К любому незнакомому прохожему можно смело обратиться с любым вопросом. Он с пониманием отнесётся к корявому английскому, и даже если он сам не знает английского (такое бывает, местные жители общаются на норвежском), то всё равно сделает всё возможное, чтобы понять ситуацию и помочь.

Теплоход держал курс на Тромсё. Мы, наконец, нашли друг друга в бесконечных переходах, залах, лестницах, и уже все вместе вышли на палубу. Снова и снова мы смотрели на завораживающие глаз море, горы и небо, а когда теплоход подходил уже ближе к Тромсё, Светлана по очертаниям берегов рассказывала нам, где находятся рыбоперерабатывающие фабрики, небольшие причалы частных владений и зелёные пастбища фермеров. Для неё подобные путешествия – обычное дело. Иногда, как правило, на выходные, она с подругами заказывает столик в ресторане теплохода, и они совмещают познание новых морских маршрутов с норвежской кухней.

К питанию, начиная с кофе и заканчивая десертом, норвежцы относятся основательно. Мало того что перекусить или плотно пообедать можно почти везде: в городе, в придорожных кафе, на теплоходах и яхтах, в отелях и мотелях, норвежцы, если куда-то едут, берут с собой бутерброды и термос с кофе. Это привычно и естественно. Перекусы они устраивают запросто, как только кто-либо из семьи или компании предложит выпить кофе. В общем, на аппетит они не жалуются, может, поэтому средний рост мужчин-скандинавов выше среднего роста европейцев. А если к этому добавить ещё и светлые волосы, то в этом случае мужчины-скандинавы выглядят очень эффектно.

Прибыв в Тромсё и благополучно сойдя на берег после увлекательной морской прогулки, мы обнаружили, что день ещё не закончился, и направились в научно-познавательный центр «Полярия». Это своеобразное здание, состоящее как бы из ледяных глыб, которые вытеснены суровым океаном в Арктике, построенное в 1996–1998 гг. в авангардном стиле, заметно выделяется из общей массы строений города. Предназначено оно, чтобы публика воочию могла видеть животный мир северных морей. Сначала мы рассматривали разнообразных морских рыб в огромном, но не очень глубоком бассейне, наполненном не только морской водой, но и растительной фауной моря. Некото-

рые невиданных размеров рыбы лежали почти неподвижно, до них можно было дотронуться рукой, но и тогда они не особо реагировали. Сытые и не нуждающиеся добывать себе пропитание, гоняясь за более мелкими рыбами, они тупо лежали в бассейне, едва шевеля плавниками. Рыбы поменьше резво плавали в этом искусственном мире, уже не догадываясь о настоящем море – их родине. Всё, что находится в бассейне, можно было рассматривать не только сверху, но и снизу. Снизу, в специальных проходах, он стеклянный. Зрелище неопишное. Через полчаса в другом бассейне началось кормление и выступление дрессированных тюленей. Они плавали с шарами, прыгали через кольца, делали сальто, выпрыгивая из воды, и многое другое. Но подобное я уже видел в Ялте на выступлении дельфинов. С чувством лёгкого пресыщения от полученных впечатлений мы возвращались на Straumsvegen, где расположено поместье Светланы, при этом не изменяя уже сложившейся традиции: посетив по дороге пару-тройку магазинов.

Четвёртый день нашего пребывания в стране легендарных викингов был посвящён настоящей морской рыбалке. Света договорилась с одной из подруг, у которой муж, владелец катера, согласился организовать нам рыбалку в море на треску и сайгу.

Мир наш воистину тесен. Подруга Светланы, Лена, встречавшая нас на причале, оказалась моей землячкой. Она родилась и выросла в Тотемском районе Вологодской области. Мне было приятно встретить землячку, которая владела одинаково хорошо русским, английским и норвежским. Её муж, Рольф, хозяин и капитан катера, русским не владел, но отлично говорил по-английски и, естественно, на норвежском. С ним у меня сразу установились дружеские отношения. У Рольфа, учёного и консультанта муниципалитета, имеется два хобби: столярное (плотницкое) дело и морская рыбалка. Его катер, двенадцати метров в длину, оснащён всем необходимым: навигатор, эхолот, панель управления, где компьютер показывает в режиме онлайн глубину моря, рельеф дна, расстояние до берега, проходящие судна и т. д. В рубке для пассажиров имеется стол, удобные диванчики, газовая плита, небольшой посудный шкаф, отдельный туалет. Электропитания от мощных батарей, которые заряжаются от генератора, хватает на многодневное автономное плавание. На палубе были приготовлены спиннинги и специальная большая ёмкость размером с ванну – для улова. Рольф проинструктировал нас, как обращаться со спиннингами, и мы с удовольствием приступили к делу. Всё просто: мы закидывали спиннингом

леску с блеснами и крючками, давали возможность опуститься ей до дна (это 10–12 метров), а затем быстро сматывали на барабан. Рыба буквально атаковала наши снасти, и мы только успевали её вытаскивать. Небольших по размерам рыб мы отцепляли и сбрасывали обратно в море, а настоящих, крупных, снимали с крючков и бросали в «ванну». Отцеплять тяжёлых рыб, которых трудно было удержать одной рукой (в другой руке спиннинг), причём скользкая, мокрая рыба всячески извивалась, совсем непросто. Поэтому мне постоянно приходилось просить Рольфа помочь. Он ловко снимал рыбу (или две) с крючков, а снова закидывал спиннинг, и всё повторялось. Лидия Ивановна, впервые участвующая в рыбалке, была самой удачливой. Редкий её заброс обходился без одной или двух пойманных рыб. Время от времени Рольф давал команду поднять спиннинги и менял место нахождения катера. По приборам он видел косяки рыб, передвигающихся в глубине моря. В течение двух часов мы практически полностью заполнили уловом ванну, и Рольф причалил к одному из островов, где находился специальный деревянный причал. Рольф занялся чисткой рыбы, бросая внутренности разделанных рыб в море, где их тут же пожирали стаи рыб и прилетевших чаек. А мы расставили складные стол и стулья, вытащили из рюкзака термос и бутерброды, и когда Рольф закончил свою работу, принялись трапезничать, обдуваемые свежим воздухом Норвежского моря.

Меня очень интересовало, почему при таких уловах Рольф не займётся промысловой добычей рыбы на продажу. Он объяснил, что получить лицензию на промысловый лов не так просто. Необходимо, чтобы заявитель уже имел опыт работы в рыболовной отрасли. Кроме того, преимуществом пользуются те претенденты, у которых отцы, а ещё лучше и деды, занимались рыболовством. Семейная преемственность очень ценится и, безусловно, имеет важное значение. А так, чтобы гражданин, допустим, всю жизнь работал водителем или учителем, а потом вдруг решил заняться рыболовством и подал заявку на лицензию, то ему однозначно будет отказ. Я рассказал Рольфу, что мой отец перед второй мировой войной ходил в море на рыболовных судах, приписанных в Мурманске.

– Этот факт был бы учтён, если бы я сделал заявку на профессиональный лов в Норвегии?

– Конечно, – отвечал Рольф, улыбаясь.

Лена спросила Рольфа: всё ли он понимает, что Анатолий говорит ему по-английски? Рольф, видимо, обладая хорошим

чувством юмора и учитывая уровень моего английского, ответил:

– Я не только разбираю, что Анатолий говорит по-английски, но я даже понимаю, что он хочет сказать.

Когда Лена перевела дословно их разговор с норвежского на русский, я, широко улыбаясь, пожал Рольфу руку.

На пирсе в Тромсё, где наш столь приятный и удачный морской круиз завершился, Рольф большую часть улова передал нам. Мы договорились, что встретимся ещё раз, уже на берегу, для общения. К сожалению, из-за плотной программы нашего пребывания в Тромсё, расписанной Светланой заранее, мы не смогли больше увидеться с Рольфом и Леной, но всякий раз, когда я звоню из России Светлане в Норвегию, то прошу передать привет этим милым, очень гостеприимным и предупредительным супругам.

Вечером женщины приготовили из нашего улова прекрасный ужин, и мы снова за бокалами вина сидели в уютном доме сестры и делились впечатлениями. Незаметно разговор перешёл на украинскую тему. Светлана оставалась истинной патриоткой России. Даже информацию о делах международных она предпочитала брать из русскоязычных каналов, а не из норвежских. Накануне как раз произошёл показательный случай. Одна из её школьных подруг, теперь проживающая в Западной Украине, в телефонном разговоре со Светой стала откровенно обвинять Россию и Путина во всех бедах Украины. На что Светлана очень чётко сказала: «Ты или прекращаешь чернить нашу страну и нашего президента, или я разрываю с тобой всякие отношения». Собеседница моментально сменила и тон, и тему. К сожалению, не все выходцы из России, проживающие в Норвегии, придерживаются подобных взглядов, а тем более открыто высказывают свою позицию. Сами же норвежцы в большинстве своём боятся России и уповают на НАТО. Трудно объяснить, почему в демократической и благополучной стране такая атмосфера недоверия к России, которая никогда не имела территориальных претензий к Норвегии, но это недоверие буквально проходит красной линией в центральной прессе Норвегии. В этом плане норвежцы настроены более недружелюбно, чем Европа в целом, исключая страны Прибалтики и Польшу.

Рано утром следующего дня мы встречали Диму, сына Светланы, который живёт в Мурманске и иногда навещает свою мать в Тромсё. Он приехал на своей машине и сразу включился в

хозяйственные дела. Первым делом он осмотрел, в порядке ли трактор, стоящий во дворе, отремонтировал кран в ванной комнате, а затем направился к озеру, которое находится в земельных владениях Светланы. Ещё Стейнар, муж Светы, в своё время запустил в озеро несколько мальков форели, и теперь Дима во время своих краткосрочных побывок у мамы непременно на удочку ловил озёрную рыбу.

Мы же в этот день решили, согласно утвержденного плана, отправиться в город и по знаменитой канатной дороге Фуникулер подняться на самую высокую гору местности Флэйе. В кабине подъёмника вместе с нами поднималась пара из Финляндии. По огромным фотоаппаратам, висевшим у них на груди, и треноге, которую они взяли с собой, было очевидно, что это профессиональные фотографы.

Когда я шутки ради сделал вид, что ужасно боюсь высоты (это, кстати, недалеко от истины), и что, может, зря мы затеяли эту авантюру, девушка-финка на хорошем русском стала меня успокаивать и рассказывать, какой изумительный вид нам откроется сверху. Мол ради этого стоит пересилить любой страх. Мы познакомились. Девушка – тоже из России – вышла замуж за своего коллегу-фотографа из Финляндии. Вместе путешествуют. Вообще, бывая за границей, я для себя сделал вывод: русские есть везде, и это радует.

Со смотровой площадки, которая расположена выше высоты птичьего полёта, хорошо рассматривались и весь город Тромсё, и прилегающие к морю горы, а также приплывающие и отплывающие от причала большие и маленькие теплоходы и яхты. Впрочем, с такой высоты они все казались игрушечными. Тем не менее Светлана попыталась объяснить нам, в каком месте, неподалёку от Тромсё, во время войны был затоплен немецкий линкор «Тирпиц», на котором погибли почти тысяча немецких офицеров и моряков.

К смотровой площадке примыкала пологая зелёная лужайка, на которой проходил какой-то молодёжный слёт или просто сбор группы энтузиастов. Они сидели на траве и слушали наставления инструкторов. Сделав несколько снимков, мы направились в уютный ресторанчик, расположенный здесь же, рядом со смотровой площадкой, где с аппетитом вкушали многослойные норвежские бутерброды, представляющие из себя батон, разрезанный вдоль, внутри которого находилось невероятное количество мяса, сыра и овощей. Всё это запивалось ароматным кофе и сопровождалось приятной беседой.

Насладившись горной высотой Флёйе, мы на подъёмнике отправились в обратный путь. Времени до конца дня было ещё достаточно, и мы воспользовались приглашением одной норвежской знакомой Светланы и отправились в гости в престижный район Тромсё. Как сказала сестра, это маленькая норвежская «Рублёвка», но удивить нас не удалось. В престижном квартале города стояли новые, но обычные деревянные дома в норвежском стиле. Участки, на которых располагались строения состоятельных горожан, были весьма небольшими. Кроме непосредственно жилого дома там располагались, как правило, гараж и маленькая площадка для автомашины. Внутри элитного, по норвежским представлениям, дома было комфортабельно, мебель – в современном европейском стиле, но все помещения, за исключением ванной комнаты, были небольших размеров. Хозяйка после экскурсии по дому пригласила нас на открытую веранду, где угощала нас кофе. Во время беседы выяснилось, что её муж, очень состоятельный бизнесмен, находится сейчас в США, где у него имеется недвижимость. Сама хозяйка, несколько лет назад получившая травму, оформила инвалидность, и ей государство выплачивает неплохую пенсию, несмотря на то что последствия травмы давно прошли, и она занимается спортом: ездит на велосипеде, катается на лыжах, ходит в горы. В Норвегии если оформлена пенсия, это пожизненно. Очень осторожно хозяйка расспрашивала о России, и выяснилось, что её представления о нашей стране настолько далеки от действительности, что абсолютно все её высказывания приходилось сначала деликатно, а потом уже настойчиво опровергать. Например, её очень интересовало, будут ли высылать из России лиц с двойным гражданством, как сильно преследуются граждане, у которых есть родственники за границей и т. д. В заключение беседы я пригласил собеседницу в Россию, где она сама всё увидит, согласно пословице, «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Несколько разочарованные, мы покидали местную «Рублёвку», но очередное посещение сувенирного магазина, где приятные продавщицы уже знали нас в лицо и исполняли все наши капризы в части приобретения сувениров, вернуло нам благодушное настроение, и, захав по сложившейся традиции в EUROSPAR, к вечеру мы прибыли домой.

Шестым днём нашего пребывания была суббота, и Светлана ещё с вечера объявила, что приготовит по особому рецепту утку в честь приезда её дочери, внучки и норвежского зятя,

которые по выходным иногда приезжают к ней из Тромсё. Мы стали готовиться к приезду гостей и знакомству с норвежским родственником. Но к обеду, который с таким старанием приготовили Светлана Павловна и Лидия Ивановна, приехала только дочка Светы Марина с маленьким внуком Максом. Зять не приехал. На недоуменные вопросы матери Марина смущённо объяснила, что он уехал на работу и прочее. «Сегодня выходной», – парировала Света, и на этом диспут по поводу зятя завершился. «Не захотел встречаться с русскими родственниками», – единодушно отметили мы с Димой и решили сделать соответствующий ответный шаг. Женщины хотели оставшуюся от обеда часть утки отправить зятю, но стоило им отлучиться из-за стола, Дима под мою одобрительную улыбку, через силу, но доел-таки утку, дабы не доставалась неуважившему нас заморскому родственнику.

Мы попросились с Мариной, взяв с неё обещание: не забывать о России, её родном Мурманске и обязательно приехать к нам в гости в Марий Эл. Женщины принялись убирать со стола и мыть посуду, а я решил обойти земельные владения сестры. Как пройти к озеру с форелью, мне подробно рассказал Дима, и я отправился в путь. Владения оказались немаленькими. Кроме строений в распоряжении Светланы луга, каменистый участок с кустарником, деревьями и ручьём, а также упомянутое озеро. Однако владениями земельный участок назвать можно только условно. По норвежским законам, земля может передаваться по наследству, но не может продаваться. Если, допустим, фермер решил продать свой дом, ферму, оборудование покупателю, который хочет заниматься сельским хозяйством, фермер от покупателя получает деньги за постройки и технику, но земельный участок передаёт бесплатно в пользование новому хозяину. Сельскохозяйственные угодья в Норвегии государство оберегает и строго контролирует их использование. Поэтому в этой скандинавской стране на землях, предназначенных под сельское хозяйство, не строятся гостиницы, магазины, автосервисы, лодочные станции, автозаправки и т. д. Приобрести в пользование сельхозугодия можно только в том случае, если потенциальный будущий хозяин действительно решил заниматься фермерством.

Через полтора километра пути я оказался у желанного озера. Не знаю, как Дима ловил в нём форель, но подойти вплотную к водоёму я не смог. Озеро со всех сторон окружал заболоченный грунт с высокой травой, и пройти к нему, даже прыгая с кочки на кочку, оказалось невозможным. Был август, и если бы

в такое вечернее время я оказался около болотистой местности на российской равнине, от комаров не было бы спасения. Здесь же, в Норвегии, при всех равных условиях даже мошек не было видно. Побродив на обратном пути по пересечённой местности, я благополучно вернулся в дом, где все домочадцы сидели перед телевизором на первом этаже. Только я к ним присоединился, как за окном зашумел ветер и начался сильный дождь. Буквально через несколько минут в дверь постучали. Когда мы все вышли в коридор, заинтересованные, кого принесло в такую непогоду, оказалось, что это двое туристов-велосипедистов из Германии, кстати, не владеющих ни английским, ни норвежским языками. С горем пополам мы поняли, что у них сломалась палатка, и им негде переночевать. Они были готовы разместиться в гараже, сарае, ферме, лишь бы была крыша над головой. Светлана объяснила им, что в гараже и других постройках ночью будет холодно, а в доме она не может им предоставить ночлег, так как нет свободных кроватей, но посоветовала обратиться к соседу, который держит специальную комнату для проезжающих туристов. Промокшие немцы последовали этому совету и вскоре, как мы наблюдали из окна, они, недолго пообщавшись с соседом, входили в его дом.

Последним днём нашего визита в Тромсё было воскресенье, а планов оставалось ещё «громать», и поэтому в десять часов утра, согласно предварительной договоренности, мы отправились на одну из животноводческих ферм, хозяин которой любезно согласился показать свою ферму и рассказать о технологическом процессе. Асгеир, так зовут владельца фермы, не знал английского, и поэтому Светлана снова привычно взяла на себя функции переводчика. Переводила она легко и свободно, потому как сама в своё время занималась фермерством и знала все тонкости молочного производства.

Основное отличие его фермы от российских ферм – это наличие робота. К роботу подходит корова, и он (робот) устанавливает автоматический аппарат доения, доит и убирает механизм. Затем подходит следующая корова и т. д. У каждой коровы имеется встроенный чип, на который компьютер подаёт сигнал, и корова, согласно принятому сигналу, идёт к роботу доиться. Подача сенажа, воды, уборка навоза – всё механизировано, но эти процессы мало чем отличаются от наших на отечественных фермах. Просто у нас, несмотря на механизацию, на ферме практически всегда имеется персонал доярок и скотников, которые могут что-то делать вручную. Асгеир работает один, и поэтому

что касается чистоты в помещениях для скота, то в России они выглядят даже более предпочтительно.

Дети Асгеира не пошли по его стопам и не хотят заниматься фермерством. Это его печалит. Ему приходится с утра до вечера без выходных трудиться в полную силу. На мой вопрос: «А если фермер заболит или ему нужно отлучиться на несколько дней?» – хозяин объяснил, что в этих случаях государство через муниципалитет предоставляет работника соответствующей квалификации, причём заработную плату временному работнику оплачивает государство. Фермеры Норвегии имеют ощутимую реальную поддержку от государства. Удобрения, ядохимикаты, средства опыления предоставляются практически бесплатно. Кредиты фермерам выдаются беспроцентные. Кроме того, государство гарантирует закупочные цены для сельхозпроизводителей. Желая сохранить своё сельскохозяйственное производство, Норвегия не входит в Европейское экономическое сообщество и пользуется своей национальной валютой.

Поблагодарив Асгеира за подробный рассказ о жизни местных фермеров, мы на автомашине, за рулём которой привычно была Света, отправились на север по дороге, которая шла вдоль побережья. Слева было море и небольшая полоска земли, на которой располагались обычные дома и фермерские хозяйства, иногда на приличном расстоянии друг от друга.

Отличительная особенность Норвегии – отсутствие любых заборов у жилых домов. Даже в старой центральной Европе частные дома окружены невысокими, точнее сказать, символическими заборами, через которые можно легко перешагнуть, но всё же это какая-то граница частного владения. Здесь же заборы отсутствуют напрочь. Впрочем, на жилые дома норвежцев редко кто посягает. Преступность крайне низкая. Если даже наркоманы (а таковые имеются и в благополучной Норвегии) забираются в чужое жилище с целью ограбления, то забирают они, как правило, только деньги и драгоценности.

Однако наше автопутешествие продолжалось. Справа от дороги, по которой мы ехали, возвышались горы. Вдоль шоссе, на деревянных столбах, даже без железобетонных пасынков, которые обычно вбиваются в грунт и к ним крепятся деревянные опоры (по крайней мере, так делается в России), шла линия электропередач. Дорога в две полосы (одна из них встречная) шла на многие десятки километров. Кое-где были оборудованы небольшие площадки для парковки машин, но их точнее назвать карманами.

Вообще, в плане инженерных коммуникаций Норвегия очень уязвимая страна. Наверное, понимая это, норвежские политики так единодушно уповают на «натовский зонтик». Хотя объяснить, как этот «зонтик» их защитит и от кого, толком рассказать они не могут.

Так мы ехали довольно долго, любуясь красотами северной страны. Неожиданно дорога уткнулась в скалу. Это было очень необычно: шоссе заканчивалось огромными скалами, на которых не было даже тропинок. Мы вышли из машины.

– А дальше что? – удивлённо спросила Лидия Ивановна.

– А дальше только Шпицберген и Северный полюс, – ответила Светлана, наш постоянный спутник и экскурсовод.

– Край света! – изумленно воскликнула Лидия Ивановна, и с ней было трудно не согласиться.

Немного остыв от эмоций, мы направились в обратный путь. Остановившись на одной из пришоссейных стоянок, Светлана проверила, что мы в соответствующей обуви, так как нам предстояла прогулка в горы, хотя прогулкой это назвать можно только с натяжкой. Подъём был достаточно крутым, но трудности и усталость компенсировались свежестью впечатлений. На вершинах гор был хорошо виден снег, который не тает даже летом. А зимой в горы устремляются горнольжники: профессионалы и любители. Каждый год среди них происходят несчастные случаи. Администрация фюльке (губернии) регулярно предупреждает об опасности лавин, но многих это не останавливает, и их путешествия иногда заканчиваются печально.

Мы выбрали популярный маршрут с тропками и местами для отдыха. Поднимаясь, часто останавливались, чтобы полюбоваться непривычным для нас с женой пейзажем. И чем выше поднимались, тем более широкий обзор открывался нам на оставшееся внизу синевато-серое море с незаметными волнами и нитку дороги, ведущей, как мы теперь знали, в никуда. Уже прилично поднявшись, мы увидели небольшое горное озеро с холодной и чистой водой. Как оно образовалось на такой высоте среди скал и камней, осталось для нас загадкой. Пройдя ещё немного, мы остановились на привал у огромного камня-валуна с плоской горизонтальной поверхностью. Ещё из объяснений школьной учительницы географии я помню, что такие отшлифованные камни остались со времён ледникового периода, когда движущиеся армады льда могли запросто отполировать каменные породы. Теперь мы могли не только видеть такой камень, но и использовать его как оригинальный большой обеденный

стол. Вытащили из рюкзака термос с кофе, бутерброды и устроили очередной перекус.

Мимо нас по горной тропе проходили туристы, причём каждый проходящий приветствовал нас. Мы отвечали на приветствие, в очередной раз отмечая воспитанность и вежливость норвежцев. В горы норвежцы ходят и поодиночке, и семьями, и компаниями. Это не только спорт, отдых и знакомство с природой, но ещё и национальный культ. Ведь море и горы – это неизменные составляющие Норвегии. После бутербродов и кофе нам уже не хотелось подниматься ещё выше, и мы устроили фотосессию на фоне горных пейзажей, редких деревьев, спокойного моря и чистого синего неба.

Этот наш последний в Тромсё день был одним из самых насыщенных, но он ещё не закончился. Возвращаясь домой, мы остановились у придорожного кафе, так как нас заинтересовали фигуры сказочных Тролли, установленных рядом с дорогой. Хозяин кафе пригласил нас пройти в здание, где он сможет предложить нам обед и напитки. Мы вежливо поблагодарили и отказались, но охотно воспользовались возможностью побеседовать с владельцем таверны. Раз в месяц в один из выходных дней в этом кафе устраивается своего рода праздник. К этому дню готовится множество блюд и закусок, завозится огромное количество пива. Фермеры и другие жители со всей округи приезжают в этот день к Троллям, пьют пиво, кушают и веселятся. Каждый раз готовится новая развлекательная программа. Выручка от такого мероприятия больше, чем за месяц обычной работы кафе. Мы сфотографировались с Троллями, с гостеприимным хозяином кафе и направились к дому Светланы, где нам предстояло паковать чемоданы.

Вылетали мы на следующее утро ранним рейсом Тромсё – Осло. В Осло предстояла пересадка на рейс Осло – Санкт-Петербург, причём в аэропорту Осло в нашем распоряжении было всего полчаса, чтобы зарегистрироваться и не опоздать на свой рейс. Светлана, явно учитывая этот факт, сказала нам, что ей нужно навестить подругу в Осло, и она летит до столицы Норвегии вместе с нами. В аэропорту мы тепло попрощались со Светой, и наш самолёт взял курс на Санкт-Петербург.

Моя милая, славная, добрая сестра! Конечно «навестить подругу» был только предлог, чтобы проводить нас до Осло и убедиться, что мы успеваем на посадку на самолёт до России. Светлана Павловна Акре сделала всё возможное, чтобы мы увидели и узнали как можно больше во время нашей по-

ездки в Норвегию. Её гостеприимство, заботу мы не забудем уже никогда.

В аэропорту Пулково нас традиционно встречал Алексей Аноров. Пообедав у него дома, мы уже самостоятельно направились с Лидией Ивановной на Московский вокзал, чтобы заранее купить билеты до Москвы (в северной столице мы планировали провести два дня). Спускаясь в метро, стоя рядом с женой на движущемся эскалаторе, широко раскинул руки, я громко воскликнул:

– Россияне! Как я вас люблю!

Люди вокруг улыбались и понимали: земляк вернулся из далёкого далёка и откровенно радуется возвращению на Родину.

На следующий день, уже находясь в Петергофе и гуляя по знаменитому парку рядом с неповторимым по красоте дворцом русских императоров, мы с Лидией Ивановной, беседуя, пришли к выводу, что каждый житель Тромсё, а ещё лучше каждый житель Норвегии, должен непременно побывать в Санкт-Петербурге, где они познакомятся с настоящей красотой: красотой Петрова города на Неве, красотой его окрестностей, красотой России. Пусть они пообщаются с русскими людьми и тогда наверняка не будут бояться нашей страны, а, наоборот, будут восхищаться и уважать Россию.

Однажды, когда я выступал с лекцией перед молодёжной аудиторией, мне был задан вопрос: «Вы повидали немало стран. Где бы Вы хотели родиться и жить заново, если бы это было возможно?» – «Конечно, в России!» – был мой ответ, и это действительно так.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Известный поэт и писатель, член Союза писателей России Анатолий Подольский в книге «Павловский платок» представлен как сложившийся прозаик, имеющий незыблемый авторитет и заслуженное доверие у читателей.

Рассказы и очерки автора регулярно публикуются в литературных журналах. Анатолий Анатольевич – частый гость на радио, где он в литературных передачах знакомит радиослушателей со своими рассказами, даёт интересные интервью, читает лирические и патриотические стихи.

Произведения А. Подольского нередко публикуются на Вологодчине – его малой родине, которой посвящены многие произведения автора.

Все его предыдущие книги – сборники стихов, а рассказы и очерки представлены в журналах и альманахах. Выход в свет этой книги позволит автору показать широкий спектр его прозы: рассказы с захватывающими сюжетами, очерки с художественным изложением и статьи, позволяющие увидеть особый, бескомпромиссный взгляд автора на охваченные темы.

У прозаика Анатолия Подольского свой увлекательный и лёгкий для чтения стиль повествования.

Автор – литератор универсальный, многосторонний, и добился в литературе признанных успехов. Профессор, доктор филологических наук Александр Тихонович Липатов, который считал Анатолия Анатольевича своим любимым учеником на литературном поприще, так написал в статье «Половодье земных и грёзовых чувств», посвящённой анализу поэзии автора: «...И в этом, если хотите, прелесть баллад, в коих пульсируют волнения и половодья чувств, соединяющих прошлое и настоящее, земное и грёзовое своей нежно-хрупкой нитью времени». Эти характеристики можно перенести и на прозаические произведения автора, и в этом – необыкновенное своеобразие А. Подольского как литератора.

Пусть эта книга порадует читателей многосторонностью творчества Анатолия Подольского.

*Юрий Соловьев,
член Союза писателей России*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шелепов С. Большое видится на расстоянии.....</i>	<i>3</i>
<i>Павловский платок. Рассказ.....</i>	<i>4</i>
<i>Верность ловеласа. Рассказ.....</i>	<i>17</i>
<i>Чёрный Барсик. Быль.....</i>	<i>28</i>
<i>Что за зверь такой? Рассказ.....</i>	<i>33</i>
<i>Нечистый виноват. Рассказ.....</i>	<i>40</i>
<i>Всё может быть. Рассказ.....</i>	<i>47</i>
<i>Счастливейший день. Новелла.....</i>	<i>73</i>
<i>Аргуновская школа. Время надежд. Рассказ-воспоминание.....</i>	<i>81</i>
<i>Поколения, история, судьбы. Очерк.....</i>	<i>96</i>
<i>Старшая сестра. Рассказ-воспоминание.....</i>	<i>103</i>
<i>На берегах Юга и Шарженьги. Очерк.....</i>	<i>129</i>
<i>Воспоминания о Саше Смирнове.....</i>	<i>156</i>
<i>Такие люди – совесть общества. Очерк.....</i>	<i>161</i>
<i>Выпью я глазами Родины простор. Очерк.....</i>	<i>165</i>
<i>У самого Белого моря. Путевые заметки.....</i>	<i>174</i>
<i>Впервые в Тарноге. Путевые заметки.....</i>	<i>193</i>
<i>Встречи на ярмарке.....</i>	<i>202</i>
<i>Париж и другая Европа. Путевые заметки.....</i>	<i>209</i>
<i>Семь дней в Норвегии. Путевые заметки.....</i>	<i>229</i>
<i>Соловьев Ю. Послесловие.....</i>	<i>254</i>

Подольский Анатолий Анатольевич

ПАВЛОВСКИЙ ПЛАТОК (12+)

Рассказы, очерки,
путевые заметки

Редактор *Н. В. Лихачева*
Компьютерная вёрстка *С. Г. Куклиной*
Дизайн обложки *В. В. Безденежных*

Подписано к печати 16.05.2017. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times».
Печать офсетная. Печ. л. 8,0. Тираж 1000 экз.
Заказ К-1284. Изд. 4.

ГУКП РМЭ «ИД «Марийское книжное издательство»,
424006, г. Йошкар-Ола, ул. Панфилова, 39.
<http://www.maribook12.ru>
E-mail: maribook@bk.ru

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия».
428019, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.